

**ВИКТОР
АЛЕКСАНДРОВ**

**ТИМУР-
СЫН ФРУНЗЕ**

О родине·подвигах·гести

Рисунок художника Н. Пильщикова

**ВИКТОР
АЛЕКСАНДРОВ**

ТИМУР- СЫН ФРУНЗЕ

Повесть

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1979

P2
A46

A $\frac{70302-155}{068(02)-79}$ 130-79

© Воениздат, 1979

...Его короткая жизнь блеснула ярко и благородно, как молния, как стальной и победный клинок его отца.

*Из фронтовой газеты «За Родину»,
№ 77, 1942 г.*

ПРОЛОГ

Наркомвоенмор умирал. Умирал тяжело, в полном сознании. И все же в это еще не хотели верить именитые медики Кремлевской и Солдатенковской больниц.

Очнувшись от наркоза, он сразу ощутил перемену в обстановке и обращении к себе: небольшая палата, еще накануне с утра до позднего вечера осаждаемая друзьями и близкими ему людьми, теперь сиротливо пустовала, а белые тени врачей и сестер перемещались беззвучно, словно призраки.

Это раздражало.

Хотел было запротестовать, даже приказать впустить к себе всех, кто — конечно же! — где-то там, внизу, в приемной, терпеливо ожидал профессорской милости, но его упредили, твердо и неумолимо:

— Нельзя... Сегодня нельзя.

«Впрочем, пусть будет так... Все равно Соня с детьми далеко», — подумал он.

После операции мучительные боли в желудке, терзавшие его несколько последних лет, не только не утихли, а, наоборот, разлились по всему внешне крепкому, добротнo скроенному природой телу. Он лежал с открытыми глазами и молча страдал. Он научился молча переносить страдания давно — и в камере обреченных, куда его дважды бросали по мрачному велению смертных пригово-

ров, и на царской каторге, и в боевом седле, после того как его не раз настигали неприятельские пули.

Ранние сумерки московской осени вливались в больничную палату, приглушая ослепительную белизну стен, примятой подушки и непривычную бледность лица больного. Глаза его, обычно светло-голубые, сейчас были темными, почти такими же, как проглядывавшие в верхних оконных рамах квадраты вечернего неба.

Дверь бесшумно отворилась, и в палату вошел озабоченный профессор. Тихо спросил:

— Михаил Васильевич, вы спите?

— Нет, — коротко ответил больной.

— Как себя чувствуете?

— Лучше...

Профессор с сомнением пробормотал: «Так, так...», легко коснулся сухой ладонью горячего лба, потом нащупал пульс.

— Ко мне кто приходил?

Профессор промолчал, словно не расслышал невнятного голоса больного. Но тот настойчивее и тверже переспросил:

— Ко мне приходили?

— Приходили, Михаил Васильевич... Однако, прошу вас, не напрягайтесь, нам лучше сейчас помолчать.— Профессор заботливо и осторожно, как опытная сиделка, поправил подушку.

— Кто?

Снова затяжная пауза. Но профессор не выдержал прямого и требовательного взгляда глубоко запавших глаз.

— Сталин и Микоян.

— Так где же они?

— Я их не пустил... Нельзя.— Губы больного плотно сжались, уйдя под навес широких русых усов. Профессор поспешил добавить: — Но Сталин оставил записочку...— И сунул руку в карман халата.

Больной шевельнул бровями, как бы раздумывая о чем-то, потом едва слышно промолвил:

— Прочтите.

В палате совсем стемнело, и профессор подошел к небольшому столику, засветил ночник. Скосив глаза, больной увидел в пучке мягкого света, падавшего из-под зеленого колпака, жилистые кисти рук и листок примятой бумаги.

— «Дружок! — негромко произнес профессор и, машинально пробегая взглядом последующие строки, невольно улыбнулся.— Был сегодня в пять часов вечера у товарища Розанова (я и Микоян). Хотел к тебе зайти— не пустил, язва. Мы вынуждены были покориться силе. Не скучай, голубчик мой. Привет. Мы еще придем, мы еще придем... Куба»¹.

В палате наступила минутная тишина. Больной молчал. По коридору кто-то быстро и неосторожно протопал, донеслись чьи-то неясные голоса. Профессор, прислушиваясь, нахмурился. И вдруг неожиданный вопрос:

— Ворошилов не приходил?

— Ворошилов? Его сейчас нет в Москве. Он в Крыму.

— Да, да... Совсем забыл...— И, подумав о Крыме, остро ощутил бессилие. Тревожное чувство вязко сжало сердце: «Как там Соня с детьми? Она ведь у меня вовсе хвора, а тут я со своей болячкой...»

Тяжело вздохнув, он прикрыл потемневшие веки. Профессор погасил свет и, стараясь не шуметь, вышел.

Но Фрунзе не уснул. Он даже не задремал. Просто не о чем было уже говорить — и так ясно. Все восстало против него — минувшая бессонная ночь после операции, и разрывающая все тело боль, и поразительно отчетливая, обострившаяся память. А если и хотелось говорить, то не с профессором, а с самыми близкими людьми.

Мать... жена... дети... брат... сестры...

¹ «Красная звезда», 31 октября 1930 г.

В далеком Пишпекке жила старенькая женщина, перед которой он всегда чувствовал себя провинившимся: это состояние сохранялось с малолетства, когда он изрядно проказил, а потом навсегда ушел из дому — стал, по гласному определению властей, «государственным преступником».

«Родная ты моя мама,— заговорил он мысленно прежним, чистым и мягким, голосом.— Полжизни своей тебя не видел, все недосуг было. Лишь в туркестанскую боевую страду свиделись...» Представил морщинистое, посуровевшее с годами лицо матери и услышал почти незаметный, приглушенный временем голос: «А ты у меня, сын, орлом стал».

Тогда порадовался материнской гордости; теперь же горестно усмехнулся: «Орлом!.. Эх, мама-матушка, не знаешь ты, что твой орел не то что взлететь — шевельнуть крылом не может; да и орлица совсем сдала, страшно подумать...»

По настоянию врачей уезжая из Крыма в Москву, чтобы лечь в Кремлевскую больницу, он успокаивал всполошившуюся жену:

— Все будет хорошо, однако тебе надо остаться здесь.

— Я поеду с тобой.

— Нет, Соня, ты будешь до зимы в Крыму. Сейчас в Москве сыкотно — для твоих легких сырость губельна. Будь умницей, поправляйся. Береги себя и детей, а за меня не волнуйся: тут... — он пощекотал ногтем металлическую пряжку ремня, — сущий пустячок.

«Пустячок», — сокрушенно повторил он про себя и сразу же поспешил отвлечься: представил, как бы зашагал по тихому Шереметевскому переулку, вошел через боковую калиточку в просматриваемый сквозь легкую железную ограду дворик, пересек его по диагонали и, бодро взбежав на второй этаж, оказался перед дверью с несколько фатальным номером «99».

Он любил свою московскую квартиру, заполненную

светом и книгами, голосами домочадцев и гостей; только теперь по комнатам бродила непривычная тишина, и лишь изредка возникал сдержанный говор — то старший брат успокаивал и подбадривал сестер, ожидавших с тревожной робостью добрых вестей из этой тесной, пропахшей лекарствами палаты.

Новый приступ боли смешал мысли. На грудь, казалось, положили тяжелую гирию. Он разомкнул поблекшие губы и, хлебнув воздуха, непослушной рукой коснулся горла, потом слегка помассировал грудь: «Да... плох, никуда не годится двигатель...» А у изголовья уже подстергал его обеспокоенный женский шепот:

— Вам плохо?

Удивленно приоткрыл глаза. В палате мрак, и лишь к темно-синим стеклам широкого окна прилипли две яркие звездочки.

— Вы слышите меня?

«Сиделка? Когда она вошла? В беспамятство впадаю или гложу?» Поскреб ослабшими пальцами по шерстяному одеялу, насторожился... Нет, со слухом все в порядке — характерный шорох ясно различим. Просто, ходят здесь вокруг него все на цыпочках — хоть кричи!

— Что вас беспокоит?

— Не что, а кто, — сдержанно, не своим голосом отозвался он и ворчливо добавил: — Давайте-ка, голубушка, как посоветовал давеча профессор, лучше помолчим.

У изголовья колыхнулась бело-голубая тень, и где-то рядом едва слышно скрипнул стул. В палате воцарилась тонко звенящая в ушах тишина, и он ощутил, как сквозь общую боль к щекам хлынула горячая, словно кипяток, волна. Упрекнул себя огорченно: «Экий же ты стал раздражительный, совсем развинтился. Негоже. Как говорится, двум смертям не бывать, а одной не миновать — сие ты уяснил еще в девятом году, когда впервые тебя казнить нацелились. А сейчас — иное дело, совсем иное...» И вслух:

— Не обижайтесь на хворого.

— Нет-нет, что вы! — донесся торопливый шепоток.

А в голове снова Крым, семья...

«Бедная-бедная Соня... Не убивайся, если что не так со мной получится. Верю, ты снова обретишь силу. Слышишь, ты должна долго жить — у нас ведь с тобой растут чудесные ребятишки! Воспитавай, чтобы ташкентская наша Чинарушка была такой же, как ты, моя первая и последняя радость, а Тимур... Тимур пусть будет, если хочешь, таким, как я, — красным солдатом. В этом тебе поможет Клим, он обещал мне... Обещал позаботиться о всех вас, а если, не дай бог, и с тобой что стряется, детей ему завещал...»

В глазах потемнело, призрачное окно расплылось, и звездочки исчезли. Это от усталости: утомился молча разговаривать, даже губы пересохли, запеклись. Только бы сиделка не заметила, а то начнет, едва касаясь мокрой салфеткой, увлажнять рот и нашептывать: «Ш-што вас беспокоит?»

Переведя дыхание, снова начал думать. Молча говорить трудно, думать — легче. Вспомнился недавний разговор с Ворошиловым. Перед отъездом в Крым Климент Ефремович зашел к нему в больницу. До операции оставалось несколько дней, и старый товарищ ободряюще воскликнул:

— Это как перед атакой! Но бой будет наш, Миша, мы его выиграем! Верно?

Потом долго беседовали — вспоминали, как некогда вместе нелегально ехали на ветхом суденышке в Стокгольм, на съезд партии, припомнили и недавнюю совместную борьбу против Врангеля, помечтали о Красной Армии, о ее грядущем могуществе. Тогда-то и ударила режущая боль под самое сердце, мгновенно притушив веселый блеск его глаз.

Ворошилов метнулся было к двери, за врачом.

— Погоди! — требовательно остановил его больной. Помолчав, тихо сказал: — Клим...

— Что, Миша? Опять ковырнуло?

— Точно заметил — ковырнуло... Как осколком в той атаке, которую ты придумал.

— Ничего, ничего, Миша, осталось теперь недолго.

— Вот именно, недолго. Обещай мне, если я умру под ножом, позаботиться о семье... о детях.

Ворошилов отпрянул:

— К чему такие слова?.. Розанов и Касаткин — а у этих московских Гиппократов, учти, не только золотые головы, но и руки! — в один голос заверили: ни малейших оснований для тревоги. Так что...

— Клим! Уводишь разговор в сторону. Я — и это ты отлично знаешь — не пессимист. Скажи без уверток: обещаешь?

Ворошилов встал, отошел к окну. Он очень хорошо знал своего боевого друга: ему нужен четкий и прямой ответ. Знал и то, насколько серьезно больна Софья Алексеевна, однако в счастливом исходе назначенной операции не сомневался. Да что там раздумывать! Если б хоть на секунду усомнился — немедленно отменил свой отъезд, давно объявленный приказом по наркомату.

— Что ж ты молчишь?

— Обещаю... Но все это ты зря. Не успею вернуться, как ты уже будешь на ногах.

— Для меня важно твое первое слово. Итак, помни главное: судьбу детей завещаю тебе...

Сиделка включила приглушенный темным абажуром боковой свет, склонилась над кроватью, и он почувствовал на воспаленных губах приятную влагу. Настороженно стал ждать вопроса, однако сиделка бесшумно отошла, села в тени.

«Удивительно, промолчала... Не поинтересовалась самочувствием», — подумал он разочарованно, словно пожалел, что даже повозмущаться нельзя. Тут-то и вспомни-

лась ему еще одна беседа в больничной палате с товарищем по Верхоленской ссылке, бывшим шлиссельбуржцем. Вот тот мог возмущаться — и шумно, и язвительно. Как и Ворошилов, он тоже вначале отпрянул: слишком уж прямолинейным было предчувствие.

— Ты знаешь, — сказал ему больной спокойным голосом, — я могу умереть под ножом. Так вот, у меня к тебе большая просьба.

— Что за вздор! — вскричал выдавший виды шлиссельбуржец.

— Это не обязательно, но может случиться.

— Вздор, вздор!

— Никто не может быть гарантирован от случайностей.

— Операция пройдет нормально! Это понимают все — от первого профессора до последней сиделки.

— Я тоже думаю, что операция пройдет благополучно, но...

— Никаких «но» быть не может! Что с тобой, Михаил?

— Но... — упорно, даже несколько жестко повторил наркомвоенмор, — на всякий случай, если что произойдет со мною, я прошу тебя пойти в ЦК и сказать о моем желании быть похороненным в Шуе.

— В Шуе? Превосходно! — уже саркастически заметил тот. — А почему бы не в Пишпеке? Пишпек-то по всем статьям ближе — и родина твоя, и воевал ты в тех краях, говорят, славно.

— А ты не язви, — тем же спокойным, но отвердевшим голосом сказал наркомвоенмор. Передохнув, продолжал мягче, даже с едва уловимой грустью: — Именно в Шуе, потому что я люблю Шую, глубоко связан с та- мощным революционным движением.

Стало невыносимо тяжело смотреть на измученное лицо товарища, который, казалось, настолько твердо поверил в близкую кончину, что начал вдаваться в подробно-

сти и даже попытался по-деловому аргументировать высказанную просьбу.

— Мне думается,— наморщив обычно гладкий лоб, говорил он,— что, если меня похоронят в Шуе, это будет иметь и определенное политическое значение. Рабочие, навещая мою могилу, будут вспоминать о бурных днях пятого года и Великого Октября. А это, уверен, поможет им, мобилизует на большую работу в будущем...

Ясно представил укоряющий взгляд негнбаемого шлиссельбуржца, а в ушах до сих пор различимо звучал его притихший, жестковатый голос.

— Ты всегда был романтиком, Михаил. Романтиком-жизнелюбом. Но то, что ты сейчас наговорил мне,— это, прости, замогильная романтика. А таковая не к лицу тебе.

— И все же ты пойдешь в ЦК и передашь мою просьбу.

— Рад огорчить тебя: не пойду — не возникнет... не должно возникнуть такой необходимости...

Не огорчился, а скорее всего порадовался. Порадовался настолько, насколько может радоваться человек в его критическом, в сущности, положении. И хотя все были уверены в благополучном исходе операции, но вот он сам... Что бы там ни говорили, а предчувствие порой вторгается в твое существо тяжелым гнетом, и отделаться от него нет никакой возможности.

Когда Фрунзе остался один, то, поддаваясь настроению и убежденности рассерженного друга, подумал: «Замогильная романтика... Хлестко отчитал! Ну что ж, еще поживем! Да и нельзя мне сейчас умирать — сколько добрых начал в армии намечено, надо их все вытянуть и довести до конца. А то найдутся горе-теоретики — «обоснуют» и заморозят. Одна ядовитая мысль Троцкого о невозможности применения марксизма к военному делу чего стоит!»

В обостренной памяти возникло шумное совещание военных делегатов на одиннадцатом съезде партии, на котором Троцкий, как всегда извергая холодный фейерверк острословия, вещал: «Военной «науки» нет и не было... Война есть «ремесло»... Каким образом можно приемы военного ремесла строить при помощи марксистского метода?»

— Бред!

— Что вы сказали? — Сиделка нагнулась над кроватью.

Он глядел мимо нее, куда-то в затемненный угол палаты, на бледных щеках пылал закатный румянец.

— Бред! Бред! Это — опасный человек! Его на пушечный выстрел нельзя подпускать к армии!

Сиделка всполошилась и, пугливо озираясь, скрылась за дверью. Вскоре в палату спешно вошли профессор и сестра. Профессор молча подал глазами знак. Остро запахло эфиром, в быстрых пальцах сестры блеснуло тонкое жало шприца.

— Профессор, только, пожалуйста, без таинственных подмигиваний. Если вам так уж хочется сделать мне еще один укол, извольте...

Он откинул тяжелую, с едва сжатым кулаком руку. Сестра проворно оголила ее и, протерев ваткой белую тугою кожу повыше локтя, уколола.

В голове замглолось, веки отяжелели, огненная боль приутихла, по всему телу разлилась обморочная слабость. Сначала возникли неясные тени, потом они оформились, стали контрастнее.

«Так уже было...» — отрешенно шевельнулась мысль.

А было это давно. Не тогда, когда он мучительно долго ожидал исполнения над собой смертного приговора, а шестью годами позже, когда бежал из сибирской ссылки. Его исступленно искали, гнались по следу. Он же, чтобы ввести в заблуждение вездесущую жандармерию, предпринял неожиданный ход: «А что, если... умереть?»

И — «умер».

А когда весть о его «смерти» убавила прыти усердным ищейкам, он, как и сейчас, ощутил непривычное головокружение; но то была слабость одного мгновения, как в длительном беге, когда тут же в силу вступает второе дыхание.

Все произошло тогда так. Верные друзья, одоббив его план, достали ему подлинный паспорт на имя Михаила Михайлова.

Миша Михайлов не вымысел. Он был его школьным товарищем, который без вести пропал на фронте. С немалым трудом получив через своих единомышленников с согласия убитых горем родителей подлинные документы их сына (метрики, паспорт, характеристики), будущий наркомвоенмор стал официально Михаилом Александровичем Михайловым... Он и раньше не раз менял имена и фамилии: был и Трифоньчем, и Арсением, и Владимиром Василенко. Но то были конспиративные партийные клички. На этот же раз случай был исключительным. Во имя великой цели он не просто скрылся под чужим паспортом, а официально «погибнув на фронте» (во что поверили даже близкие товарищи по ссылке), как бы перевоплотился в другого, такого же, как и он сам, смелого, порывистого, устремленного вперед, но все же другого, имя которого суждено ему было нести в себе даже после того, когда надобность скрывать свое подлинное имя отпала. Да он и не скрывал его, а только в память о не вернувшемся с губительной войны друге надолго остался Михаилом Михайловым...

Это о нем писала газета «Минский голос» в номере от 12 октября 1917 года:

«Начальник Минской городской милиции Михайлов покидает свой пост и сегодня уезжает из Минска. Оставление Михайловым Минска вызовет у многих и многих искреннее сожаление. Михайлов за свое семимесячное пребывание на посту начальника милиции успел заре-

комендовать себя как энергичный работник, отличный организатор...»

— Соня,— лихорадочно забормотал он воспаленными губами,— не забывай нашего с тобой Минска, ты меня сделала там самым счастливым человеком...

Прохладный комочек бинта коснулся губ, и рот его плотно сомкнулся. На русых волосках усов тускло вспыхнули бисерные капельки влаги. Некоторое время ощущался во рту отрезвляющий вкус пресной воды, но вскоре новый приступ жара отбросил его в то недалекое прошлое, когда стоял он во главе действующих армий и фронтов. Издавая приказы по войскам, он частенько к своей фамилии приписывал: «Михайлов». И даже Ленин в те опаленные пороховым огнем дни не забывал его второго боевого «я» и отсылал на фронт «Фрунзе-Михайлову» срочные, вне всякой очереди телеграммы, прозорливо нацеливая: «Помните, что надо во что бы то ни стало на плечах противника войти в Крым. Готовьтесь обстоятельнее, проверьте — изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма» (16 октября 1920 г.).

И был легендарный переход вброд через Сиваш и беспримерный штурм Перекопа. А потом один за другим пали последние форпосты «черного барона» — Таганаш, Джанкой, Симферополь, Феодосия, Севастополь и...

И ровно через месяц Ленин получил ответ: «Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован» (16 ноября 1920 г.).

— Ленин... По существу, ведь совсем недавно писал ему... А его уже нет... Какая страшная несправедливость!

На губы вновь легла прохладная влага. А в душе сумерками нарастала тоска: «Как его сейчас нам не хватает! Нет, нет... я не могу, не имею права умереть... Не все бои еще выиграны...»

Удар в сердце был жесток, как взрыв.

Память потухла.

Палата наполнилась людьми в белых халатах и терпкими запахами лекарств...

Сорок минут еще тлела в его могучем теле жизнь. И — угасла. Ночь. На часах — пять сорок. На календаре — последний день октября 1925 года.

Обычно оживленная и светлая квартира в Шереметевском переулке притихла, к окнам опустилось тяжелое, словно налитое свинцом, ноябрьское небо. В глубине просторной комнаты, у окна, замерла одинокая фигура женщины — Софья Алексеевна, вдова.

Она, зябко укутавшись в пуховую шаль, стояла неподвижно, безвольно подчиняясь какому-то гнетущему оцепенению. Обрывки фраз газетных сообщений, знакомых и незнакомых голосов, то и дело повторяясь, звучали где-то рядом, и не было сил избавиться, уйти от них...

— Личная история Фрунзе, нашего дорогого боевого товарища, сердце которого перестало биться в ночь на тридцать первое октября, есть отражение истории нашей партии, мужественной, беззаветно храброй, до конца преданной пролетариату, сросшейся всеми корнями с рабочими кварталами...

— Этот год был для нас проклятием. Он вырвал из нашей среды целый ряд руководящих товарищей. Но этого оказалось недостаточно, и понадобилась еще одна жертва...

— Безмерно тяжело говорить над раскрытой могилой, в которую мы сейчас опустим то, что осталось смертного от товарища Фрунзе...

И его опустили, словно это не он всего лишь несколько дней тому назад писал ей в Крым из девятнадцатой палаты Кремлевки: «Ну, вот... подошел и конец моим испытаниям. Завтра утром я переезжаю в Солдатенковскую больницу, а послезавтра (в четверг) будет операция. Когда ты получишь это письмо, вероятно, в твоих руках уже будет телеграмма, извещающая о ее результатах».

Страшна была телеграмма, но еще страшнее стоять у могилы, пахнувшей сырой землей. Софья Алексеевна, мертвенно бледная, с горестно опущенными плечами, смотрела тогда в эту ужасную яму и отчетливо осязала всем своим существом каждый взмах жутко шуршащих лопат. Смотрела и все еще не верила своим глазам. Но комья земли гулко стучали о красную крышку гроба, и этот прерывистый гул больно бил по сердцу. Хотелось по-женски заголосить на всю Красную площадь: «Не-е-ет! Это неправда!» Но крик, словно при удущье, застрял в груди, налив глаза безысходным горем и отчаянием.

Так и в этот вечер, когда комнату покинули остатки дневного света, она смотрела в окно и как бы вслушивалась в незатухающее эхо своей невыплаканной скорби: «...неправда!»

По переулку, вспугивая темноту, проехал автомобиль. В комнату ворвался косой луч, и предметы словно ожили, сдвинулись с места, поползли к потолку. Софья Алексеевна подумала вслух — сначала шепотом, а потом громко, в полный голос:

— Нет... все это правда.. И правда то, что я жива, а Миши нет...

Отворилась дверь, и вошла Екатерина Николаевна, мать Софьи Алексеевны, невысокая пожилая женщина в черном.

— Соня, что ты в темноте? С кем разговариваешь?

— Мама, смотри,— вскинула Софья Алексеевна руку — шаль соскользнула с одного плеча.— За окном ночь, а жизнь продолжается. И я живу... А Миши нет и не будет. Ты понимаешь, мама, и... не... будет...

Екатерина Николаевна поспешила повернуть выключатель. Софья Алексеевна зажмурилась. Ее впалые щеки горели неестественно ярким румянцем.

— Да ты вся горишь! А ну-ка пойдем, пойдем, милая, нечего тебе здесь у стылого окна делать.— Поправила ей шаль и увела в спальню.

Тут же из глубины коридора вышел коренастый мужчина и следом, как тень, направился за ними.

Константин Васильевич, старший брат покойного наркомвоенмора, прилагал в эти дни все свои способности опытного земского врача, чтобы облегчить нервное потрясение близких, собравшихся в траурные дни в квартире Фрунзе. Особенно беспокоило его состояние убитых горем матери и Софьи Алексеевны, душевные и физические силы которых он пытался поддержать всеми средствами. Он же сам и сестры, а также мать и отец невестки держались мужественно, горевали тяжело, но скрытно: избитая опасностями жизнь подвижника-революционера Арсения давно закалила их чувства.

Сделав стимулирующий укол, Константин Васильевич тихо сказал:

— Вы идите отдохните, Екатерина Николаевна, а то лицом-то почернели. Соня уснула. Я присмотрю.

Потом он сам неслышным шагом прошел в соседнюю комнату, устало опустился на стул. Упершись локтями в колени, обхватил крупную, с короткой стрижкой, голову, стал медленно раскачиваться. Попытался представить брата в юности. Невольно вспомнилось давнее-давнее письмо, пришедшее из Питера в Казань. Младший брат отвечал старшему на вопрос, почему он, поступив в столичный институт, избрал экономическое отделение, а не медицинское.

«Милый Костя, экономика — это основа всего, — отвечал Михаил. — Мы будем с тобой лечить больного, а через год или месяц он погибнет от голода, от грязи, от холода в своем убогом жилье! Лечить надо глубже — изменить всю жизнь, чтобы не было бедности и лишений, ни у кого и никогда... Я не хочу сказать себе на склоне лет: «Вот и прожита моя жизнь, а к чему? Что стало лучше в мире в результате моей жизни?..»

Поразительно, так писал девятнадцатилетний юноша! А вскоре, после позорного Кровавого воскресенья, он при-

слад письмо матери, которое не оставляло сомнений в избранном им жизненном пути. Он заявил прямо и решительно: «Милая мама, у тебя есть сын Костя, есть дочери. Надеюсь, что они тебя не оставят, позаботятся о тебе в трудную минуту, а на мне, пожалуй, должна поставить крест... Потоки крови, пролитые 9 января, требуют расплаты. Отдаю всего себя революции...»

«Страшно даже представить, — думал Константин Васильевич, — из скольких схваток со смертью выходил Михаил победителем, а тут-то, в сущности, и схватки не было: сложная, но весьма обычная операция при повышенном внимании друзей, близких и светил медицины... А вот — не уберегся, просчитался, и она, старая его противница, подстерегла, подкосила железное сердце».

Продолжая раскачиваться из стороны в сторону, он не без горечи промолвил:

— Впрочем, все это враки, когда говорят о железных, даже стальных сердцах. Сердце есть сердце. И у Михаила оно было самое обыкновенное, человеческое, к тому же истерзанное в тюрьмах, на каторге и в войнах...

В какой-то комнате мягким боем приглушенно напомнили о позднем вечере часы. Константин Васильевич по докторской привычке потянул за цепочку свои, карманные.

— А время идет, — непроизвольно сказал он и, откинувшись на спинку стула, задремал.

Ранним утром в прихожей короткой трелью нарушил тишину звонок. Приехали Ворошиловы. Их встретила везде поспевавшая в эти дни, осунувшаяся, но, как всегда, расторопная Екатерина Николаевна.

— Не ждали?

— Вы всегда жданные, — сказала Екатерина Николаевна, ласково оглядывая смуглое лицо своей тетки, черноокой Катюши Ворошиловой, и повела рукой: — Прошу.

— Как самочувствие Мавры Ефимовны? Как Софья Алексеевна?

Екатерина Николаевна слабо махнула рукой:

— И не спрашивайте, Екатерина Давыдовна... Слегла старая, и с Соней...— голос ее дрогнул,— и с Соней творится что-то неладное. Обострилась ее болезнь. Все время температурит. Константин Васильевич присматривает за ними, ни на шаг не отходит ни днем ни ночью.

Ворошилов, проходя в комнату, напомнил жене:

— Константин Васильевич — отличный врач. В этом качестве Миша его с собой увлек даже в Турцию, когда совершал посольскую миссию к Кемаль-паше. Прошло всего четыре года с тех пор, и первый президент турок...— Климент Ефремович раскрыл прихваченную с собой кожаную папку, тронул ладонью первый лист,— ...прислал телеграмму: скорбит по случаю тяжелой утраты великого друга турецкого народа. Это тоже соблезнования от разных лиц и организаций, выраженные непосредственно семье.— Вынув из папки исписанные листки, положил их на стол рядом с рамкой, из которой поглядывал на гостей веселыми глазами Фрунзе.

Екатерина Николаевна рассеянно листала телеграфные бланки, а сама чутко прислушивалась к какому-то шуму, доносившемуся из дальней комнаты. Потом вдруг всплеснула руками:

— Это он — Тимка... Ну что с ним поделаешь, опять скачет! На минуту лишь Клаша отлучилась...— И распахнула дверь.

По коридору верхом на полой щетке притопывал раскрасневшийся малыш. Он с ходу свернул в просторную комнату, но, заметив гостей, внезапно остановился и чуть не ужал. Климент Ефремович вовремя шагнул к всаднику и подхватил его вместе с «конем» на руки.

— Стоп, прыскакали!

Принимая щетку, Екатерина Николаевна сокрушенно покачала головой:

— Совсем несмышлениш — не понимает, что остался без отца. Ему-то и трех еще нет.

— А как девочка? — спросила Екатерина Давыдовна.

— Танюша? Та вместе с бабушкой Маврой горюет. Друг друга успокаивают — трогательное зрелище.

Климент Ефремович опустил на стул и посадил на колено Тимура. Тот, забыв о своем «коне», занялся рубиновыми орденами, прикрепленными к нагрудному карману френча; потом вдруг, сдвинув брови, авторитетно объявил:

— Как у папы.

— Екатерина Николаевна, — глуховатым голосом промолвил Ворошилов раздумчиво, — а что, если детей мы возьмем к себе?

— Нет-нет-нет! — быстро откликнулась та.

Климента Ефремовича поддержала жена, пояснив:

— Хотя бы на время, пока...

— Нет-нет! Это совсем ни к чему, — перебила ее Екатерина Николаевна и взяла Тимура на руки, словно опасаясь, что внука могут сию же минуту увести.

Климент Ефремович встал, сосредоточенно прошелся по комнате, а потом остановился перед нахмурившейся тещей и затаившимся сыном покойного друга. Собираясь с мыслями, машинально поиграл белокурой челкой Тимура и сказал:

— Мы прекрасно понимаем, что наше предложение вроде бы и неуместно, но Михаил Васильевич сам меня просил позаботиться о его семье, о детях. Вам ведь Сою надо доглядывать и доглядывать, а дети...

— ...а дети, — уже жестко подхватила Екатерина Николаевна, — должны быть дома, при матери.

«Характер народовольческий — упорный, — подумал Ворошилов, невольно припомнив давнюю романтическую историю этой хрупкой пожилой женщины, которая во имя дела своей партии однажды вступила в фиктивный брак, а потом стала боевой подругой ссыльного народовольца Алексея Поликарповича Колтановского, ныне здравствующего деда вот этого мальчонки с азиатским именем и

его сестры, едва не названной Чинарой... Софья Алексеевна, рассказывают, запротестовала и настояла, чтобы дочери дали русское имя; хотела она и сына Сергеем назвать, но тут все же одержала верх азартная влюбленность отца в землю, горы и небо родного Пишпека — Тимур, и точка!.. Все в этой семье не как у других — то окрашено щедро легендой, то романтикой...»

Так размышлял человек, сам вопевший в ратные легенды, а пожилая женщина с воспаленными от бессоницы глазами непреклонно твердила:

— И Соня и Мавра Ефимовна отойдут, выстоят... — Сдержанно вздохнув, уверила: — Все будет изрядно.

Но «изрядно» уже не было. И если Мавра Ефимовна, наделенная смолоду крепким крестьянским здоровьем воронежских хлеборобов, выстояла, выдержала лютый удар по материнскому сердцу, то Софья Алексеевна, женщина самоотверженная, но болезненная, с подточенными в суровой Сибири легкими, так и не оправилась. Ни врачи, ни крымское солнце, ни отчаянный материнский уход — ничто уже ей не помогло. Немногим она пережила человека, который встретился на ее пути в далекой сумрачной Чите: через два месяца после кончины Михаила Васильевича наступил новый, 1926-й, последний ее год.

К осени Таня и Тимур осиротели.

Климент Ефремович вновь навестил квартиру в Шереметевском переулке. На этот раз он пришел один, и его встретила плотная женщина с круглым, морщинистым лицом и скорбными складками вокруг слегка подобранных губ.

— Рад видеть вас в полном здравии, Мавра Ефимовна.

— Э-э, — слабо отмахнулась она, — здоров дуб, да дуплист, как встарь говаривали.

— Слышал, совсем перебрались в Москву?

— Да, вот так... Как ни крепились сватья, изникли — смерть Софьюшки одолела и их. Порешили так: за ма-

лютками мне приглядывать, а там когда и Клаша, старшая дочка моя, наведается. Ныне она с ними в Александровском сквере гуляет.

Прошли в рабочий кабинет, присели на жесткий диван. Ворошилов огляделся, увидел новую фотографию, прислоненную к настольному портрету Фрунзе, — на снимке Таня и Тимур, милые и серьезные; с края стола, как при жизни хозяина, стопка свежих газет. Перевел взгляд на строгое, непроницаемое лицо матери друга. Спросил:

— Как дети?

Отвернулась, хмурия светлые глаза, — на оконных стеклах желтел косой отблеск закатного солнца. Ответила сдавленным голосом:

— Слабенькие они у меня, бледненькие... А румянец на щеках вот такой, в яблоко. Только больно уж те яблоки яркие... А там, гляди, и школьная пора для Танюши подоспеет. Думаю повременить со школой. Пусть дома под приглядом побудет. Да и учительница уже к ней ходит, славная такая немочка, Милида Карловна...

У Ворошилова между бровей залегла глубокая складка. Помолчали...

— В яблоко, говорите? — запоздало переспросил Климент Ефремович, а сам думал: «То, что сегодня Клаша с ними гуляет, а порой наведывается, и то, что Танюшке временно школу немочка заменит, если не похвально, то терпимо, но это же не поправит их здоровья. Надо сказать ей прямо и решительно о наказе Михаила». И, снизив голос до непривычной хрипотцы, поведал как можно убедительнее и теплее о воле ее сына в то последнее, роковое свидание перед операцией.

Мавра Ефимовна внимательно слушала и, подперев узловатой рукой помятый годами подбородок, едва приметно кивала головой, будто соглашалась с каждым словом Ворошилова, а когда он умолк, взглянула на него в упор.

— Что ж, спасибо, Климушка, за благое слово и заботливость. Но у деток есть родня: дед, бабка, тетки, дядька... Есть, да будет тебе известно, и другая, старая-старая бабка — вот она, перед тобою. И пока эта бабка живет-может, нечего моей Чинарушке да моему Тимочке входить в чужую семью.

— В чужую? Обижаете, Мавра Ефимовна, — озадаченно постукал о паркет каблуком Ворошилов, и шпора на его сапоге грустно затренькала.

— А ты не обижайся. Я старуха прямая, говорю без околичностей.

— Так, без околичностей... Однако ж, глубокочтимая родня Миши — и дедушка, и бабушки, и дядюшка, и все тетушки, хотите вы того или нет, я обязан позаботиться о детях первого наркомвоенмора и войду в правительство с ходатайством об определении им опекунов. Для тех, у кого на бледных щеках румянец в яблоко, нужен не столичный Александровский сад, а всего-навсего... провинциальный Крым. Да-да, тот самый Крым, из которого ваш сын, Мавра Ефимовна, вышиб последнего самозванного царька. И опекуны об этом побеспокоятся. Так-то оно, мамушка моя, будет спокойнее. — Он бережно обнял ее за круглые усталые плечи. — А главное — правильно.

Она продолжала смотреть на него в упор, а он, порывисто встав, решительно тряхнул рукой:

— Конечно же только так!

Перед старушкой стоял коренастый моложавый человек, сменивший ее сына на высоком посту наркомвоенмора, и было ей до сих пор удивительно, что там, наверху, в правительстве, вот такие, как этот, и такие, каким был ее младший сын, самые обыкновенные, простецкие люди. Ни капельки важности...

Смотрела она и думала: «Нет уж, Климушка, не для того я двадцать годков маялась без меньшого, чтоб две его кровинки из рук выпустить. Не отпущу!»

И тоже встала.

— Тебе видней, какие с правительством разговоры вести, а внуков не отпущу. Вот и весь мой сказ.

Из прихожей донесли детские голоса, суетливый топот, ворчливое назидание тети Клаши. Глаза Мавры Ефимовны потеплели:

— Вернулись...

Климент Ефремович вынул из кожаной сумки и развернул небольшой сверток.

— Спрячь, спрячь! Пусть с воздуха покушают без помехи, а то их после твоих сластей за тарелку не засадишь.

— Понимаю.— Пощипав короткие усы, он подсунул две шоколадки в ярких обертках под стопку газет:— Фрунзятам.

Попрощавшись, как можно тише вышел и спустился по лестнице во дворик-палисад, закурил. Невесело усмехнулся своим мыслям: «Пока еще ни один завет Михаила мы не выполнили. Доверенный товарищ приходил в ЦК и уверял, что покойный просил похоронить его в Шуе. Не послушались — похоронили на Красной площади. И правильно поступили. Теперь к порогу осиротевшего его дома прихожу я и уверяю, что мне было строжайше наказано позаботиться о его детях — тоже не слушаются...»

Дробный, дребезжащий стук прервал размышления. Климент Ефремович оглянулся.

В окне второго этажа во весь свой невеликий рост стоял Тимур и настukiвал ладошками по стеклу. На светлой его голове нахлобученно топорщился отцовский острокопечный шлем, из-под козырька озорно сияли голубые-голубые глазенки

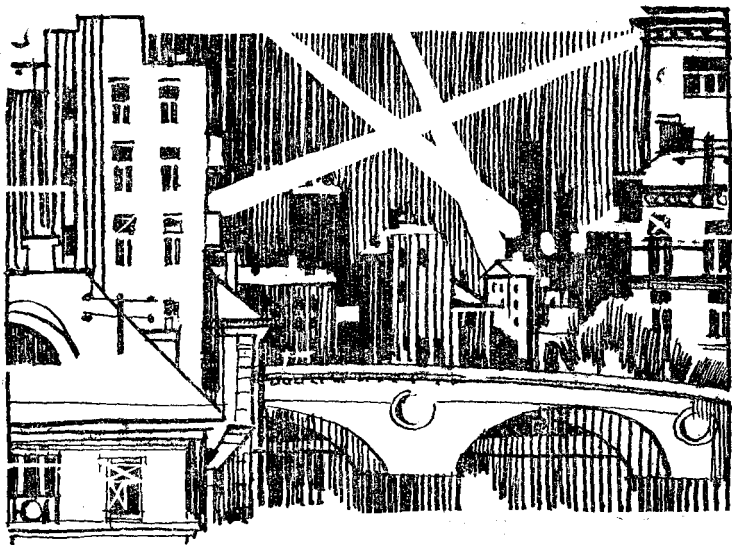
«А он, вижу, не спешит к той неотвратимой тарелке», — улыбнулся Ворошилов и, вынув изо рта папиросу, браво вскинул руку под козырек.

Тимур, еще больше просияв, тоже отдал честь — приложил растопыренные пальцы к буденовке. Климент Ефремович помахал рукой и вышел на улицу. Дойдя до бли-

жайшего угла, свернул влево и быстрым шагом направился к Кремлю.

Всю дорогу с теплым чувством думал о голубоглазom мальчонке: «Вижу, быть ему военным — так бы и скакал весь день на палке да с армейским шлемом не расставался... Давай, давай, Тимурок, расти, набирай побольше силенок, учись и вливайся в кадровый строй. Отец твой, знаю, хотел видеть в своем сыне отважного воина-бойца...» Входя в Кремль, вернулся к разговору с матерью Фрунзе: «И все же, дорогая Мавра Ефимовна, наказ вашего сына — для меня закон»...

Пройдет немного времени, и воля Михаила Васильевича будет выполнена: боевой друг для его детей станет не только опекуном, но и вторым отцом. Исполнится пожелание и самого опекуна: сначала Тимур успешно окончит обычную семилетку, а потом три года будет мужать в военизированном строю артиллерийской спецшколы, мечтая, однако, о небе, о боевых крыльях. Впрочем, кто из юношей и мальчишек тридцатых годов не мечтал о темно-синей форме и лаврах военного летчика?!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Военрук 2-й московской спецшколы капитан Левит, прирожденный артиллерист, весь запал неизрасходованной энергии строевого командира вложил в шумливых и мечтательных ребят, взрослеющих из месяца в месяц. Под школьным спортивным залом, в подвальном помещении, он при помощи батарейных энтузиастов соорудил зимний тир и артиллерийский миниатюр-полигон, покоровший всех учащихся спецшколы — будущих армейских огневиков. Некоторые преподаватели беззлобно ворчали:

— Что он там медом угощает ребят? Так и поровят с урока пораньше улизнуть в его подвал!

А Левит радовался: у миниатюр-полигона с неожиданной четкостью и очевидностью у ребят начало проявляться настоящее призвание артиллериста. Среди заядлых школьных пушкарей, чаще всего нырявших в подвал, военрук всякий раз видел Льва Гербина, Николая Румянцева, старшину Малинина, молчаливого Раскатова.

Увлекались миниатюр-полигоном и давние закадычные друзья Степан Микоян и Тимур Фрунзе, однако Степан вскоре «заболел» авиацией и, оставив артиллерийскую спецшколу, перешел в обычную, среднюю.

— Оттуда, — уверял он, — без помех поступлю в школу военных пилотов!

Тимур некоторое время ходил задумчивый, про себя рассуждая: «Степке легко делать такие виражи — он у себя дома... Может, и поругал его Анастас Иванович, и обозвал «летуном» — на том и кончилось, обошлось. Ведь дядя у Степки авиаконструктор, и он определенно заступился за своего племянника, одобрил его шаг... А у меня иное дело: не могу вот так, за здорово живешь, огорчить Климента Ефремовича. Я дал ему слово хорошо закончить спецшколу.. Только знай, Степан, и я буду летчиком. Вот увидишь! Мы с тобой еще встретимся в небе!»

А время шло, день ото дня приближая выпуск старшекласников спецшколы.

Однажды, выходя из подвала, Тимур столкнулся с Олегом Баранцевичем, соседом по парте.

— Постреливаем?.. В бирюльки поигрываем? — буравя Тимура пытливыми глазами, спросил Олег, пытаясь придать своей несколько нескладной фигуре спортивную осанку.— Лучше ответь, что будешь делать дальше?

— Ты о чем? — нахмурился Тимур: насмешливый тон товарища пришелся ему не по душе.

— Как о чем? Приближаются экзамены, и уже поговаривают о распределении по артучилищам. Разве не слышал?

— Слышал. Ну и что?

— Так... Таишься, значит?.. Не округляй глаза. Я — в курсе. Не понимаешь? В курсе твоего курса насчет авиации.

— А... вот ты о чем.

Олег огляделся, взял Тимура под руку.

— Вчера я встретил Степана Микояна, и он мне сказал — у вас все решено. Я ему, правда, не признался, но сегодня тебе говорю прямо: от артучилища отказываюсь, буду, как и вы, прорываться в летчики. Об этом и отцу объявил.

Тимур знал, что Олег сын известного генерала, но не подозревал о разговоре, состоявшемся между ними. Итог разговора для Олега был безрадостным. Генерал категорично предупредил: «Имей в виду, и слова не замолвлю, если тебе откажут, — ты должен по правилам идти в артучилище... Беда с вами, юнцами! Всех в небо потянуло, будто на земле мало для военного человека важных дел...»

— Чего молчишь? — шевельнул приподнятым плечом Олег.

— Думаю.. И знаешь о чем? Если уж решили в такой «артиллерийской ситуации», как ты заявил, прорываться в летчики, то надо надеяться не на ходатаев, а только на себя.

— У начальства инструкция: всех «спецов»¹ в артиллерию — и баста!

— А мы должны убедить начальство, что наше призвание — авиация.

— Убедишь!.. Составят списки, утвердят и — прощай пятый океан.

— Убодим. Но сначала нужно сдать экзамены на уровне высшего пилотажа. В том числе, — Тимур оглядел несколько сутуловатую фигуру Олега, — и по физподготовке.

¹ «Спецнами», «спецшкольниками» называли учащихся специальных военизированных школ. — *Прим. авт.*

— Красиво сказано, но как это сделать? — присанился Баранцевич и задумался.

По каким каналам, неизвестно, но учебная часть дозналась о новых, по выражению директора спецшколы, «жертвах летно-воздушной болезни». Поначалу с ними обстоятельно беседовал политрук Алешин, но переубедить не смог. Потом в кабинете директора собрались Левит, Алешин и комсорг школы Константин Цыганов. Директор, покачивая седой головой, огорченно говорил:

— До вчерашнего дня мне представлялось, что наши мальчишки давным-давно переболели авиационной лихорадкой. И вдруг — на тебе! — новый рецидив.

— Авиация — красивая «болезнь», — заметил комсорг.

— Вот и надо лечить их от этой болезни, — убежденно сказал Алешин. — Наша с вами задача, Константин Иванович, не допустить распыления выпускников и полностью передать их не куда-нибудь, а в соответствующие училища.

— В артиллерийские, — уточнил директор и оглядел своих помощников. — Что будем предпринимать?

— Вопрос серьезный, не спорю, — снова подал голос Цыганов. — Но и ребят осуждать нельзя. Тяга в авиацию закономерна. Тем более... — Он открыл папку. — Тем более что широко известен такой документ. Цитирую: «Слушайте, товарищи комсомольцы! Шефство над Военно-Воздушным Флотом рабоче-крестьянской страны налагает на нас громадные обязанности... «Комсомолец — на самолет!» — вот наш боевой лозунг».

— Что это за документ? — еще больше мрачней, спросил директор.

— Обращение Девятого съезда комсомола, на котором, кстати, присутствовал Ворошилов. Он-то и подал мысль комсомолу взять шефство над военной авиацией.

Наступила минутная пауза. Ее нарушил Алешин:

— Речь идет сейчас о нашей школе и о конкретном случае, и я поддерживаю директора: мы должны стать на

бескомпромиссный путь — наши выпускники обязаны поступать не куда им вздумается, а только в артучилища!

Цыганов возразил:

— Ребята не виноваты в том, что военизированные спецшколы, в которые они охотно пошли, специализировались только на артиллерии. В недалеком будущем станет легче: создается, как вы знаете, сеть спецшкол с иным...

Политрук Алешин с непривычным для него раздражением прервал комсорга:

— Но речь, повторяю, сейчас идет о наших десятиклассниках, из числа которых уже несколько заявили мне, что подадут заявления только в авиационные училища, а я, к вашему сведению, Константин Иванович, каждому «летуну» ответил: «Сделаю все возможное, чтобы помешать».

— А это чистой воды перегиб, — захлопнул папку комсорг, и его обычно веселое лицо, с ямочкой на подбородке, посуровело.

Директор постучал карандашом по настольному стеклу и с невольной чапаевской интонацией спросил:

— А что думает военрук?

— Прежде всего не надо горячиться. Это — во-первых, — сказал Левит. — А во-вторых, давайте рассмотрим создавшуюся ситуацию аналитически: так ли она чревата опасностью, как представляется? Нет слов, было бы идеально, если б, скажем, тот же Тимур Фрунзе отказался от своего решения. Тогда проще простого отказать всякому, кого посетит крылатая муза. Но дело, видимо, тут сложнее. И комсорг в какой-то степени прав — стоять на пути призвания по меньшей мере неблагоприятно.

— А я...

— А я, — поспешил по-своему развить мысль политрука Левит, — упрек за возможный отсев нескольких учащихся готов принять на свой счет. Выходит, не сумел глу-

боко вдохнуть в их души яростный артиллерийский огонек. Урок на будущее.

— Вам не в чем себя упрекнуть, товарищ капитан, — сказал Цыганов. — Орлы рождаются, чтобы сражаться в воздухе, львы — на земле.

— Хм... — едко усмехнулся Алешин. — Это что — призвание от рождения?

— Сказано и парировано метко, — оценивающе прижмурил черные глаза Левит. — Однако, с другой стороны, я не могу не разделить озабоченности директора.

— Вот-вот! — воскликнул Алешин. — Именно озабоченность — то чувство, которое не может позволить нам равнодушно воспринимать подобные факты.

— Как поступим? — снова обвел медленным взглядом всех директор.

— По-моему, есть верный и действенный профилактический ход, — сказал Алешин. — Предлагаю: просить Климента Ефремовича принять нас.

— С какой стати? — изумленно вздернул брови директор.

— Да-да, принять и выслушать нашу тревогу о летном брожении в юных артиллерийских головах. Если Ворошилов повлияет на Тимура, то, считайте, вопрос решен.

— Повлиять на Тимура? — переспросил Цыганов. — А известно ли вам, товарищ политрук, что Тимур о своем решении поставил в известность своего опекуна и не получил отказа?

— Но и согласия не получил, — не сдавался Алешин. — Только к нему надо ехать. Надеюсь, вы меня правильно понимаете: речь идет не столько о его воспитанике, сколько о заразительном примере.

Левит не выразил явного желания ехать к Ворошилову, но ему не хотелось и гасить инициативу политрука: печется ведь о стопроцентном выпуске артиллерийской смены! А может, и в самом деле что получится.

На том и порешили. Созвонились с приемной наркома обороны, объяснили суть дела. А вскоре адъютант маршала сообщил: Климент Ефремович ждет, машина выслана.

2

«Повторение — мать ученья, однако ж на сегодня достаточно», — решил Тимур, захлопывая тетрадь и складывая учебники стопкой. Готовясь к экзаменам, он несколько раз ловил себя на мысли, что отвлекается. Навязчиво лезла в голову беспокойная весть: комсорг обмолвился вскользь, что школьное начальство решило воспрепятствовать не только его, Тимура, намерению, но и намерениям всех спецов, кто замыслил сейчас и кто попытается в дальнейшем переметнуться в авиацию. Потом узнал: директор, капитан и политрук поехали к Ворошилову. «Сегодня же и мне надо поговорить с Климентом Ефремовичем», — подумал он решительно.

Словно набирая разбег, прошелся взад-вперед по своей комнате, но тут же остановился у кровати и встретился с улыбочивым взглядом отца. Тимур любил эту фотографию и зачастую разговаривал с ней. Вот и сейчас вымолвил тихо:

— Так-то, папа... Понимаешь, предстоит нелегкая беседа с Климентом Ефремовичем... Но ты ж на моей стороне будешь, верно?

Отец смотрел на него в упор с явным изумлением; почему-то прежде этого изумления Тимур не замечал, а теперь оно светилось во всем — и в выражении распахнутых глаз, и в едва заметных волнистых морщинках высокого лба, и в легкой усмешке прикрытых густыми усами губ. Так и слышался отцовский голос, которого он совсем не помнил: «Тимур... сын... Неужели ты у меня такой большой и бравый?!»

В длинном коридоре тихо. В простенках молчаливыми шеренгами привычно стояли книжные стеллажи. Из-за

плотно притворенных дверей не доносились голоса — никто еще не вернулся домой. И только в глубине промелькнула фигурка хлопотливой Лидии Ивановны — родственницы Ворошиловых.

Оставив дверь приоткрытой, вернулся к столу. Стопку учебников расставил на этажерке, провел пальцем по корешкам других книг, вытянул увесистый том. На титуле тиснуто: «Артиллерия» — и рисунок летящего снаряда. Но самое примечательное на этом листе — дарственная надпись: «Будущему, обязательно отличному, артиллеристу Тимурову от К. Ворошилова. 8/III 1938 г. Москва».

Прочитал и даже прислушался: в памяти явственно прозвучал задушевный голос Климента Ефремовича:

— Весьма полезная книга. Учись, Тимурок, и не забывай: хочу видеть тебя умелым артиллеристом...

Полистал книгу, и глаза выхватили подчеркнутую карандашом фразу: «Из всех наземных родов войск артиллерия обладает наибольшей силой и мощностью огня». Давно усвоенная заповедь. Именно об этом частенько напоминают им военные наставники. Но, как ни старался он представить себя в роли командира-артиллериста, ничего не получалось. Всякий раз пушка, как в сказке, обращалась в быстрокрылый «ястребок». Однако слова маршала, отлитые в лаконичную дарственную фразу, действовали, как гипноз, и он, вздохнув, повторил: «Да... трудный предстоит разговор».

Положив книгу на место, подошел к окну, и взгляд его потянулся к голубому, без единого облачка, небу.

Когда же это началось? Эта влюбленность в «неозору блакыть», как говорят на его родине, на Украине? Может, в тот день, когда посмотрел фильм «Истребители»?..

«С Верой тогда сидел рядом, — припомнил он одноклассницу по прежней, 57-й средней школе. — А потом вместе вышли из кино, и я признался ей, что решил стать летчиком... Значит, еще раньше, до «Истребителей». Не

мог же я за один киносеанс раз и навсегда решить, кем мне быть».

Тимур сел на подоконник. В безоблачной вышине на-тужно гудел остроносый моноплан, тянувший на тросе планер. Этот полет напомнил нечто уже виденное. Но где, когда?..

Вспомнил: на Кавказе, в горах!

И память отсчитала четыре года назад.

...В июле 1936 года Климент Ефремович повез своих подопечных Таню и Тимура на Кавказ. Однажды утром Тимур сидел за письменным столом и смотрел в распахнутое настежь окно. В комнату вливалась свежесть предгорного воздуха, донося запахи южных трав, листьев, цветов. Стол был придвинут к подоконнику, и легкий ветерок сразу же нашел себе дело — шевельнул и нетерпеливо перелистал страницы раскрытого томика Лермонтова, коснулся рук, лица.

Стол у окна, как НП: отсюда хорошо просматривалась залитая кавказским солнцем долина, стиснутая с двух сторон цепью гор.

За окном раздался глуховатый голос Климента Ефремовича:

— Танюша, для завтрашнего похода советую тебе и Тимур у заранее подобрать башмаки!

— У нас сандалии! — отозвалась Таня.

— Сандалии не годятся. Надо понадежнее! Важно, чтоб не жали и чтоб подметка покрепче. У альпинистов видела какие? То-то...

Да, завтра поход.

Тимур выдвинул ящик стола и вынул лист почтовой бумаги в крупную клетку, снял с массивной чернильницы медный, похожий на шапку Мономаха колпачок, обмакнул перо и задумался. Он никогда еще не писал писем своим товарищам. А вот сегодня ощутил потребность послать кому-нибудь из верных друзей весточку. Сначала хотел написать Вере. Но тут же передумал: хотя Вера и

верный друг, но того, в чем хотелось признаться, девчонка не поймет. Степану бы написать. Но где он сейчас? В Москве его нет, это уж точно. А куда поедет на лето — как-то не спросил... Есть еще трое верных ребят — Левка Гербин, Вадька Климентьев и Юрка Клок...

«Конечно же Юрке!» — решил он, вспомнив, что тот, пожалуй, единственный из всего класса, кто всегда проводил каникулы в Москве. Еще раз сунул перо в чернильницу и старательно вывел:

«19 июля 1936 г.

Здравствуй, Юра!

Пишу тебе с юга, а точнее — с Кавказа. Здесь очень красиво. Особенно горы нравятся. На некоторых вершинах до сих пор белеет снег — такие они грандиозные, горы! А еще я пишу тебе потому, что хочу сказать одну вещь. Помнишь, мы договорились друг другу все-все говорить, когда кому-нибудь из нас станет тяжело или очень трудно? Так вот, Юра, мне сейчас довольно-таки трудновато. Завтра намечен поход в горы, а ко мне одна болячка прицепилась. Из-за нее не только нести на себе рюкзак, но и подниматься будет трудновато. И если я признаюсь, то меня, ясно, не возьмут, а то и просто отменят поход. Представляешь? Решил молчать до конца и терпеть... Вот, написал тебе, признался и теперь твердо знаю: завтра не только пойду в горы, но и, как все, понесу на себе кладь.

До свидания, Юра, в нашей Москве. Крепко жму твою товарищескую руку.

Тим».

Целый день уклонялся от встречи с глазу на глаз с Климентом Ефремовичем (О! Он такой пронизательный!). В столовой же вел себя непринужденно, бодро, но, как только выходил за порог, бежал в сад и, стараясь не кривиться от боли, забрасывал за спину тяжелый

рюкзак, ходил между деревьями, взбирался на самую верхушку садовой лестницы. Если б в одну из таких минут самоистязания он взглянул на себя в зеркало, то порядком подосадовал: на лбу выступила испарина, а обычно густой румянец пригас, стал бледно-розовым, цвета недозрелого арбуза.

Он присел на траву и в сердцах скриннул зубами: «Когда ж ты лопнешь, проклятуший!» Но простудный нарыв на спине — результат неосторожного купания в горной речке — и не думал прорываться.

«Надо дотерпеть до утра, а там поглядим, чья возьмет!» — мысленно обращался он к боли и, упрямо стиснув зубы, легким шагом двинулся к дому.

Ночью он лег лицом вниз и заставил себя уснуть.

Встал рано. Вышел на веранду, размялся. В долине таял сизовато-сиреневый туман, а снеговые шапки вершин, подсвеченные пока невидимым солнцем, пылали багрянцем. Боль не утихала, но она уже не казалась такой невыносимо жгучей, как вчера. Даже восторжествовал:

— Все же одолел!

— Кого мы одолели? — внезапно раздался сзади глуховатый голос.

Климент Ефремович, в спортивном костюме, с гантелями в руках, стоял в дверях и оглядывал утреннюю даль. Тимур смутился, но, вспомнив стихи Лермонтова, быстро нашелся:

— Это из «Демона». «На склоне каменной горы тебя я все же одолел!»

— А-а... из «Демона»! Но там, по-моему, так:

На склоне каменной горы
Над Кайшаурскою долиной...

— Да-да, — торопливо согласился Тимур, гася лукавую улыбку и краснея: «Надо же — попался!»

Часом позже к дому подкатила машина. Из нее выпрыгнул адъютант маршала Хмельницкий, а следом мед-

ленно, с чувством собственного достоинства вышел рослый мужчина в бараньей шапке, старой черкеске и мягких сапогах.

— Проводник, — представил его Ворошилову адъютант.

Кавказец, не меняя строгого выражения лица, приложил руку к груди и едва заметно наклонил голову.

— Хороший проводник! — воскликнул Ворошилов. — Теперь спокоен: не заблудимся!

— Профессор своего дела, — подтвердил Хмельницкий.

После завтрака, оживленно переговариваясь, тесной группой двинулись по дороге к ущелью. Лишь Тимур по-малкивал. Он шел несколько напряженно, словно к чему-то прислушиваясь: малейшее резкое движение вызывало вспышку острой боли. Но он, стиснув зубы, не отставал от остальных, стараясь ничем не выдать своего состояния.

От ущелья вверх по узкой тропке гуськом — проводник, Ворошилов, Таня, Тимур; замыкающий — Хмельницкий. Кроме проводника, у каждого за плечами рюкзак, в руках палка, а у Ворошилова и Хмельницкого, снаряженных по-охотничьи, еще и двухстволки. В начале пути сорили короткими фразами — Климент Ефремович и Хмельницкий шутили, Таня охотно отзывалась на шутки, иногда залихватисто хохотала, и ее смех эхом отдавался в близком ущелье. Не было слышно только проводника и Тимура. Проводник, как все заметили, вообще оказался человеком неразговорчивым, а молчаливость Тимура была понятна лишь ему самому, и на нее сначала не обращали внимания. Но на исходе первого часа подъема Ворошилов неожиданно спросил:

— Как настроены вы, Тимурок? Что притих?

Отозвался уклончиво:

— Экономлю энергию.

Рассмеялись, однако вскоре примолкли и остальные. Тут-то Тимур и взял реванш — не без намека поддел:

— Вижу, мой опыт переняли.

Опять рассмеялись, а Ворошилов, взглянув на часы, остановился:

— По всем армейским правилам — время первому привалу. Как, Танюша, не выдохлась?

— Что вы, Климент Ефремович! Все чудесно.

— Так, у тебя — чудесно. А у нашего экономного человека? Постой-ка. А ну взгляни на меня! — «Начинается!» — заволновался Тимур, краснея. — Гм... А мне показалось... Не устал?

— Все в порядке! — с повышенной живостью откликнулся Тимур, делая вид, что рассматривает выпиравший из замшелой земли угол массивного камня.

Проводник присел поодаль и закурил трубку. Таня прилегла на густой коврик буро-зеленого мха.

— Кто хочет пить — по одному глотку, — распорядился Ворошилов.

Таня из своей фляги отпила глоток потеплевшей воды и с сожалением навернула колпачок. Тимур и здесь решил показать себя мужчиной:

— Воздержусь.

— Напрасно, — заметил Хмельницкий, встряхивая флягой. — Глоток воды прибавляет силы. — Однако ж сам не выпил, а только сполоснул рот и выплюнул под откос.

Ворошилов вдруг спросил:

— Сегодняшних газет так и не доставили?

— Рано, Климент Ефремович, не успели. Но в горах без информации не останемся. — И с видом хозяйственного человека похлопал по своему тяжеловатому рюкзаку: — Тут кроме всего прочего и радиоприемник.

— А вот за это большущая тебе благодарность. Только б полдень не проморгать.

— Последние известия? Ко второму привалу как раз уложимся.

Ворошилов потрогал большим пальцем усы и задумчиво проговорил:

— Не сегодня-завтра должно свершиться одно большое дело. Не сорвалось бы...— И неопределенно повел в воздухе рукой.

Проводник осторожно выколотил о камень трубку, старательно затер носком сапога крохи пепла, тщательно прочистил мундштук зеленой былинкой, и она сразу же изменила свой цвет — стала как бы шоколадной.

Ворошилов подал знак, и проводник легко встал, заправил полы черкески за тонкий ремешок и глянул вверх, выбирая из трех разбегающихся троп самую надежную.

Привал окончился. Подъем продолжался.

Тимур шел и уже не чувствовал прежней саднящей боли; боль, собственно, давала о себе знать, но она приутилась, перегорела, превратившись в незначительный излишек тяжести, на который теперь можно было не обращать внимания. И стало ему почти легко, и он, поднимаясь по каменистой, кое-где смягченной узорчатым лишайником тропе, огляделся. Дух захватило от величия лермонтовских пейзажей — тут и бастионы неприступных гор, и красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, и желтые обрывы, исчерченные промоинами, и высокая бахрама снегов. Даже проводник чем-то похож на лермонтовского Казбича.

«Люблю я цепи синих гор», — припомнились прочитанные вчера стихи, и Тимура впервые в это утро охватила радость от бодрящей прохлады нагорного ветерка и упрямой упругости своих ног.

Второй, более длительный привал устроили на просторной площадке утеса, поросшего мелким кустарником, густым мхом и лиловыми зонтиками альпийской астры — этой горной ромашки, предвестницы недалеких альпийских лугов. Отсюда открывался широкий обзор подернутых сизоватой дымкой далеких снежных вершин и близ-

ких отвесных скал со множеством уступов и глубоких трещин.

Проводник подошел к самому краю утеса, широко развернул плечи, сбил мохнатую шапку на затылок и повел рукой: смотрите, мол, любуйтесь моим сказочным Кавказом!

Остальные, сбросив рюкзаки, тоже приблизились к замшелому выступу, за которым — пропасть. Климент Ефремович, придерживая одной рукой Таню, другой Тимура, восхищенно произнес:

— Какая неповторимая красота!

— Очень красиво! — зачарованно прошептала Таня.

— Как у Лермонтова, — сравнил Тимур и пояснил: —

Он такую картину нарисовал.

Хмельницкий оторвал взгляд от «лермонтовской картины» и пошел устанавливать приемник. Подключив к нему тяжеловатый «брикет» сухой батареи и приставку небольшого громкоговорителя, отыскал московскую волну.

— Еще есть время, — громко сказал Хмельницкий. — Предлагаю перекусить.

На разостланной скатерке проворные Танины руки аккуратно разложили нарезанный хлеб, вареные яйца, ломтики колбасы, свежие огурцы и помидоры; Тимур мигом расстегнул свой рюкзак, расставил пять кружек. Из открытого термоса аппетитно пахло душистым парком заваренного чая.

Из репродуктора спокойно лилась знакомая мелодия.

Ели молча, прислушиваясь к радиопередаче. Вскоре музыка прервалась, и было объявлено точное московское время — двенадцать часов. После короткой паузы мужской голос торжественно произнес:

— Передаем важное правительственное сообщение.

— Есть! — воскликнул Хмельницкий и пододвинул репродуктор поближе к Ворошилову. — Может, наушники приладить? Я и наушники прихватил.

— Не надо, слышимость хорошая.

— Товарищи! — продолжал диктор. — Сегодня, двадцатого июля, рано утром с одного из подмосковных аэродромов отправился тяжелый одномоторный самолет советской конструкции в беспрецедентный в истории авиации беспосадочный рейс: Москва — Дальний Восток!

Диктор сделал паузу.

— Состоялся! — возбужденно сказал Ворошилов. — Вы понимаете, мои друзья, что свершилось? Полетели! Тс...

Диктор продолжал:

— С разрешения правительства Наркоматом тяжелой промышленности организован беспосадочный перелет на дальность десять-одиннадцать тысяч километров по маршруту Москва—Баренцево море — Земля Франца Иосифа — мыс Челюскина — Петропавловск-Камчатский — Николаевск-на-Амуре — Рухлово — Чита.

...Экипаж самолета: первый пилот — летчик-испытатель товарищ Чкалов Валерий Павлович, второй пилот — летчик-испытатель товарищ Байдуков Георгий Филиппович, штурман — товарищ Беляков Александр Васильевич.

...Самолет АНТ-25, на котором совершается перелет, построен Центральным аэрогидродинамическим институтом (ЦАГИ) и представляет собой свободнонесущий моноплан с большим размахом крыльев, снабженный одним мотором М-34 советской конструкции...

Таня от волнения прижала к пылающим щекам ладони, а у Тимура заколотилось в груди. Даже здесь прозвучала фамилия отца и два особо чтимых в их семье пункта: Москва — Чита!

Ворошилов, взволнованный сообщением, встал, прошелся взад-вперед и повторил трижды:

— Герои, герои, герои!

Хмельницкий схватил ружье, вынул из сумки патроны и, вложив в казенник, триумфально возвестил:

— Отсалутоуем отважным капитанам пятого океана!

«Гах-х-х! Гах-х-х!»

Переломив ружье, заслал третий патрон.

«Гах-х-х!»

Эхо заметалось в скалах: «Ах-ах... ах-х-х!»

Высоко над ближней скалой снялся потревоженный орел с орленком. Взмахнув могучими крыльями, он, не снижаясь, описал над утесом широкий круг; орленок, не отставая, летел следом — так самолет вытягивает на буксире в нужную высоту планер, чтобы там отпустить его в вольный полет.

Вернулись из похода к вечеру — в приподнятом настроении, возбужденные, с охапками альпийских цветов...

На следующее утро Ворошилов вышел из своей комнаты в маршальском кителе, и брат с сестрой поняли: отпуск Климента Ефремовича прервался. Он подошел к ним, развел руки и обнял сразу обоих:

— Вы отдыхайте, набирайтесь сил, а мне пора в Москву. — И, глядя в окно, подумал вслух: — А они летят... Они почти у цели... И главную суть их подвига, надо полагать, уже поняли те, кому это в первую очередь следует понять...

Тимур и Таня слушали, затаив дыхание, а маршал привлек их головы к себе и по-отцовски поцеловал в светлые, все еще пахнущие горным ветром волосы...

«Да, это началось тогда, в горах...» — и мысль оборвалась: в коридоре ходко прозвучали знакомые шаги. Одернув китель, Тимур быстро пошел к выходу, но с порога обернулся и взглянул на фотографию. То ли ему хотелось в это поверить, то ли просто померещилось, но он отчетливо увидел: отец одобрительно подмигнул.

Возвращаясь домой, Климент Ефремович обычно заходил в небольшую комнату, на стенах которой висели картины почти с одним и тем же сюжетом: ослепительное цветение деревьев и трав. Так и казалось, что в комнате вот-вот зажужжат пчелы. Маршал любил отдыхать

в этом уголке кремлевской квартиры. Радующая глаз пестрота напоминала ему сады юга, степи родной Луганщины. И Тимур, не раз входивший в ту комнату — и когда хотел полистать кипу свежих газет и журналов, и когда, как сейчас, под вечер, возникала потребность в чем-либо посоветоваться с Климентом Ефремовичем, — всегда возвращался из «домашнего сада» ободренным, окрыленным...

«Окрыленным! — сдерживая волнение, подумал Тимур, останавливаясь у двери, за которой никогда — ни летом, ни зимой — не прекращалось буйное цветение полей, лугов и садов. Бодрясь, мысленно подтрунил над собой: — Сейчас маршал тебя окрылит!» И потянул дверь на себя:

— Разрешите, Климент Ефремович?

— Прошу, Тимурок, прошу!

Входя, Тимур успел заметить, как голова Климента Ефремовича медленно отстранилась от спинки кресла: видимо, минуто-другую Ворошилов сидел, запрокинув голову, — думал о чем-то или просто отдыхал. В другой раз Тимур обязательно бы спросил: не помешал ли? Теперь же решил действовать немедленно, попытался лишь оценить настроение.

«Лицо утомленное, но несердитое — по нему не поймешь, доволен или нет он мной после визита к нему школьного начальства».

— Климент Ефремович, прошу выслушать меня. Это очень важно.

Ворошилов сел поудобнее, положил руки на стол.

— Важно... Раз важно, садись, вот здесь, рядом. Слушаю тебя, Тимурок. — Но тот продолжал стоять — вытянувшийся, напряженный, с заметно побледневшим лицом. — Чего ты стоишь, присаживайся.

— Разрешите, я стоя.

Ворошилов смотрел на Тимура — высокого, статного, подтянутого, с прямым, твердым взглядом.

«Понимаю,— догадался маршал.— Понимаю, почему он надумал вот так, во всей своей строевой красе, стоять передо мной: всем своим видом хочет напомнить, что сильным стал, крепким и закаленным, способным преодолеть любые тяготы, которые могут возникнуть и обязательно возникнут перед каждым, кто избрал себе нелегкий путь в небо». Думал так и смотрел на своего подопечного, а в памяти живо возник тот далекий день, когда Тимур впервые высказался о своей мечте стать летчиком. Тогда он тоже точно так, как сегодня, постучал, вошел и стал перед ним — заметно подросший, серьезный, решительный. Тогда горела только настольная лампа, свет, приглушенный абажуром, сглаживал тени, и лицо Тимура показалось ему особенно красивым — голубоглазое, открытое, с тревожным румянцем на худощавых щеках.

— Климент Ефремович,— заговорил он зазвеневшим голосом.— Я пришел, чтобы сообщить вам...

Официальность такого обращения Ворошилов попытался сбить шуткой и тоном гоголевского городничего закончил за Тимура:

— ...пренеприятное известие.

Тимур не улыбнулся, не среагировал на шутку, и пришлось положить цветной карандаш на раскрытую папку с почтой: «Что-то стряслось».

— Я пришел,— твердо повторил Тимур,— чтобы сообщить вам о своем решении... учиться на летчика.— И сразу же уточнил: — На военного летчика.— Румянец загустел, а глаза стали еще шире, отчаянно распахнулись. Помолчав, для убедительности дополнил: — Решение мое окончательное, Климент Ефремович, и я готов объяснить почему.

— Так-так... окончательное,— вслед за Тимуром раздумчиво повторил Ворошилов.— А «почему» — объяснять не надо, и так ясно.— Взял из пачки газет, сдвинутых на угол стола, верхнюю и развернул ее: — Вот! Три русских богатыря, шагающих сейчас по Америке. Те самые, о ко-

торых ты впервые услышал в горах Кавказа. Они воодушевили?

— Не только они, но и... вы.

— Я? — Спросил, а рука непроизвольно потянулась к коротко подстриженным усам. — Что-то запомнил...

Тимур, не меняя выражения лица, напомнил: в одной из своих недавних речей нарком обороны призвал советскую молодежь идти в авиацию.

— Было такое, Тимурок, было! — воскликнул он тогда и стремительно встал. Обхватил Тимура за плечи, потянул к дивану: — Присядем все же. Разговор, вижу, серьезный.

Сели. И он не снял рук с плеч воспитанника, чувствуя их юношескую туговатую крепость. Тогда-то впервые и понял, что Тимурок уже не тот мальчик, каким представлялся ему все эти годы, а порывистый, пытливый подросток. Ну конечно же, окончил семилетку и, как другие его сверстники, серьезно задумался над вечным вопросом юности — кем быть?

— Но ты еще не окончил десятилетку, — напомнил он Тимуру. — Договоримся так: отложим разговор о выборе военной профессии на три года. Согласен? — Тимур промолчал: неопределенность ответа его не удовлетворяла. — Раздумываешь: учиться дальше или нет?

— Только учиться! Но я должен знать, что вы мое решение одобряете... Для меня это очень важно.

— А для меня важно было узнать то, что ты сказал сейчас: только учиться!.. Хочу, чтобы Тимур, сын моего лучшего боевого друга, был достойным своего отца. И я все сделаю, чтоб так оно и было. Надеюсь, ты в этом мне поможешь.

Тимур тогда ушел серьезный, задумчивый, а он, утомленный нелегким минувшим днем в наркомате обороны и прихвативший на дом недочитанную на службе почту, продолжал сидеть на диване, озабоченный состоявшимся разговором. Он почему-то не мог представить Тимура в

роли военного летчика. Кого угодно, даже сына Петра, он мог спокойно увидеть в форме пилота, но только не его, Тимку.

«Почему?» — напряженно думал он тогда, прикрыв отяжелевшие веки. В памяти сразу же возникло бледное лицо Михаила Васильевича, из глубины лет донесся его приглушенный, но твердый голос: «Обещай мне, если я умру под ножом, позаботиться о семье... о детях». Даже вздрогнул и открыл глаза — так явственно прозвучало эхо знакомого голоса.

«Вот почему...»

И еще припомнилось, что в то лето Тимур не повезло: закаляясь холодной водой, сквозняками, простудился, затемпературил и был уложен в постель.

— Как же так, Тимурок? — в тот же вечер спросил он, присаживаясь у его кровати, а сам пристально вглядывался в лицо с обострившимися скулами и неровным румянцем.

— Осечка, Климент Ефремович, — виновато улыбнулся Тимур.

— А может, промах? Знаешь, что мне Чкалов сказал? Он признался: в ту минуту, когда они пересекали Полюс Неприступности и послали радиogramму: «Экипаж чувствует себя хорошо», на самом же деле были в тяжелом положении — самолет их так обледенел, что каким-то чудом держался в небе и летел вперед. А чудом-то, Тимурок, были три чудо-богатыря, а при них первоклассное мастерство, находчивость, воля к победе и железное их здоровье.

Он посмотрел в широко открытые, лихорадочно поблещивающие глаза Тимура и, выдержав паузу, твердо сказал:

— Чтобы стать летчиком, а тем более военным, надо обладать не только глубокими знаниями, но и тем самым железным здоровьем. Здоровьем атлета! — И, отечески пожав горячую кисть Тимура, внушительно проговорил,

желая вложить в сознание больного каждое слово: — Я хочу, чтобы у тебя было именно такое здоровье. — Тимур хотел было напомнить, что он регулярно занимается гимнастикой и другими видами спорта, но Климент Ефремович предупредительно поднял руку: — Погоди, погоди и дослушай до конца. Я догадываюсь, о чем ты сейчас хотел сказать — что ты зимой на лыжах и на коньках бегаешь и физзарядкой по утрам занимаешься... Все это хорошо, но... мало. А теперь выслушай мой совет. Говорю тебе, как отец. — Тимур затаил дыхание. — Ты, знаю, давно решил стать военным. Отличное решение. Так, и только так, должен был поступить Тимур — сын Фрунзе. В Москве открыты специальные артиллерийские школы. Давая среднее образование, они призваны готовить сильных, ловких, грамотных юношей для артиллерии... Тимур Фрунзе, я хочу видеть тебя артиллеристом...

Одного не знал тогда Климент Ефремович. Когда он, простившись с больным и подавленно молчавшим воспитанником, ушел, тот встал с постели, прошелся по комнате и почувствовал слабость в ногах. Губы его искривились, задрожали:

— Конечно, летчик должен быть сильным и выносливым, как орел... — Напрягся всем ослабшим телом и упрямо стиснул челюсти: «Железное здоровье? Будет стальное!»

...Кажется, еще вчера впервые сказал ему о спецшколе, а вот сегодня учеба в ней у Тимура на исходе, и он снова пришел — Ворошилов об этом сразу догадался — с прежним вопросом. Припомнил Климент Ефремович и свои слова о «здоровье атлета». Ничего не скажешь, вот он стоит перед ним возмужавший, физически окрепший, с волевым загорелым лицом. И при виде этого юноши — здорового, сильного, подчеркнуто официального — теплое чувство наполнило маршала: знал, что завидное здоровье не само пришло к его Тимурку, а он завоевал его — и дома, изо дня в день занимаясь на гимнастических снаря-

дах, и в спецшколе, посещая секцию борьбы, и в манеже, куда он зачастил со Степаном Микояном и где преуспел в верховой езде...

Тимур продолжал стоять, и Климент Ефремович поднялся, о чем-то напряженно думая, прошелся по комнате, остановился у этюда со шмелем и пчелкой-самолетом.

— Как с экзаменами? — Обернулся и пытливо посмотрел ему в глаза.

— Нормально, Климент Ефремович, можете не сомневаться.

— Я никогда не сомневался в твоих способностях, Тимур. Когда ты увлеченно рисовал или возился с «Конструктором», мне всегда почему-то думалось, что твое будущее свяжется с инженерной профессией. Признаюсь, думал, станешь артиллеристом, окончишь инженерную академию, а там... Одним словом, Тимур, нашей армии ой как нужны свои конструкторы!

Летний загар на лице Тимура еще сильнее загустел, стал бронзовато-пунцовым — вспомнил, как высмеял однажды Степана Микояна, когда тот признался ему, что сначала станет летчиком, а потом конструктором самолетов: «Что?.. Конструктором?.. Штаны просиживать в прокуренных кабинетах? Нет, Степка, такое не по мне, я буду только летчиком!» А про себя еще тайно добавил: «Таким, как Чкалов!» Позже, правда, сам понял, что зря посмеивался над Степаном. Быть летчиком, а потом авиаконструктором — это же увлекательное дело! И он больше не осуждал мечту друга, потому что сам решил поступить именно так же. И теперь, слушая Климента Ефремовича, Тимур разволновался.

— Климент Ефремович, да я же... Одним словом, я считаю, что во всех отношениях подготовил себя к учебе в авиашколе. И еще хочу сказать вам, что не собираюсь после ее окончания застыть на достигнутой высоте. Но мне-то ее сначала нужно достигнуть, а потом уж подниматься выше! — Сдерживая волнение, Тимур тихо доба-

вил: — И у меня теперь есть мечта — ближняя и дальняя. Сначала — военный летчик-истребитель, потом — авиаконструктор.

«Все, маршал, ты разоружен, тебе уже нечего сказать против... Но есть чем законно гордиться. Эх, Миша! Если б ты видел — сын-то у тебя каков!» И промолвил взволнованно:

— Убедил, Тимур, убедил... — Пошел к окну — шаг... другой... третий. И повернулся. — Сдавай экзамены и пиши заявление в свою ближнюю мечту, но и о дальней не забывай.

Глаза Тимура так прояснились и засияли, что, казалось, вобрали в себя всю голубизну бездонного неба, в которое он так отчаянно рвался. И еще в эту минуту ему захотелось сорваться с места и обнять этого бесконечно дорогого человека с серебристыми висками. Но он все же сдержался, и только зазвеневший голос и подчеркнутая торжественность обращения выдали его ликование:

— Товарищ Маршал Советского Союза, заверяю вас: все будет хорошо! Разрешите идти и выполнять ваше приказание?

— Ой, Тимурок, Тимурок, — слегка всплеснул руками Климент Ефремович. — Никакого приказа не было. Было только одно — желание видеть тебя на высоте. И еще, чтоб помнил: кроме высоты есть даль. Значит, мало подниматься вверх, надо идти и вперед. Иди.

И Тимур ушел.

Потом успешно были сданы экзамены и написано короткое, предельно лаконичное заявление:

Начальнику Военно-
учебных заведений
ВВС РККА

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу зачислить меня курсантом Качинской военно-авиационной школы.

Имею образование — среднее.

Т. Фрунзе

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Торжественное собрание, посвященное выпуску десятого класса (или первой батареи, как именовался этот класс в период летних лагерей) 2-й московской спецшколы, закончилось, и обладатели аттестатов, выслушав последние напутствия директора и военрука, оживленные и нетерпеливые, высыпали на улицу. И только там, в толпе снующих прохожих, приостановились, примолкли.

— Вот и все, — прервал общую заминку Раскатов, самый молчаливый и обычно не любивший первым высказываться.

На это обратили внимание и рассмеялись: поняли, что все-таки жаль расставаться со спецшколой, с ее щеголеватой формой, с обжитыми, как комнаты коммунальной квартиры, классами, с придирчивыми, как все время казалось, наставниками, а теперь, в этот последний день, такими милыми. И особенно грустно было прощаться друг с другом: разъезжались-то кто куда — по разным училищам.

— Нет, не все! — сказал Малинин и по старой старшинской памяти скомандовал: — Артиллеристы, ко мне, остальные — на месте!

Мешая прохожим, артиллеристы сгрудились плотной кучкой против одиночек — авиаторов, и бывший старшина батареи, оглядывая «отступников», назидательно поднял палец:

— Артиллерия любит вас, но и вы любите ее. Грядет бой — чтоб ни одной черной птички не пропустили!

— Встретим на дальних подступах! — охотно пообещал Олег Баранцевич, не находивший себе места от счастья. Как же! Ему самому, без отцовского звонка, удалось осуществить свой план — получил разрешение по-

ступить не куда-нибудь, а в Качу, в самую старейшую авиационную школу. Радость была тем ощутимее, что туда же, в Крым, поедут и его товарищи — Тимур Фрунзе и Степан Микоян.

Тротуарная толчея все же вытеснила их на проезжую часть улицы, и возбужденные выпускники начали мало-помалу разбредаться в разные стороны. Гербин свернул свой аттестат и, как в подзорную трубу, глянул вдоль дороги, ловя широкую спину удаляющегося Раскатова.

— А наш молчун все же прав, — вздохнул Гербин. — И все!

Тимур кивнул ему:

— Пошли! — Отойдя несколько шагов, заметил: — Теперь я скажу: нет, не все. Только начинается. Большая, Левка, жизнь начинается! Пошли быстрее.

Защагали размашисто, словно боялись куда-то опоздать.

— В последний раз топаем по нашему маршруту. Даже не верится, — с сожалением промолвил Гербин.

— Давай помолчим и послушаем.

— Кого? — не понял Гербин.

— Ее. Москву нашу...

И они долго шли, молчали и слушали Москву, в общем-то обычные звуки большого города — разнобойный топот деловых пешеходов, гулкий перестук колес трамваев, шуршание шин троллейбусов, автобусов и юрких эмок.

Вот и улица Фрунзе. Приблизились к угловому дому, в котором жил Гербин. Тимур остановился и посмотрел в глубину поперечной улицы. Там проглядывалось здание их первой школы. У подъезда безлюдно. Разгадав значение его пристального взгляда, Гербин хитровато улыбнулся:

— Разве не знаешь? Они третьего дня еще закончили. В том числе и Вера.

«А правда, ведь она уже сдала экзамены, а я ее до сих пор не поздравил. Совсем закрутился. Сегодня же позвоню».

А Гербин продолжал улыбаться:

— Теперь слушай и удивляйся: сегодня вечером ты должен быть у меня. Организуется веселое застолье. Я позаботился, чтобы к нему слетелись друзья, добрую память о которых каждый из нас унесет или увезет туда, куда суждено нам уйти или уехать. Ну, высказывайся—хорош сюрприз? Здорово придумал?

Тимур смотрел на него, еще не зная, что сказать. А Гербин поддел будущего летчика:

— Вижу по глазам цвета авиационных петлиц, хочешь спросить: кто придет? Разъясняю: знаю только я. И еще вижу в тех глазах нетерпение. Чего только не сделаешь ради дружбы! Приоткрою краешек сюрприза — Вера обязательно будет, да не одна, а с патефоном и кучей пластинок.

— Левка, пушкарь зеленоокый! Ты ж великолепно придумал!

Дома Тимур объявил о предстоящей вечеринке выпускников-друзей, а потом несколько раз подходил к телефону и набирал один и тот же номер, выслушивая однообразный ответ: «Вера не пришла... Кто ее спрашивает?» Но Тимур вешал трубку и уходил в свою комнату, садился за стол и листал томик рассказов Чехова. Задержавшись на рассказе «Верочка», он не без снисходительной улыбки прочитал: «Вера, девушка двадцати одного года, по обыкновению грустна, небрежно одетая и интересная. Девушкам, которые много мечтают и по целым дням читают лежа и лениво все, что попадается им под руку, которых природа одарила вкусом и инстинктом красоты, эта легкая небрежность придает особую прелесть». Захлопнув книгу, он представил не чеховскую Верочку, а Веру, которую сегодня увидит и поздравит.

— Ничего общего! — радостно сказал и поспешил к

телефону. Диск вертелся бесстрастно и холодно. Протяжный гудок. Щелчок.— Будьте добры, Веру.

И как обухом:

— Вера уже ушла. Да кто ее спрашивает? Тимур, ты, что ли?

— С патефоном ушла?

— Да, с патефоном.

— Упустил!.. Я ж хотел ей помочь!

Метнувшись к себе, он на титульном листе чеховского томика написал:

«Вера, поздравляю тебя с десятилеткой. Да не будет наша дальнейшая жизнь скучна, как у героев этой книжки.»

Тим.

Москва, 1940 г.»

В передней его подкарауливала Лидия Ивановна, женщина проницательная и предупредительная, взявшая по своей инициативе в квартире Ворошиловых ведение домашнего хозяйства. Так и на этот раз она не оставила без внимания предстоящий поход Тимура на вечеринку. В одной ее руке покачивалась на веревочке круглая картонка, в другой она держала емкий кулек. Встретила обычной скороговоркой:

— Ну-ка, ну-ка, покажись!.. Так-так-так... Вид славный, костюм впору. А я уж опасалась, вырос из него.

— Еще вырасту! — весело пообещал Тимур.— Пока почти сто восемьдесят, но обязательно дотяну до ста восьмидесяти двух! — И, обходя ее, пошел к двери.

— Подожди, подожди! Принимай: на ваш молодежный стол торт и яблоки.

— Есть! — шутливо козырнул Тимур.— Все постараемся съесть!

Полчаса спустя он уже стоял на темноватой площадке и сверлил пальцем белёвную кнопку.

Лязгнул запор, и на пороге возникла сутуловатая, но подчеркнута парадная фигура Олега Баранцевича:

— Представляюсь для ясности — тамада! Прошу любить и жаловать! — Посторонившись, объявил в глубину передней: — Внимание, Тимур Фрунзе с дарами!

Но в комнате было шумно, и тамаду не услышали.

— Вот и принимай их, товарищ тамада! — обрадовался Тимур и сунул коробку с кульком Олегу.

Еще в передней Тимур узнал знакомые голоса друзей по 57-й школе — Юрки Клока, Вадьки Климентьева, Жоры Райцева, братьев Бори и Севы Воздвиженских (малопохожих друг на друга и внешностью и характером близнецов) и выпускниц-десятиклассниц Риты, Лары и Нины. «Спецы» были в явном меньшинстве — тот же тамада да Николай Румянцев. Хозяин же, Лева Гербин, где-то отсутствовал.

Первым Тимура заметил шумливый Вадим. Он — уже осовашихимовский учлет, — раскинув руки, пошел навстречу новому гостю:

— Соратнику! Сколько ж мы с тобой не виделись? Сто лет?

Обнялись. Из-за широкого плеча Вадима хорошо просматривалась вся комната, с белым, еще пустующим столом. Румянцев склонился над патефоном, близорукий Жора перебирал пластинки, близнецы осадили книжный шкаф. У окна, о чем-то беседуя, стояли Юрий Клок и Рита, а пухленькая Лара и кучерявая Нина, взявшись за руки, нетерпеливо пританцовывали в ожидании новой пластинки.

«А где же Вера?» — поводил во все стороны головой Тимур. От тамады не укрылся ищущий взгляд товарища, и Олег бесцеремонно объявил:

— Не высматривай, все равно не увидишь — Вера мобилизована на хозяйботы. — И сам пошел с дарами на кухню.

«Никогда не думал, что Вера умеет хозяйничать», —

подумал Тимур и, отстранившись от Вадима, стал пожимать протянутые к нему руки. Рита вдруг оживилась, крикнула:

— Жорик, найди мою любимую, а ты, Коля, поставь! — и шагнула к Тимуру.

— Для Риты ставлю «Рио-Риту»! — торжественно объявил Румянцев и подзадорил: — Тимур, покажи, на что способны «спецы»!

А Тимур, хотевший уже заглянуть на кухню, замаялся перед выжидательно глядевшей на него Ритой. И мысленно улыбнулся: «Если кто из нас и целеустремлен, так это Рита — как задумала еще в третьем классе учиться на «докторшу», так и стремится к своей цели без остановок и поворотов!» Уловив быстрый ритм танца, он уверенно повел ее вокруг стола.

— Потрясающе! — восхищенно вскричал Вадим. — Да где ж ты, Тимур, успел отработать такие наземные фигуры высшего пилотажа!

Лара и Нина посторонились и прижались к подоконнику. Юрий Клок нахмурился, а Лара, с завистью наблюдая за раскрасневшейся Ритой и ловким Тимуром, поддела его:

— Юрчик, как находишь?

За него ответила Нина:

— Наш Тим, как всегда, на высоте!

Юрий неодобрительно буркнул:

— Если уж вам так хочется знать мое мнение, скажу: танцы — мелкобуржуазный пережиток.

— Отстал, Юрка, отстал! — крикнул Румянцев. — Советую тебе срочно овладеть хотя бы азбукой танцев, а то видишь, какие у Риты партнеры!

— Избаловали вас там, в спецшколе, — еще мрачнее сказал Клок и полез в карман за папиросами.

В комнату, неся перед собой посуду, вошла Вера в пестром фартуке поверх василькового костюмчика. Следом с ножами и вилками семенил организатор вечеринки Ле-

ва Гербин. Замыкал шествие с торжественно поднятой вазой румяных яблок тамада. Увидев танцующего Тимура, Вера остановилась, и стопка тарелок в ее руках угрожающе скособочилась. Тамада оказался начеку:

— Румянцев, останови «Рио-Риту»! А то Вера сейчас переколотит сервизные тарелки.

Все поняли и засмеялись. Музыка оборвалась, и Тимур подвел Риту к Юрию — тот раскуривал папиросу и выпускал струйки дыма в открытую форточку.

— Юра, учти Николая совет! — подмигнул Тимур. Он быстро подошел к Вере и стал помогать расставлять тарелки, то и дело поглядывая на нее.

— А я и не знала, что ты так мило танцуешь... Передвинь вон ту тарелку с угла — на углу не сидят... Где ж ты и когда научился таким головокружительным па? Нет, честное слово, мило.

Он пропустил мимо ушей колкий комплимент и на мгновение коснулся ее руки.

— Здравствуй, Вера! Ты стала неуловима: я сегодня надоел звонками твоим домашним, но так и не поймал тебя.

— Значит, все же звонил ты... А я не поверила.

Подошел Гербин и поторопил:

— Тим, не мешай нам работать. Пошли, Вера.

Тимур увязался следом, а она тихо-тихо спросила:

— Вспомни, когда мы в последний раз виделись?

— А и верно, месяц, пожалуй, пролетел. Но какой это был месяц! Решилась моя судьба, Вера!

— Слыхала, что решилась. Радуетесь?

— Не навсегда ж уезжаю.— В темном коридоре придержал ее руку.— А тебя поздравляю с окончанием школы...— И, склонившись, по-мальчишески неловко ткнулся губами в ее лицо.

И хотя Гербин, шедший впереди, скрылся за дверью, Вера отшатнулась и шейнула испуганно:

— Сумасшедший!

А когда стол был накрыт, Гербин схватил бутылку шампанского и протянул ее Олегу:

— Тамада, распорядись!

Потянулись рюмки, и в них через край полилось вино. Тамада, замаливая свою оплошность, продекламировал заранее заготовленный тост:

— Старые школьные и спецшкольные товарищи! Перед тем как разойтись нам по разным дорогам, мы собрались здесь сегодня все вместе. Давайте не забывать, что доброе братство лучше всякого богатства. Будем хранить дружбу! За нашу первую серьезную победу, за полученное среднее образование...

— Олег... выдыхается! — вклинился трагический шепот Вадима в застольную речь.

— Наш Баранцевич — прирожденный оратор! — возразил Румянцев. — Никогда не выдохнется.

— Да нет же — шампанское выдыхается!

— А я кончил!

Порывисто встал Жора Райцев и, поблескивая очками, крикнул:

— За счастливое вступление в большую жизнь!

Тимур нагнулся к Вере и сказал:

— За твою большую жизнь. Или лучше так: за нашу... Согласна?

Вера зажмурилась и, не веря услышанному, еще раз пригубила рюмку. А за столом сразу стало шумно, как в школе на перемене. Начали наперебой вспоминать прошлое — и самые забавные школьные истории, и бывших учителей, и пионерские костры с песнями.

— Давайте споем! — предложила Лара. — Вадька, хватит тебе жевать, будем петь!

— Согласен. — И затынул, фальшивя: — В далекий край товарищ улетает...

Тамада постучал вилок о пустую бутылку.

— Предлагаю «Катюшу»!

— А я предлагаю «Орленка»! — воскликнула Вера

и, порывисто поднявшись, пошла к патефону. Перелистав тяжелый альбом, вытащила и поставила пластинку.

Задушевный голос певца затянул:

Орленок, орленок, взлети выше солнца
И степи с высот огляди...

Примолкли, застыли в разных позах. Прослушав песню до конца, снова завели патефон, но теперь дружно подхватили:

Орленок, орленок, идут эшелоны,
Победа борьбой решена.
У власти орлиной орлят миллионы, —
И нами гордится страна.

Песня затихла. Рита не дала затянуться паузе, сказала неожиданно:

— Мальчишки, мы хотим, чтобы и вами гордилась страна.

Райцев снял очки, протер их салфеткой и близоруким взглядом окинул товарищей. Заговорил тихо, вдумчиво:

— Рита, на твои слова надо реагировать. Попытаюсь сказать что-нибудь путное, хотя именно мне сейчас отвечать тяжелее всего. За нашим столом тринадцать друзей — девять юношей и четыре девушки. Девушки, как известно, все поступают в институт, а восемь ребят связывают свою судьбу с армией — одни сразу же, другие в недалеком будущем по призыву. И только один из девяти — это я... — Райцев старательно заправил дужки очков за пунцовые уши. — Только я лишен возможности стать в армейский строй. Но я твердо убежден в том, что «если завтра война, если завтра в поход», то и для меня, очкарика, найдется место в вашем, ребята, строю. Об этом я не перестаю думать, когда слушаю радио и читаю в газетах о падении Парижа. И потому я заявляю от имени нашей девятки вам, дорогие наши девчата, что страна будет гордиться нами так же, как, уверен, и вами.

— Жорик, умница, ты очень хорошо сказал! — захлопала в ладоши Нина. Ее поддержали Рита, Вера и Лара.

Тимур встал и, обогнув стол, подошел к бывшему старосте класса, обнял его:

— От имени армейской восьмерки.

— Вот кого бы тебе надо назначить тамадой, — толкнул локтем в бок Леву Олег Баранцевич.

Гербин даже подскочил на стуле:

— Да за такую речь надо б еще выпить! Ребята, раскупоривайте лимонад — он тоже шипит, как шампанское!

И они, тринадцать бывших одноклассников, отказавшись от традиционного чая, пили лимонад, уписывали торт, яблоки, снова пели «Орленка». А когда расходились, дали слово не терять друг с другом связи, куда б судьба их ни забросила.

2

— Сегодня буду тебя провожать долго, — сказал он.

— Да, Тим, — сказала она.

И он повел ее сначала к улице своего раннего детства. Он нес патефон и книгу, она — альбом с пластинками. Москва еще шумела, перемигивалась огнями светофоров, а здесь, на улице Грановского, дремала обычная тишина. У красного здания с боковыми выступами и фасадной оградой, за которой проглядывался дворик, Тимур остановился.

— Постоим минуту? — попросил он.

— Да, Тим, — тихо сказала она и стала рядом.

Почти все окна залиты ровным светом и только на втором этаже правого крыла темны. И он молча смотрел на те темные, траурные для него окна их бывшей квартиры. Ей стало жалко его, захотелось обнять, говорить что-нибудь ласковое, но разве она осмелится сама... первая?

Потом узкими улочками вышли на улицу Горького и спустились к Охотному ряду, а там — и Красная площадь. Лучи «юпитеров» заливали ровным светом багряный фон Кремлевской стены, на котором рельефно вырисовывались серебристо-голубые ели; они стояли безмолвно и неподвижно, как часовые в островерхих шлемах.

Всякий раз, когда Тимур ступал на глянцевитую броню брусчатки Красной площади, он испытывал волнение: в просвете между траурно-зеркальной гранью Мавзолея и затененной елью отчетливо просматривался надмогильный бюст отца. Так и сейчас, чтобы лучше рассмотреть его, Тимур подвел Веру ближе к трибунам. Она поняла и сама теперь предложила:

— И здесь постоим, Тим.

Он благодарно взглянул на нее и кивнул.

На Спасской башне переливчато прозвучала мелодичная увертюра курантов, и тут же густо и сочно ударило: «Дон-н... дон-н...» И так двенадцать раз...

Полночь,

— Тим, начинается новый день.

— И мы его никогда не забудем, да?

Он взял ее под руку и повел вниз, к реке. Выйдя к набережной, повернули вправо и пошли к Большому Каменному мосту, пересекли его и остановились у парапета, на том месте, где много лет назад стояли и ели ее любимое фруктовое мороженое. Тимур спросил:

— Помнишь это место?

— Да, Тим... Я все помню, — сказала и зябко повела плечами.

— Тебе холодно?

Он поставил патефон на гранитную тумбу парапета, положил на крышку книгу и, сняв пиджак, накинул ей на плечи.

Она с затаенным радостным страхом ощутила прикосновение его одежды. А он, в белой рубашке, с темным галстуком, стоял перед ней, высокий, сильный, заботли-

во поправляя накинутый пиджак и выпрастывая из-под него тяжелую косу.

— Вот так.. Теперь не озябнешь. И дай-ка пластинки, положу.

Она смотрела на него и думала, что он сейчас очень красивый, и еще думала о том, что он скоро надолго уедет.

— Ты что? — поймал он ее опечаленный взгляд.

Не призналась, совсем о другом спросила:

— Что у тебя за книга? У Левы почитать взял?

— Нет. Это твоя книга.

— Моя?

— Со вчерашнего дня. Думал при расставании вручить. Это тебе на память об окончании школы, о нашей встрече.

— Спасибо, Тим.— Она отвернула обложку.— Чехов.. А надпись не разберу. Темно.

— Прочтешь после, а сейчас скажи — только пусть не покажутся мои слова избитыми — будешь ждать?

Даже под защитой его пиджака она ощутила ознобный холодок, который пронизал все ее тело. Тимур подошел к ней вплотную и несмело привлек к себе. Взглянув на него большими испуганными глазами, она сбивчиво промолвила:

— Тим, скажи честное слово, что ты... что ты не станешь целоваться, если я отвечу... если я скажу — всегда-всегда буду ждать только тебя.

— Верка... Моя хорошая Верка... Даю честное слово, слышишь? Честное слово даю, что сейчас тебя поцелую...— А потом приподнято объявил: — Будем танцевать! Прямо здесь, на нашем первом причале... Позволь... Ах, да! Музыка!

Он говорил быстро и, раскрыв патефон, вытащил из альбома первую попавшуюся пластинку; под шаляпинскую «Блоху» стремительно закружил Веру, подпевая:

— Блоха?.. Ха-ха!

Когда же наконец они медленно двинулись дальше и, свернув в переулок, дошли до ее семиэтажного дома, она неожиданно спросила:

— Тим, писать будешь?

— Каждый день!

— Честное слово? Не преувеличиваешь?

— Вера не верит. Тогда так: каждый выходной!

— Тим... и я хочу тебе подарить что-нибудь на память.— Она порылась в альбоме.— Прими вот эту пластинку.

Он осторожно обнял ее и шепнул на ухо:

— Спасибо, Вера... Верочка... Моя Верка. Я ее как талисман всегда буду возить с собой и — слушать.

— Но учти, это — не «Блоха» и конечно же не «Рио-Рита»,— сказала и торопливо коснулась губами его горячей щеки.— Это — мой любимый «Орленок».

Из темного, как тоннель, подъезда вышел бородач в парусиновом фартуке; он вытягивал на тротуар резиновый шланг. Заметив парочку, предупредительно кашлянул в кулак:

— Гахм-гахм!

— Дворник Михеич,— шепнула Вера.— Пора прощаться.

— Прощаться нам еще рано. До свидания, Вера.

— До свидания, Тим! — А про себя добавила: «До встречи, мой орленок!» И побежала, рискуя выронить патефон, тяжеловатый альбом и книгу.

Перекинув через плечо пиджак и бережно придерживая пластинку, Тимур широко зашагал по безлюдным улицам Москвы. Проходя мимо телефонной будки, остановился, отыскал в кармане гривенник и втиснулся в тесную келью автомата.

Трубку там, куда звонил, сразу сняли:

— Да-да-да!

— Лидия Ивановна, докладываю: торт съели в основ-

ном мальчишки. Яблоки тоже, ибо вышеупомянутых мальчишек было подавляющее большинство.

— Тима-Тима, где ты запропастился?!

— Объявите всем — пусть не беспокоятся, еще полчаса... нет, час, ровно час я должен ходить по Москве с «Орленком» в руках.

— Боже! С каким еще там орленком?—Тимур вешал трубку, а телефонный металлический глазок продолжал постреливать скороговоркой:— Тима-Тима, не задерживайся!..

Мягко вздохнула дверца, Тимур шагнул на тротуар и взглянул на темное, почти беззвездное небо. А в ушах звучало два голоса: «Орленок, орленок, взлети выше солнца!» и «Мой любимый орленок...»

Принимая от Веры подарок, он так и услышал тогда название этой пластинки — без кавычек.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Москва... Орел... Курск... Харьков... Лозовая...

Поезд дальнего следования катит и катит на юг. В купированном вагоне душно. На крутых поворотах в открытое окно залетают теплые порывы воздуха с кислородным запахом паровозного дыма.

Степан лежит на верхней полке и читает книжку, а Тимур, опустив столик, почти по грудь высунулся в окно. Состав гулко влетает на застонавший мост через какую-то реку. Внизу она, как помятый лист оцинкованной жести, вдали — серо-голубая, как небо. Ветерок, обласкав Тимуру лицо, еще больше растрепал белокурые волосы.

На ряби волн — редкие лодчонки. К мосту подплывает белый-белый катер; у решетчатого борта стоит груп-

па девушек, они приветливо машут руками, и Тимур весело отвечает им.

Гудок катера сливается с гудком паровоза.

«До-гоняй... до-гоняй... до-гоняй!» — отчетливо выговаривают колеса.

Минута — и река осталась позади. По обе стороны железнодорожного полотна теперь хороводят вихрастые деревья.

Тимур забрался на свою, тоже верхнюю полку. Их пугачики — люди пожилые. Едва сгустились вечерние сумерки, как они сели за чай, а потом, покряхтивая, начали укладываться спать. Степан сунул книжку под подушку и тоже задремал. Только Тимур не спится. Сверху он продолжает смотреть в темное уже окно: мелькают тени, помигивают далекие огоньки, быстро проносятся мимо освещенные станционные постройки. В голову приходит мысль, что он не раз проезжал по этой дороге. Но прежде все было ясно и знакомо — ехал из Москвы в Крым на каникулы. Теперь же дорога представлялась совершенно иной — что ждет его впереди?..

«До-гоняй... до-гоняй... до-гоняй!» — продолжали настукивать колеса.

Тимур лег на спину, заложил ладони под голову и прикрыл веки. Представились ярко-ярко: Москва... Кремль... старинный дом... квартира на втором этаже... и — напутствие Климента Ефремовича.

Сначала всей семьей сидели за столом. Рядом с Тимуром — его гость, Степан Микоян. Екатерина Давыдовна и Таня были молчаливы и грустны. Петр дружески подмигивал присмирившим, но торжествующим — выдавали сияющие глаза — приятелям и желал младшему брату и его боевому другу «воздушного» счастья, а Лидия Ивановна несколько раз смахивала наворачнувшуюся слезу и нашептывала:

— Ах, Тима-Тима... Ах, Степа-Степа...

После обеда Ворошилов, обняв Тимура и Степана за

плечи, повел их в «комнату-сад», усадил на диван, а сам подошел к столу.

— Думаю, будет для вас полезен небольшой мой прощальный подарок.

Взял две книги в голубых переплетах и вручил каждому. Поблагодарив, прочитали на обложке: «Ваши крылья». А Ворошилов, сев с ними рядом, вспоминал Крым, но не сегодняшней, а тех грозových лет, когда он, член Реввоенсовета Первой Конной армии, и комфюж-фронта Фрунзе ехали в автомобиле от первой отбитой у врага станции Таганаш по дорогам только что освобожденного Крыма, и как в Севастополе, стоя на берегу Черного моря, они вглядывались в темно-бурые дымки спешно уплывавших пароходов с остатками легионеров черного барона.

— Черное море... черный барон...— задумчиво повторил Климент Ефремович и покачал головой.— Двадцать лет прошло с тех пор, как черноморские волны смыли с наших сапог походную пыль, а я до сих пор помню слова твоего, Тимурок, отца: «Будут теперь с чужого берега на Советы зубы точить...» Но в следующую минуту лицо его озарилось светлой улыбкой, которую нетрудно было понять: личное указание Ильича им блестяще выполнено — Врангель разбит, Крым освобожден до наступления зимы... — И вдруг Климент Ефремович резко повернул мысль: — Сегодня мы провожаем тебя, Тимур, и тебя, Степан, в новую для вас жизнь. Вы уезжаете не просто поступать в авиационную школу. Вы уходите из своих частных семей и надолго вливаетесь в иную семью — в семью армейского коллектива. Мне незачем вам растолковывать, что это такое. Вы знаете. Но я хочу напомнить вам, мои юные друзья, что, провожая вас в Качу, мы хотим верить (говорю «мы», потому что знаю — так же считает и Анастас Иванович) — вы и в той, новой семье всегда, везде и во всем будете на высоте...

А поезд мчался и мчался, продвигаясь все южнее и

ожнее, все ближе и ближе к той станции... «Как ее? Вспомнил: Таганаш... Подожду до станции Таганаш, а там — спать», — подумал Тимур, и в памяти, как это зачастую случается в дороге, возникло уже другое воспоминание, из далекого детства. Всем классом они пришли в Музей Красной Армии на экскурсию. Старые боевые знамена, пушки, пулеметная тачанка, винтовки, гранаты, маузеры, наганы, сабли с серебряными и золочеными рукоятками завораживали их, пионеров. В одном из залов Тимур ощутил, что к нему кто-то подошел сзади. Оглянулся — Вера. Она нацелилась тоненьким мизинцем в соседнюю витрину:

— Тим, видишь ту выставку? Там карточка есть, я ее только что посмотрела. Пойдем — покажу... — И настойчиво потянула его за карман курточки.

На цыпочках отошли от группы.

— Смотри... это — ты?

Под стеклом лежала хорошо знакомая ему фотография. Не такая, правда, как в домашнем альбоме, а увеличенная: Фрунзе с детьми. Таня обняла одной рукой отца и склонила на его плечо голову, а он, Тимур, стоял впереди и сосредоточенно взирал на того, кто, должно быть, уверял, что из ящичка с круглым окном вылетит птичка. Птичка, как и надо было ожидать, не вылетела, зато снимок получился славный. Он всем нравился. Ему же, Тимуру, нравились на этой карточке только папа и Таня.

— Ну... — громким шепотом напомнила о себе Вера.

А Тимур уже смотрел на предметы, лежавшие слева от снимка — шлем с большой напистой звездой и широкий ремень, пробитый пулей махновца. Странно было видеть эти домашние вещи здесь, в музее, особенно шлем, который он не раз нахлобучивал на свою голову и носился по коридору и комнатам, размахивая деревянной пашкой: «Даешь Перекоп!»

Так и не успел ответить Вере. Подошла учительница

и увела их к общей группе. Музей ошеломил его обилием экспонатов, посвященных отцу. В какой зал ни войди, везде отец — то с Чапаевым у переправы, то с Ворошиловым и Буденным у карты, то с Калининным перед строем бойцов, то на коне, то просто сам, папа Фрунзе, усталый, задумчивый... А в одном зале — большая неожиданность: папин бюст, от которого трудно было отвести глаза. Группа уже ушла далеко, а он задержался.

«Неужели папа был вот такой?» — думал он, разглядывая со всех сторон могучую бронзовую голову. Невольно выпрямился и вдруг услышал, как Лара, его одноклассница, пухленькая, с куцыми косицами, хвастливой скороговоркой сообщила экскурсоводу: «А сын Фрунзе, Тима, в нашей группе учится... Да вот и он...» Пришлось при выходе из музея эту Лару больно дернуть за косицу: «Сорока-болтушка!» Но легче не стало. И в тот же вечер он зашел в комнату сестры и спросил:

— Ты была в Музее Красной Армии?

— Была, даже два раза.

— Ну и как?

— Очень хороший музей.

— То, что музей хороший, понятно. Я о другом. Что ты чувствовала, когда там, в музее, говорили о нашем папе, а все на тебя смотрели?

— Не знаю... не заметила, чтоб все смотрели. А чувствовала то, что всегда чувствую, когда думаю и слышу о нашем папе: прилив счастья, что у нас такой папа.

— Правда?.. А я, Таня, совсем другое чувствую, когда при мне говорят о папе и на меня глазами показывают: сын его!

— Что же?

— Как бы тебе понятнее объяснить... Мне всегда кажется, что ребята думают — задаюсь своей фамилией. Но это не так, Таня! Ведь они не знают, как трудно носить такую фамилию.

Таня положила руки ему на плечи:

— Нет, Тимка, фамилию Фрунзе носить не трудно, а... — Она подумала, подбирая нужное слово, и сразу же нашла: — ...ответственно. Ты меня понял?

— Какая ты у меня замечательная сестра, Таня,— не мог не восхититься он.— И как ты хорошо сказала про ответственность...

Воспоминание затуманилось, веки отяжелели, и колесный перестук удалился далеко-далеко: «До-гоняй... до-гоняй... Та-ганаш... Та-ганаш...»

Колесо, большое и похожее на велосипедное, завертелось перед глазами, высверкивая спицами. Мелькнула мысль: «Это ж не колесо — пропеллер!» И откуда-то издалека, а потом совсем рядом возник близкий голос Степана:

— Тимка!.. Слышишь, утро!

— А...— встрепенулся Тимур, вскидывая светловолосую голову и щурясь.

В глаза ударил солнечный луч, переместился выше и начал поигрывать в никелированных деталях купе — то в дверной ручке, то в настенной пепельнице. Степан стоял с полотенцем через плечо. Старики мирно похрапывали.

— Иди умываться, а то через полчаса очередь выстроится!

«Проспал Таганаш»,— подосадовал Тимур и, прихватив вафельное полотенце с черным железнодорожным клеймом, мыло, коробочку зубного порошка со щеткой, пошел вслед за Степаном в тамбур.

А паровоз, бодро покрикивая, мчал состав по утренней крымской земле.

Джанкой... Симфердполь... Севастополь...

Море!

Дорога из Севастополя в Качу начиналась на противоположной стороне глубоко врезанной в берег Северной бухты. Всегда подернутая крупной зыбью, она внушительно щетинилась стальными утесами боевых кораблей Черноморского флота. Пассажирский катер, пересекая за-

лив с юга на север, казался в сравнении с морскими гигантами беспомощной скорлупкой. Тимур и Степан не сводили глаз с вереницы бронированных кораблей.

— Силища! — восхищенно бросил Степан.

Тимур кивнул. Вспомнился рассказ Климента Ефремовича и о том, как сожалел отец, когда увидел, что врангелевцы безнаказанно уводят национальный флот за кордон: ни одного боевого корабля не осталось на рейде.

Прошло двадцать лет... Много это или мало? Тимуру казалось, много, вечность. Ему-то самому, считай, только-только перевалило за семнадцать. И все время, пока он рос, росли и они, вот эти несокрушимые броненосцы, готовые, если что — сами сокрушать.

На северном берегу бухты Тимур и Степан отыскивали качинский военный автобус. Несколько женщин, видимо, жен комсостава, двое сержантов и один красноармеец в летной форме уже разместились, а парень с лицом скуластым и сизовато-смуглым возбужденно ходил по проходу, поторапливая шофера-бойца:

— Слушай, э? Давай отправляться, э? Видишь, новый провод достал, э? — Он на ходу пнул тугой моток белого электрического шнура. — Мне спешить надо.

Женщины потихоньку посмеивались, а шофер флегматично отзывался:

— Не экай, Ахмет, сегодня доедем.

При появлении двух незнакомых парней с чемоданами нетерпеливый Ахмет набросился на них:

— На Качу, э? Занимай свободные места! Все! Поехали, э?

Протиснулись в самый зад автобуса, и красноармеец тут же подсел к ним.

— Вижу, нашего полку прибыло! Откуда?

— Из Москвы, — сказал Степан.

— Я сам на Каче без году неделя, но, скажу вам, братва, это не наш Серпуховский аэроклуб. Здесь — классика! Сами-то столичный окончили?

— Что? — не понял Тимур.

— Аэроклуб.

— Мы учились в спецшколе, — осадил Степан говорливого аэроклубовца.

— О! — в свою очередь не понял тот и доверительно протянул новичкам руку: — Безродных.

Автобус покати́л по горной дороге. Тут и там на склонах гор белели домики под красной черепицей. Селения утопали в сочной листве садов и виноградников. По дороге брели меланхоличные ослики в соломенных шляпках, нагруженные тюками или запряженные в небольшие тележки, — садоводы и огородники везли в город фрукты и овощи.

— Ишачки в чепчиках, надо же! — хохотал Безродных. — Придумают же, черти!

— Э-э... что ты понимаешь, — поморщился Ахмет. — Это чтоб солнечный удар не стукнул!

Начался новый подъем, а после натужного карабканья в гору — еще один спуск. А дальше — словно огромный занавес распахнулся: глянцевито-сияющая синь моря переходила в знойное плато, густо поросшее ковылем и красным степным маком. Морской ветерок колыхал сизое ковыльное половодье, маки, раскачиваясь, вспыхивали ярче, и уже казалось, что степь от края до края задымилась и занялась низким, стелющимся пламенем.

— Словно огонь! — восхищенно воскликнул Тимур.

— Красотища! — согласился Степан.

— Подобной крассты здесь хоть отбавляй, — небрежно заметил Безродных и махнул рукой: — Воюа она — наша Кача! Как таковая!

Тимур и Степан разом оторвали взор от пламенеющей степи и глянули вперед. Среди обширной низины веселым островком зеленела рощица. Она приближалась быстро, и уже отчетливо различались высокие тополя и ясени, а в их синей тени светлели аккуратные домики. Спра-

ва от посадки в воздухе расплзлось облако желтоватой пыли, а над тем облаком набирал высоту самолет.

Вскоре перед автобусом степенно отворились ворота со звездами и авиационными эмблемами, а дальше вытянулась в глубину длинная, хорошо ухоженная аллея. Автобус затормозил, замер. Кача!

Один из сержантов, выходя, разъяснил:

— Вам, ребята, сразу к дежурному по школе. Тот двухэтажный дом — штаб.

В штабе старший лейтенант с красной повязкой на рукаве взыскательно оглядел прибывших, покосился на их чемоданы и зычно спросил:

— Документы при вас?

— Мы привезли запечатанные пакеты на имя начальника школы, — ответил за себя и Степана Тимур.

Дежурный распахнул журнал для записей и наставительно напомнил:

— Вся служебная почта, к вашему сведению, адресуется на имя начальника школы, но это не означает... Одним словом, пакеты на стол.

Поспешно раскрыли чемоданы, вынули большие конверты, опечатанные сургучом. Дежурный клюнул пером в лиловый зев чернильницы и взглянул на Тимура:

— Фамилия?

Тимур положил на стол свой пакет:

— Фрунзе.

— Что... Фрунзе? — не понял дежурный.

— Вы спросили фамилию, — сказал Тимур, слегка краснея. — Я ответил.

— Фрунзе? — Перо медленно, словно все еще раздумывая, писать или повременить, поползло по четко отбитой пунктирной строчке журнала. — А ваша?

— Микоян, — протягивая свой пакет, отозвался Степан.

— Микоян?.. Гм... — Старший лейтенант встал, сгреб пакеты и предупредил: — Обождите!

Он пошел по лестнице на второй этаж, а Тимур поморщился:

— Начинается... И что я, как отец когда-то, не взял себе фамилию Михайлов? — И спросил, подделываясь под зычный голос дежурного: — «Ваша фамилия?» «Михайлов, товарищ старший лейтенант!» Просто, как дважды два.

Степан усмехнулся и признался:

— А я, знаешь, как иногда называюсь? Туманяном. И не придерешься — фамилия матери. Но здесь, Тимка, у нас с тобой есть только один выход из этого «фамильного затруднения» — нести отцовские имена и не оступаться.

Тимур что-то хотел сказать, но явился дежурный:

— К генералу... Представляться-то знаете как?

— Попробуем! — уже с лестницы донесся звонкий голос.

Постучали и на отклик «Да!» вошли в кабинет разом, плечо к плечу. За столом сидел моложавый, с высоким пробором русых волос генерал-майор авиации; на его кителе поблескивали ордена Ленина, Красной Звезды и медаль «XX лет РККА». Тимур развернул плечи, выпрямился:

— Товарищ генерал... — Начальник школы генерал Туржанский встал, пытливо всматриваясь в лица юношей, а Тимур продолжал рапортовать: — ...выпускник Второй московской спецшколы Фрунзе прибыл в Качинскую авиашколу для обучения!

Почти дословно повторил рапорт Степан. Названа была лишь иная московская школа, обычная средняя.

— Так-так... для обучения, значит, — как-то неопределенно сказал генерал и сел. Придвинув поближе пакеты, поинтересовался: — Как доехали?

— Нормально, товарищ генерал, — ответил Степан.

— Подсаживайтесь поближе. — Туржанский указал глазами на стулья, придвинутые к столу, а сам перочин-

ным ножом подрезал конверты и вынул папки личных дел. — Так-так... Что ж тут написано?

Сели и стали напряженно следить за выражением лица генерала.

«Мое дело читает, — подметил первый лист со своей фотографией Тимур, и в груди потянуло легким сквознячком. — Почему нахмурился генерал?» Даже поймал себя на порыве подняться и заглянуть в машинописный текст. А Туржанский и в самом деле, недовольно поджав губы, нет-нет да и бросит сердитый взгляд на Тимура, словно вымолвить хочет, да воздерживается пока: вот ты, оказывается, какой резвый!

«И чего они настрочили там!» — томился Тимур, поерзывая на стуле. А генерал, бегло просмотрев документы Степана, уже потирал пальцами лоб, словно решал: что же ему делать с этими новичками, особенно вот с этим раскрасневшимся блондином? И Тимур, отчаявшись, вскочил и выпалил:

— Вы, товарищ генерал, не придавайте особого значения характеристике. Ведь меня и некоторых других вообще не хотели отпускать в авиашколу, вот, наверное, и понаписали...

Генерал захлопнул папки и отложил их в сторону.

— Не придавать значения? Я не имею права не верить документу. — И негромко пришлепнул ладонями по краю стола. — Впрочем, в них не все так уж мрачно. Есть и добрые слова: способен... легко усваивает материал... знает иностранные языки... справедлив. Немало! Но лучшей характеристикой для вас будет ваше теперешнее поведение, ваша учеба, собранность, дисциплинированность. Без этого нам, военным, ни шагу нельзя ступить ни на земле, ни в воздухе. Вот так-то, Тимур Михайлович. — Увидев, как при упоминании отчества у юноши дрогнули ресницы и жарче запылали щеки, генерал дружелюбно улыбнулся и уже обратился к обоим: — Короче, все зависит от вас самих... — Помолчал, негромко побара-

банил пальцами по широкому настольному блокноту и, выхватив из стакана острозаточенный карандаш, сделал какую-то запись. — Назначая вас во вторую эскадрилью. Там подбирается небольшая группа из ребят примерно с такой же, как у вас, общеобразовательной подготовкой. Будете все вместе начинать с азов.

— Разрешите? — поднялся Степан. — А предусматривают ли те азы полеты?

Глаза генерала смеялись: как знакомо ему такое нетерпение! Сам когда-то так же очертя голову рвался в небо — только бы сесть в самолет, только бы взлететь!

— Авиационные азы, да будет вам известно, любят землю. Так что до полетов вам еще по земле придется походить, специальные учебники поштудировать, каждую деталь самолета потрогать — одним словом, теоретически подковаться.

Генерал говорил, а в черных глазах Степана разливалось легкое разочарование: сначала, значит, только на земле...

— А сейчас отправляйтесь в эскадрилью майора Кюробко.

Подтянулись и в один голос:

— Есть!

Во второй эскадрилье среди новичков, прибывших несколько раньше, они сразу же столкнулись с куда-то спешащим Владимиром Ярославским, которого хорошо знали с детских лет. Владимир с видом бывалого качинца начал пересыпать свою речь словами: «У нас в казарме...», «У нас в Каче...», «А наши медики уже вооружаются трубками...».

Тимур сначала смеялся над этими «у нас», а как услышал о «наших медиках», изменился в лице.

— А медики тут при чем?

— Как «при чем»? Предстоит медкомиссия! А доктора у нас на Каче — через одного режут!

— Мы ж уже в Москве прошли медкомиссию! — запальчиво напомнил Степан.

— Москва Москвой, а Кача Качей, — возразил Владимир. — Здесь необлетанным, как говорится, последнее препятствие подбрасывают. Перескочите — пойдете на взлет, споткнетесь — кругом и шагом марш в обратном направлении.

— Не выйдет! — продолжал горячиться Степан. — Тимка, посмотри на этого «облетанного»! Он, по-моему, даже радуется, что для нас местные эскулапы уготовили повторную комиссию.

«Облетанным» Степан назвал Ярославского не зря — их приятель до Качи учился летать в аэроклубе. Тимур, однако, не переставая хмуриться, спросил:

— А кто «у вас на Каче» из тех эскулапов особенно придирчив?

— Все! — не задумываясь, убежденно отрезал Владимир. — Как в лупу каждого рассматривают: то зрение слабовато, то сердце с переборами, то вестибулярный аппарат расстроен, то еще какую-нибудь занозу обнаружат.

— Зрение в норме, сердце не подведет, вестибулярный без вывихов, — загибал пальцы Тимур.

— И заноз не найдут! — убежденно выкрикнул Степан.

Через три дня прибыла последняя небольшая группа новичков без «аэроклубного образования», в числе которых был и Олег Баранцевич. Теперь Тимур и Степан, перемигнувшись, стали пугать сутуловатого Олега:

— В Москве медкомиссию прошел?

— А как же — годен!

— Качинские медики в сто раз придирчивее: отсеивают и не таких атлетов, как ты!

Но Олега смутить было не просто. Он оглядел каждого, выпрямился:

— Не сработано еще такое сито, сквозь которое бы меня смогли просеять. Уяснили? Вольно — сам рядовой!

Утром, сразу же после завтрака, узкий коридорчик санчасти напоминал мужской предбанник: полуобнаженные парни — кто в трусах, кто в плавках — ходили из кабинета в кабинет, взвешивались, тужились у спидометра, стоически давали себя выслушивать и ощупывать терапевту и хирургу, не дрогнули перед невропатологом, вооруженным тупым скальпелем, резиновым молоточком и иглой, и совсем уж безбоязненно доверяли свои белозубые челюсти подслеповатой старушке стоматологу, о которой успели наслышаться, что она сослену может и здоровый зуб выдернуть.

Лица врачей непроницаемы, и нельзя по их выражению определить, — каково же заключение повторного осмотра. Дойдя до невропатолога и с мужеством Рахметова подставив спину и грудь, руки и ноги под уколы и удары, Тимур не вытерпел, спросил:

— Доктор, по-вашему, мои нервы в порядке? В Москве, например, на медкомиссии...

— Нервы у того в порядке, — не дал договорить ему врач, — кто набирается терпения до заседания комиссии не задавать подобных вопросов.

Тимур прикусил язык. Он еще не знал, что перед ним заместитель врачебно-летней комиссии Поляков. Слова невропатолога вспомнились, когда, дожидаясь своей очереди, вошел в кабинет начальника санслужбы — председателя комиссии.

«И он здесь!» — затаился Тимур, выжидательно поглядывая на двух сосредоточенных врачей. Оба в белых халатах и шапочках, они сидели за столом и неторопливо листали бумаги. Подозрительно долго просматривали записи, тихо переговаривались. А у него на лбу даже испарина выступила. Наконец председатель комиссии сказал:

— Можете попрощаться со своим чудесным золотым зачесом... Пусть входит следующий.

Тимур не сразу осознал значение первой фразы и,

смахнув со лба пот, продолжал смотреть на двух чародеев в белом.

— Идите и остригитесь под нулевку, как все принятые в авиашколу! — пояснил слова председателя улыбнувшийся Поляков.

«Принят!» — взорвалось в груди ликование, и Тимур выбежал из кабинета.

2

Качинский авиагородок жил по строгому, давно выверенному распорядку. Курсанты старших возрастов летали в зону, осваивали элементы высшего пилотажа; более молодые под наблюдением инструкторов совершали полеты по кругу, новички хотя и были, как все другие курсанты, обмундированы в летную форму с голубыми петлицами, но занимались по «наземному» расписанию — изучали уставы и наставления, знакомились с авиационной техникой, с историей Качинской авиашколы, ее традициями. Уже после первого политзанятия они знали, что тридцать лет назад вблизи Севастополя, на Куликовом поле, была учреждена первая в России офицерская школа авиаторов, оснащенная всего лишь десятью иностранными аэропланами — четырьмя «Фарманами-IV», тремя «Блерио», двумя «Антуанеттами» и одним «Соммером». А когда появились более совершенные аппараты, например «Ньюпор-IV», возросло число обучающихся, расширился штат преподавателей и инструкторов. Пришлось покинуть Куликово поле: оно стало тесным. Тогда в долине реки Качи и нашли обширное летное поле, куда и перебазировалась школа.

Проводивший занятия политрук из политотдела с особой гордостью вспоминал имена тех, кто своим летным мастерством прославил Крымскую авиашколу.

Назывались знаменитые имена русских авиаторов — Михаила Ефимова, Дмитрия Андреади, Бориса Цветкова,

автора «мертвой петли» Петра Нестерова, покорителя штопора Константина Арцеулова, пионеров сверхдальних воздушных трасс Чкалова, Байдукова, героев воздушных боев Супруна, Кравченко, Куцевалова...

— И все они или обрели на Каче крылья, или всегда тянулись сюда, как, скажем, Нестеров и Чкалов, и приезжали, чтоб продемонстрировать свое летное искусство.

Политрук внимательно оглядел еще мало знакомые ему мальчишеские лица с удивительно пытливыми, живыми глазами и заключил:

— Хотелось бы, чтоб вы с первых же курсантских шагов усвоили следующее: старая и добрая традиция нашей школы — выпуск только отличных истребителей. Только отличных! Выпущенный в полет качинец — это орленок... орел... ас!

— Каково впечатление? — спросил Владимир, подходя во время перерыва к Тимуру и Степану.

— Сила! — коротко определил Степан.

— А я скажу, ребята, нам здорово повезло, что мы попали именно в Качу, — ответил Тимур. — Какие люди прошли через нее!

— Люди прошли — пройдем и мы! — самоуверенно заявил Владимир. — А я еще должен заметить, что у нас на Каче, как говорят курсанты-старики, по сей день живет и работает какой-то дед — сама история школы.

Подошел Олег Баранцевич:

— Ярославский сел на своего конька...

— Не перебивай, а слушай. Тем более что одному из присутствующих это будет безразлично. Дед, говорят, в гражданскую войну оставался в тылу беляков и немало насолил им, а потом даже встречался с командующим Южным фронтом.

У Тимура только губы шевельнулись:

— И ты узнал, кто он и где?

— Разве это проблема? Выясним. Хотя погоди!

Вспомнил: он, кажется, на школьной водокачке работает.

— Аэродромный водовоз? — едко хохотнул кто-то сзади.

Оглянулись. Рядом стоял узколиций, с широким лбом курсант. Олег Баранцевич представил его:

— Рекомендую, Котомкин-Сгуров, наш земляк-москвич. Вместе добирались до Качи.

Знакомились, пожимали друг другу руки, а у Тимура не выходило из головы сообщение Владимира о деде, знавшем отца.

Перед ужином, в часы свободного времени, Тимур подошел к небольшому домику водокачки. Двери открыты. Заглянул. Двое курсантов из новичков: один — приземистый, рыжеватый и по фамилии Рыжов, другой — худощавый, с улыбчивыми губами, Крапивин — стояли у тумбочки и выжидательно смотрели, как пожилой, коротко подстриженный мужчина, придерживая на крупном носу очки, что-то писал. Потом он встал — высокий, широкогрудый — и, передавая Рыжову бумажку, сказал густым баском:

— Добро, джигиты. Из вас получатся грамотные летчики — умеете ухаживать за техникой. Передайте записку старшине — это моя вам благодарность. За профилактику насоса.

Они ушли, а мужчина стянул с орлиного носа очки с поломанной и, видно, наспех перевязанной оглобелкой, прищурился на дверь:

— Тебе, хлопче, кого?

— Я вот по какому вопросу... Вы случайно не знаете тут одного деда-старожила, тоже в водоснабжении числится? Говорят, он в авиашколе чуть ли не с самого начала работает.

Хозяин водокачки сунул очки в узкую жестяную коробочку, что лежала на тумбочке, и повеселел глазами:

— Дед, что с самого начала, — это я. Э-э... Чего ж ты так зарделся, как розан алый?

«Какой же он дед!» — подосадовал Тимур на свою оплошность. И сбивчиво вымолвил:

— Пожалуйста... Вы уж, пожалуйста, извините меня, введен в заблуждение.

— Пустое, хлопче. Ты, вижу, думал, что тот дед как дед, с бородой, да? Так для какой надобности он тебе потребовался?

Тимур, оправившись от замешательства, овладел собой:

— В сущности, меня интересует один день из времен гражданской войны в Крыму.

«Дед» пощурился на ходики, тикающие у выхода, и предложил:

— До ужина есть еще время. Выйдем на воздух, там и потолкуем. Идет?

Слегка волоча ногу, но неся прямо голову, он побрел по дорожке, убегавшей к морю. Тимур шел рядом.

Наступал тот час, когда сумерки медленно спускались с гор и вкрадчиво наползали на авиагородок; море в это время светилось всеми цветами радуги — от густо-малинового до бледно-розового. Солнце, коснувшись черты горизонта, некоторое время как бы плавало на далекой волне, а потом медленно, совсем незаметно стало погружаться в воду.

— Красиво, — промолвил хозяин школьной водокачки. Он совсем не был похож на старика — высокий, с гордо запрокинутой головой, с молодцеватой осанкой. — Тридцать лет смотрю на сие диво и не перестаю удивляться.

— Очень красиво, — согласился Тимур, загипнотизированный закатом и словами качинского ветерана.

Вскоре солнце скрылось, а зарево над горизонтом продолжало полыхать.

— Тебя, конечно, интересует тот единственный день, когда я встретился с товарищем Фрунзе. Угадал?

Тимур давно приучил себя хладнокровно воспринимать любую неожиданность, но сейчас сердце заколотилось гулко и учащенно.

— Не удивляйся. Не надо мне было гадать, чей ты сын. Тимур — на всю авиашколу один. А мне о тебе уже успели рассказать хлопцы, те, что у меня нынче с насосом возились. А как ты только появился в дверях, Рыжов пробубнил своему напарнику: а вот и сам Тимур легок на помине. Да и от летчиков говорок дошел: на Качу-де сыны Фрунзе и Микояна учиться приехали. Похвально. Похвально, что сыновья больших людей не бегут от нелегкой доли. А доля летчика нелегка, ой нелегка!

Закат продолжал поигрывать, переливаться, будто ветер знамена колыхал. Лицо млажавого старика потемнело, но все еще сохраняло красноватые оттенки.

Он закурил, и горьковатый дымок расплылся, смешался с сумерками.

— Я расскажу тебе о том одном дне, а вернее, об одном часе. Но чтоб ясней стала важность того одного часа, послушай сначала другое... Присядем, а то порченая нога зуммерит малость — авария одной «этажерки» и меня не обошла.

Вдоль высокого берега темнел низкий, ровно подстриженный кустарник, и светлыми пятнами выделялись врытые в грунт скамьи. На ближайшую присели.

— Так вот слушай. Зовут меня все тут — прав ты — дедом Крыжановским. Пришел я в Качу задолго до революции — летная школа только-только расправляла свои крылышки. Был я тогда молодец молодцом — крепкий, высокий, но должность — самая низкая. Аэродромный солдат. Авиаторы нашего брата солдата уважали, даже товарищами своими считали. А господа из командования презирали, ибо мы для них были, как и везде, быдлом.

Прервал рассказ, желая, видимо, переключиться на добрые воспоминания. Неожиданно мягко улыбнулся:

— Похваляюсь: с первым нашим русским летчиком,

Михаилом Никифоровичем Ефимовым, дружен был. Старшим инструктором он у нас работал. Скольким нашим армейским людям путь в небо открыл — не сосчитать! На военных маневрах в одиннадцатом году он первый применил ночное бомбометание. Еще похвалюсь: самолет штабс-капитана Петра Николаевича Нестерова обслуживал, провожал его в полет, вот в это небо, что над нами стугуилось. После, когда приземлился, руку мне пожал. Как сейчас, помню тот день и слышу чистый голос его: «Спасибо, братец, за прилежную службу русским крыльям». Так и сказал — русским крыльям!

Крыжановский кинул на песок окуроч и притушил его поском сапога. В темно-синем небе, над самым авиагородком, вспыхнула первая звездочка. Помигивая, она казалась сейчас светлячком, залетевшим в непостижимо бездонную высь. А море еще теплилось, постепенно затухая и успокаиваясь.

— А теперь и к твоему вопросу ближе. После Октября Красная Кача зажила новой жизнью. Но вскоре наступили черные дни — иностранная интервенция, деникинщина, врангелевщина. Качинский ревком, защищая революцию, оставил в тылу врага большевиков-подпольщиков, в том числе и меня. Скажу тебе так: интервентам и господам белогвардейцам, пытавшимся крылья Качи использовать против Республики, мы порядком насолили. Тайно портили самолеты, ремонтировали их долго, а если они и вылетали на фронт, то на полпути загорались или взрывались. А когда перемахнувшие через Турецкий вал и Сиваш орлы Фрунзе погнали Врангеля к морю, большевики Качи взяли за оружие, захватили школу и аэродром с самолетами. Узнав, что Фрунзе в Джанкое, наспех отремонтировали один самолет и вылетели — пилот и я — к нему. — Тимур затаил дыхание, а Крыжановский, как бывалый авиатор, показал рукой: — Приземлились... Надо сказать, красиво приземлились! Подбегают красноармейцы: «Руки вверх! Кто такие?» Просим доста-

вить к командующему фронтом. Доставили. «Летчики?» — спрашивает, а у самого глаза хоть и ввалившиеся (должно быть, от бессонницы), но веселые. Представились и доложили: самолеты Качи готовы служить Красной Армии, только их, мол, надо малость подлечить. Тут-то я не утерплю и в третий раз похвалюсь: Михайло Васильевич пожал нам руки — вот эту руку — и дал задачу по организации срочного ремонта всего авиационного парка и быстрейшей подготовки красных военлетов. С тех пор Кача знает только одно дело — готовит воздушных бойцов. Вот и все. Это хотел услышать?

— Да-да, это! Большое вам спасибо.

— А теперь иди, а то мы с тобой разговорились. Особенно я.

— Нет-нет, для меня все это важно.

— Коль важно, желаю тебе, курсант Фрунзе, счастливых полетов.

— Спасибо...

Тимур быстро шел в направлении казармы, а воображение еще хранило образ отца, с ввалившимися от бессонницы, но веселыми глазами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Молодые курсанты продолжали втягиваться в армейскую жизнь с ее строгим, расписанным до минуты распорядком дня. Разбитые на летные группы по восемь — десять человек, новички были зачислены в отряд капитана Осмакова.

В одной из таких групп старшиной утвердили Тимура Фрунзе. Капитан Осмаков разглядел в этом курсанте с несколько женственным лицом бойца с волевым и твердым характером. В его летную группу вошли Микоян,

Ярославский, Баранцевич, Котомкин-Сгуров и еще трое курсантов с хорошей, как и у первой пятерки, общеобразовательной подготовкой. К ним основным воздушным наставником до окончания школы был определен инструктор Коршунов — черноволосый худощавый лейтенант с карими, все подмечающими глазами. Еще в первый день знакомства с новыми своими питомцами он предупредил, что задача авиашколы значительно отличается от задачи авиационного училища — все дело в сроках: в школе учебная программа предельно сжата, ограничена временем, а поэтому он, их инструктор, выражает надежду, что курсанты группы проявят исключительную собранность, внимание и личную инициативу в поэтапном изучении материальной части самолетов, а именно: У-2, УТ-2 и И-16. В итоге каждого этапа — приобретение прочных навыков пилотирования на них.

Коршунов еще тогда, в первый день знакомства с группой, удовлетворенно отметил: «Слушают внимательно. Неплохо для начала, так бы до конца учебы».

— Летая со мной,— продолжал на одном из последующих занятий инструктор,— вы не только овладеете взлетом, пилотированием и посадкой, но и научитесь всем основным фигурам высшего пилотажа. Чтобы отлично овладеть всем этим, от вас требуются три вещи: в сочетании с твердыми теоретическими знаниями активное усвоение навыков пилотирования — раз; тренировки, тренировки и тренировки — два; высокая дисциплина на земле и в воздухе — три.

Тимур с первого взгляда проникся симпатией к инструктору. Нравился его четкий голос с волевыми интонациями. Вот и сейчас он прозвучал отчетливо и требовательно:

— Внимание... Наше время истекло. В следующие часы у вас что? Изучение мотора?.. Старшина, после перерыва ведите группу в учебно-лётный отдел.

— Слушаюсь!

Перед началом занятий в учебном корпусе шумно. Сюда сходятся курсанты разных групп из всего отряда. Одни уже вошли в классы, другие размеренно вышагивают по коридору с развернутыми учебниками в руках и монотонно бормочут, третьи о чем-то спорят в курилке. После звонка коридоры пустеют, в курилке остается только сизоватый туманец, двери в классы плотно закрываются, и в свои права вступают неумолимые жрецы теоретических дисциплин. Преподаватели не устают напоминать курсантам:

— Как известно, без теории практика слепа... Итак, приступим к теоретическому обоснованию...

Одни очередное обоснование усваивают легко, другие туже, третьим оно вообще без зубрежки не поддается. Однако последние не унывают: успели уже уяснить, что в летной школе главное все же практика, пилотаж, но за такое легкомыслие приходилось и расплачиваться.

На первых же проверочных занятиях по мотору курсант Крапивин — один из тех двух ребят, которых Тимур встретил на водокачке у Крыжановского, — получил «неуд». В перерыве он упавшим голосом безрадостно промолвил:

— Сколько ни зубрил, а в голове каша.

— А ты не зубри, — сказал Тимур, выходявший с ним рядом.

— Как же иначе можно запомнить все эти винтики-болтики, шатуны и кривошипы? Только и запомнил, что мотор М-11 имеет сто десять лошадиных сил. Все остальное — туман.

Тимур улыбнулся:

— Ты ж уверял — каша.

— Ну да, каша и туман, — совсем скис Крапивин.

— Не зубрить, а понять надо, что к чему... Как Рыжов сегодня отвечал, слышал?

— Ему — что! Рыжий монтер, с электромоторами дело имел. А я колхозник, хлебороб. Про лошадиные силы

как-то сразу запомнил. Можно сказать, лошадиную силу на практике изведаль. А вот весь мотор в целом..»

— Точка! — прервал его Тимур. — В целом, если честно говорить, не только ты, но и многие другие еще не осилили. В том числе и я. — И неожиданно предложил: — Хочешь, вместе будем изучать?

— О чем спрашиваешь, Тимур! Как юный пионер — всегда готов!

— Вот и договорились. А теперь мрачные мысли в сторону. Очередной час физо, а это значит — и купание в море!

2

В часы самоподготовки Тимур увлек Крапивина в моторный класс соседней эскадрильи. На удивленный вопрос товарища, к чему идти в гости, когда есть свой такой же класс, ответил:

— Такой же, да не совсем.

— И мотор М-11 в разрезе есть?

— Как говорится, и вдоль и поперек разрезан. Одним словом, не класс, а моторный музей.

— И правда — музей! — шепнул Крапивин, когда они вошли в заставленный механизмами и увешанный плакатами класс.

В ближайшем углу на специальных подставках возвышались два мотора незнакомой конструкции. На табличках тушью каллиграфически написано: «Учебная база школы начиналась с двух моторов — «Седлей-Пума» и М-5». Вдоль стены на полках аккуратно расставлены поврежденные части разных авиационных моторов. Общая табличка гласила: «Характерные дефекты деталей моторов», а под каждым экспонатом — подробное описание дефекта и причины его возникновения. У одного металлического обломка несколько курсантов о чем-то увлеченно спорили.

— Теперь видишь разницу? — спросил Тимур.

— Еще бы! Смотри, а вот и он, М-11, разрезанный, со всеми его пятью цилиндрами!

В класс шумно ввалилась большая группа курсантов, и Крапивин забеспокоился:

— Пошли, у них, видать, дополнительные занятия.

Их заметил Безродных и поприветствовал издали. Когда же они собрались уходить, быстро подошел к ним:

— Оставайтесь на консультацию, сам Васильев-Соколов, создатель этого класса, проводить будет, разжует и в рот все положит.

Не успели разместиться, вошел подтянутый, загорелый, причесанный на пробор пожилой человек в форме военного инженера 1 ранга. Пристраиваясь рядом с Тимуром, Безродных шепнул:

— Он самый, наш моторный кудесник.

— Встать, смирно! — скомандовал старшина.

— Вольно, вольно... Садитесь и приступим к делу, — махнул рукой Васильев-Соколов. — Время — деньги, говорят американцы. Время — знания, должны сказать мы.

Консультация началась. Курсанты задавали вопросы, а Васильев-Соколов, подходя то к схемам, то к моделям, то к отдельным деталям мотора, не только сам объяснял, но и вовлекал в разговор курсантов. Слушая их, он вглядывался в молодые, пытливые лица и вдруг, заметив двух новичков, шагнул к задним столам:

— А вы, товарищи курсанты, из какого подразделения?

Тимур и Крапивин встали.

— Курсант Фрунзе и курсант Крапивин, — за двоих ответил Тимур. — Товарищ военинженер, разрешите нам поприсутствовать на вашей консультации... Мы из отряда капитана Осмакова.

— Что ж, не возражаю, можете присутствовать.

Консультация продолжалась, и Тимур тоже горячо включился в общий разговор, стал задавать вопросы.

Возвращаясь в эскадрилью, он восхищался:

— Действительно чудесник! Не только разжевал и в рот положил, но и проглотить помог. А у тебя как,— спросил он у Крапивина,— прояснилось?

— Даже не верится. Почти полное прояснение! Вот если бы я так мог, как ты.

— Что именно?

— Так свободно говорить, задавать вопросы начальству.

— Чего ж молчал? Не понимаешь — спрашивай.

— Легко сказать — спрашивай... — вздохнул Крапивин.

...Так шли день за днем. Преподаватели пристально рассматривали, оценивали и определяли знания, способности и радение каждого курсанта. Инструктора готовили свои группы к первому полету. Тщательно готовил своих ребят и лейтенант Коршунов. С нетерпением ожидали полетов и курсанты.

И день этот настал. Он был ясен, светел и безоблачен от зенита до горизонта. Курсанты выжидательно смотрели на своего инструктора. И Коршунов не без торжественности объявил:

— Итак, основы пилотирования каждым из вас усвоены. Сегодня вы сделаете первый шаг в небо. С кого начнем?.. Полагаю, справедливо будет — со старшины. Курсант Фрунзе, в кабину. Остальным оставаться в квадрате.

Вслед за инструктором Тимур стал на плоскость самолета и занял свою, заднюю кабину. Быстро пристегнулся ремнями, осмотрел приборную доску.

— К запуску! — скомандовал Коршунов.

— Есть, к запуску! — ответил техник Паников и с профессиональной лихостью дернул за пропеллер.

Лопасть винта качнулась, мотор чихнул и равномерно заработал. Курсант-стартер в синем комбинезоне махнул флажком — разрешил взлет. Мотор взревел, и само-

лет побежал, быстро набирая скорость. Струя ветра разбилась о прозрачный козырек передней кабины, скользнула по бортам фюзеляжа. Тимура прижало к спинке сиденья, и он завороченно уставился на приборную доску, перевел взгляд на ручку управления и педали. Они осмысленно шевелились, словно их передвигал человек-невидимка; но Тимур уже знал, что никакого чуда в том не было — управлял самолетом инструктор, а в курсантской кабине его действия дублировались системой спаренного управления.

— Наблюдайте, — вывел его из мимолетного оцепенения голос лейтенанта.

Глянул на капот. Самолет набирал высоту, и земли почти не было видно — закрывали крылья. Когда же инструктор перешел в горизонтальный полет, обзор расширился. Слева открылось море с затерявшимся в сплошной просини белым брусочком теплохода.

На прозрачном козырьке прикреплено зеркальце, и Коршунов, поглядывая в него, следил за курсантом.

— Не задерживайте взгляда на одном предмете. Наблюдая за положением самолета в пространстве, одновременно следите за указателями скорости и высоты.

«Понял», — сказал себе Тимур, ибо ответить инструктору он не мог. «Ухо», к которому подсоединялась переговорная трубка, имелось лишь у курсанта — слушай и выполняй указания своего наставника!

Взглянул на приборную доску: высота 400 метров, стрелка указателя скорости почти неподвижна — инструктор строго выдерживает заданный режим. Перенес взгляд за борт. Вдоль берега топографическим макетом вытянулся авиагородок: в пятнистой зелени белели кубики домов начсостава, здания казарм, столовой, учебного корпуса, штаба и военторга... А вот и водонапорная башня. Из домика рядом вышел крохотный человечек, и Тимур только сейчас остро осознал, что он в воздухе. Захотелось сложить ладони рупором и крикнуть: «Товарищ Крыжа-

новский, это я пролетаю над вашей водокачкой, Тимур!» Поборов неумный приступ восторга, он перевел взгляд на приборную доску.

Самолет лег в правый разворот, горизонт резко сместился, и Тимур увидел аэродромное поле, ангары, мастерские, несколько замерших на земле самолетов, похожих на отяжелевших пчелок: крылья распустили, а взлететь не могут... А вот и белое полотнище посадочного «Т», поодаль — квадрат с фигурками курсантов.

Олег впереди, машет пилоткой. Ему определенно не терпится — следующая очередь его.

Когда У-2 снова оторвался от земли, унося в воздух Баранцевича, курсанты обступили Тимура:

— Ну как?

Глаза их старшины еще не потеряли восторженного блеска, а щеки горели широким, с ладонь, румянцем. Признался откровенно:

— Как? Как во сне. Дух захватывает и хочется еще лететь и лететь... — Глянул из-под руки в вышину, вспомнил свои обязанности старшины. — Ребята, все! Наблюдаем за полетом.

Чуть в стороне от возбужденных товарищей стоял Владимир Ярославский и сдерживал добродушную улыбку — ему-то, аэроклубовцу, было хорошо знакомо чувство первого полета. Подумал лишь: «На его месте Котомкин-Сгуров ответил бы не так — обязательно бы с нотками превосходства. Такой уж он человек, Сгурич, самолюбивый, любит прихвастнуть. А Тимка — молодчина, простяк! Полетал и не думает скрывать своей мальчишеской радости...»

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

В клубе хорошая библиотека. Тимур оценил ее сразу, как только в один из вечеров внимательно про-

смотрел картотеку. Девушка-библиотекарь, привстав, перегнулась через барьерную накладку.

— Товарищ курсант, вас что интересует?

— Все занимательное и полезное,— задвинув ящик, сказал Тимур.— А того и другого у вас немало.

Он подошел к стойке и, предъявив курсантскую книжку, попросил записать его. Оформляя читательский билет, девушка поставила общий порядковый номер — 2756 — и запнулась.

— Вы Фрунзе? — И более внимательно оглядела высокого курсанта с белесой стриженной головой.

Тимур, как всегда, когда был чем-то недоволен, свел брови.

— Разве там нечетко написано?

— Напротив, очень даже четко,— сказала она и быстро заполнила графы.— Распишитесь.

Ровными буквами, без всяких хвостиков и росчерков, полностью написал: «Фрунзе».

— Так что ж вам дать почитать?

— Разрешите пройти к стеллажам? — Девушка почему-то медлила с ответом.— Не полагается — так собираетесь разъяснить мне? — весело спросил Тимур.

— Совсем другое хотела сказать,— наконец поборов смущение, возразила она.— Политрук Шубин, мой начальник, разрешил допускать активных читателей к полкам.

Тимур широко улыбнулся:

— Торжественно обещаю быть активным! — и, приподняв откидную доску, подошел к полкам, пробежал глазами корешки книг. Неожиданно спросил: — А у вас романы, повести на иностранных языках есть?

— Очень немного. Вон там, за вторым стеллажом,— показала она ручкой-самопиской.

Продолжая прислушиваться к его тихим шагам, к шелесту страниц, девушка решила предложить ему ознако-

миться с полкой новинок, но в библиотеку вошел Коршунов и положил на барьер несколько книг.

— Прошу списать, а эти... — он протянул листок, — а эти подобрать. Желательно к утру.

Она бегло просмотрела список и покачала головой:

— Опять ни одной художественной.

— Досточтимая товарищ Свищева, сейчас мне недосуг заниматься беллетристикой, — то ли в шутку, то ли всерьез сказал Коршунов. — Новая группа у меня. Ребята подобрались пытливые, дотошные. Надо многое освежить в памяти.

Тимур узнал голос своего инструктора, и ему стало неловко оттого, что стал невольным свидетелем откровения лейтенанта. И он вышел из-за стеллажа.

— Я подобрал вот эти...

— О, такие редко кто спрашивает! — воскликнула девушка.

Собравшийся было уходить Коршунов обернулся.

— Ба, курсант Фрунзе! — Он несколько не смутился тем, что подчиненный мог слышать — даже определенно слышал! — его прямодушное признание. — Да вы, вижу, успели войти в доверие! А я и Качу окончил, и три выпуска летчиков сделал, но ни разу не побывал за сей неприступной крепостью.

Девушка покраснела и стала оправдываться:

— А вы, между прочим, сами ни разу не изъявили желания порыться в книгах. Только списки и оставляете!

— Что верно, то верно, — согласился Коршунов. — Привык на вас полагаться...

На улице Коршунов заинтересовался:

— Чем вы потрясли нашу хранильницу печати — можно посмотреть?

Тимур протянул одну книгу.

— «Иван Рахилло. Летчики», — прочитал инструктор. — Поучительный роман, знаком. К тому же автор — летчик, и наш, качинец... А еще что?

Тимур неохотно показал обложки, Инструктор даже остановился.

— На иностранных языках?.. Марк Твен, Дюма... Вы что, знаете немецкий и французский?

— Французский изучал,— уклончиво ответил Тимур.

— А немецкий? — допытывался Коршунов.

— Немецкий знаю просто так, с детства...— Он покраснел, словно сознался в чем-то нехорошем. Лейтенант не догадывался, что Тимуру такой ответ причинял почти физическую боль: ему претило чем-либо выделяться среди сверстников, а тем более — старших. И он, словно оправдываясь, пояснил: — Понимаете, все получилось случайно. Еще до школы я повадился приходить в комнату сестры, когда с ней занималась немецким наша хорошая знакомая Милида Карловна, немка. Вот я молча сидел, слушал и запоминал... А позже, когда пошел в школу и нам стали преподавать иностранный язык, я даже удивился, что оказывается, знаю немецкий. Мне, собственно, нечего было делать на уроках иностранного. Как видите, товарищ лейтенант, этот язык я знаю действительно просто так. Французский же — иное дело. Изучал сам.

— А я догадываюсь, почему именно французским вы решили овладеть. Читал однажды, что Михаил Васильевич Фрунзе тоже изучил этот язык самостоятельно. Поэтому?

— Так,— тихо согласился Тимур.

— Да-а...— Коршунов поправил портупею и посмотрел в сторону моря.— Замечательно, когда в голове кроме родного умецаются и другие языки... Вы куда сейчас? Может, пройдемся к морю?

До обрывистого берега шли молча, а когда стали у края, Коршунов спросил:

— Здесь присядем или спустимся к воде?

— По-моему, здесь лучше. Обзор...

Коршунов достал папиросы и сел, свесив ноги с крутизны.

— Курить не предлагаю: знаю — не курите.

— Пока не тянет,— смущенно улыбнулся Тимур, опускаясь рядом.

Обзор действительно был великолепный: справа, на узком пляже, высланном морским песком, нежились в лучах вечернего солнца курсанты; слева маячила вышка, и с нее прыгали ныряльщики, вспенивая спокойную к вечеру прибрежную гладь.

Лейтенант задумчиво продолжал:

— И я изучал немецкий, но не сам, а так, как все школяры,— их бин, ду бист, эр ист... И все. На большее не хватило терпения, а может, и воли. А ведь можно было бы...— Глубоко затянулся и медленно выпустил сквозь неплотно сжатые губы дымок.— А вы молодец — есть воля.

Тимур начал тяготиться похвалами. Взгляд его нетерпеливо и замкнуто скользнул вдоль берега. В воде курсанты перебрасывались мячом. В одном из играющих он узнал шумного и подвижного серпуховца. Безродных широко размахивался, и мяч ядром низко летел над волнистой водой и, ударяясь о чью-нибудь ладонь, со звоном рикошетировал.

«Стесняется еще по-товарищески беседовать в свободное время с инструктором»,— по-своему объяснил Коршунов причину внезапной хмурости Тимура и быстро перевел разговор на другую тему:

— Завтра начнем летать активнее. Не терпится, наверное, самому повести машину?

Тимур оживился.

— Еще бы! Дали б хоть немного попилотировать. Без страховки.

«Вот где твой любимый конек!» — с удовлетворением подумал лейтенант и, сдвинув пилотку на затылок, потер лоб в раздумчивости. А Тимур стал уже горячо убеждать:

— Вот увидите, все будет в порядке. Я уже трениро-

вался!.. Ну хотя бы на взлете плавно-плавно потянуть ручку на себя...

В уголках губ лейтенанта теплилась добродушная улыбка: было время, сам переживал такое нетерпение. Он затушил папиросу о плоский голыш и стал серьезен.

— Тренировки на тренажере, разумеется, дело хорошее. Но одного желанья потянуть ручку на себя мало. Надо все отработать на самолете. Научиться вначале вести его по горизонту. Вот завтра и начнем с этого.

2

Утро выдалось погожее, солнечное. Море и небо отливали почти одинаковой синью, и черта горизонта едва просматривалась. Влажноватое дыхание бриза бодрило.

— Шире шаг! — торопил группу Тимур, ведя ее на аэродром.

Миновали молодой парк, стадион и ангары. Впереди простор аэродромного поля. На предварительном старте, подсвеченный утренним солнцем, ожидал их У-2, а в квадрате стояли капитан Осмаков и лейтенант Коршунов.

Тимур подвел группу и четко доложил командиру отряда о готовности к полетам. Капитан — невысокий и коренастый — стоял подчеркнуто прямо, на каждом зеркально надраенном носке его хромовых сапог уместилось солнце. Поздоровался с группой и спросил:

— Как настроение?

— Приподнято-возвышенное! — опередив своих товарищей, выпалил Олег Баранцевич.

Капитан Осмаков окинул строй пытливым взглядом и, кажется, остался доволен: у старшины группы, как и следовало ожидать, вид собранный, бодрый; Баранцевич заметно возбужден, силится шире развернуть плечи, скрыть присущую ему сутуловатость — и это ему в какой-то ме-

ре удается; Ярославский, как ни сдерживается, не может пригасить снисходительную улыбку: ему-то все это знакомо еще по аэроклубу; Степан Микоян предельно сосредоточен, черные глаза его горячи и решительны; уши Котомкина-Сгурова опалены рябиновым жаром; остальные напряжены и неподвижны, словно замерли перед объективом фотокамеры.

— Приподнято-возвышенное, — запоздало откликнулся капитан и вдруг спросил: — Курсант Котомкин-Сгуров, вы чем взволнованы?

Тот вздрогнул, но ответил спокойно:

— Ничем, товарищ капитан. Все в границах нормы.

— Раз у Котомкина-Сгурова волнение в границах, приступайте, товарищ лейтенант, к вывозке.

— Слушаюсь! — приложил руку к синей пилотке Коршунов и, повернувшись к курсантам, напомнил, что во время полета по малому кругу они обязаны мягко держаться за ручку управления, чувствовать ногами педали и быть внимательными. — Повторяю: мягко держаться... Вопросы?

Вопросов не было. Было нетерпение, желание поскорее взлететь.

Инструктор сел в переднюю кабину и в зеркало наблюдал за действиями курсанта. Тимур еще раз проверил, надежно ли пристегнул себя ремнями, затем присоединил к шлему резиновый шланг переговорного устройства, осмотрел приборы.

— Курсант Фрунзе к полету готов!

Баранцевич ухватился руками за лопасть,

— Запуск! — скомандовал инструктор.

— Есть — запуск!

Олег резким рывком дернул пропеллер, а Тимур крикнул:

— От винта! — и энергично крутнул ручку магнето.

Мотор заработал. Тимур взял ручку управления, увеличил газ, и У-2 покатился к исполнительному старту.

— Мягче, Тимур. Не зажимайте ручку.

«Нет, не даст взлететь, хотя и назвал по имени»,— подумал Тимур, чувствуя, что ручка управления подается с трудом,— конечно, это инструктор придерживает ее.

На линии исполнительного старта самолет замер. Стартер махнул флажком, и Тимур, не мешкая, послал рычаг газа вперед. Машина побежала, потом быстрее и быстрее, толчки колес участились и вдруг исчезли — самолет оторвался от земли. Тимур ликовав: все же как там ни подправлял инструктор, а это он, курсант, сам и мотор запустил, и взлетел, и теперь вот набирает высоту... Однако восторженность сразу пригасла, как только почувствовал, что ручка управления пошла вперед: инструктор перевел машину в горизонтальный полет. Значит, он и не отпускал ручку, разочарованно подумал Тимур.

— Разворот влево,— тем временем пояснял Коршунов свои действия и накренил самолет.— Вот так. Теперь пойдем по прямой. Ваша задача? Выполняйте!

«Жаль, что нельзя ему ответить, а то бы отчеканил: «Задача — выбрать ориентир и выдерживать направление!» Так подумал и остановил взгляд на вершине горы.

Инструктор одобрил его решение. Это Тимур понял по новой команде:

— Выдерживайте.— И тут же Коршунов добавил спокойно: — Ну, ведите.— А сам положил руки на борта.

Хотя Тимур втайне и надеялся, что лейтенант доверит вести самолет по прямой, но, что это произойдет так быстро, не ожидал и несколько смутился — он судорожно сжал ручку управления. Машина клюнула носом, заходила из стороны в сторону.

— Не волнуйтесь. Спокойнее и плавнее...— Тимур почувствовал, как ручка в его вспотевшей ладони плавно подалась назад, и, словно это он, а не инструктор, выправил положение, в наушниках одобрительно прозвучало: — Вот так. Хорошо... хорошо, Тимур!

Самолет пошел ровно. Впереди маячила вершина да-

лекой сиреневой горы. Тимур снова видел руки лейтенанта на борту, и захотелось крикнуть на весь мир: «Ура, это ж я веду... сам!»

— Скоро конец прямой, — подсказал инструктор и снял одну руку с борта. — Внимание, начинайте разворот.

Вершина горы плавно ушла в сторону, горизонт качнулся, косо полез вверх. Самолет чутко реагировал на малейшее движение рук и ног.

— Новый ориентир выбрали?

«А как же! — не утихало в груди торжество. — Угол мыса».

— Так... Выдерживайте.

Сделав еще два разворота, стали снижаться. Тимур почувствовал, как инструктор взял управление в свои руки. Впереди ориентиром служил распластанный на земле посадочный знак «Т».

— Сбавляем газ...

Земля быстро приближалась, уходила под самолет.

— Начинаем выравнивание.

Взгляд Тимура скользил по бегущему навстречу аэродромному полю.

— Главное при посадке — соразмерить движение руки с приближением земли, — поучал Коршунов, — или, как обычно говорят, уметь чувствовать землю глубинным зрением. Совет: тренируйте глубинный глазомер.

Самолет коснулся колесами земли у «Т» и плавно покотился к ограничительным флажкам.... Замер.

— Зер гут! — удовлетворенно объявил Коршунов.

Уши словно ватой набиты. Голос инструктора донесся будто из какой-то особенной, звенящей тишины. Счастливо улыбаясь, Тимур откликнулся:

— А вам, товарищ лейтенант, за доверие превеликое спасибо!

Коршунов добродушно улыбался:

— Ощутили самостоятельность пилотирования?

— О да!

— Только надо поспокойнее, вы излишне порывисты. Летчика ничто не должно выводить из равновесия.

— Буду стараться, товарищ лейтенант! — радостно пообещал Тимур.

К самолету бежал очередной курсант — Олег Баранцевич.

В этот день Тимур и его товарищи по группе еще дважды поднимались в воздух. К концу полетов курсанты были сильнее обычного возбуждены и перед тем, как завести машину в ангар, они с особой тщательностью и усердием вымыли мотор, протерли крылья, фюзеляж и кабину, заправили баки бензином и маслом. Они все еще были под впечатлением полета и наперебой восклицали:

— ...Точненько нацелился на ориентир и, знай себе, веду наш самолет, а лейтенант, чес-слово, сидит у меня как бы за пассажира!

— И я почти весь круг сам пилотировал...

— Это что — по кругу! — прервал их Олег Баранцевич. — А вот я, верьте не верьте, на третьей вывозке сам сажал вот этот бипланчик! — И любовно похлопал ладонью, как по барабану, по упругой плоскости.

Находившиеся поблизости техник и механик перемигивались, посмеивались. Они понимали состояние курсантов и не вмешивались в их оживленный разговор. Особенно петушился Котомкин-Сгуров. Он хвастливо уверял скептически ухмылявшегося Ярославского:

— Доверие — великое дело! А мне инструктор доверил не как нашему вещему Олегу на третьей вывозке, а сразу, в первом же полете, и взлет и посадку!

— Ой ли? — не гася ухмылки, усомнился Владимир.

— Как же, как же! Я сам видел — рука его лежала на борту!

— Одна рука? И наверно, левая?

Уши Котомкина-Сгурова запылали: понял — дал маху. И умолк.

На следующий день вывозные прошли более ровно, и курсанты воздерживались от похвальбы, а через неделю летная подготовка вошла в обычную трудовую колею. По утрам, если полеты назначались с ближнего аэродрома, Тимур, как всегда, отводил своих товарищей к предварительному старту, если же с дальних — группу увозили на машинах, а самолет туда перегонял инструктор, прихватив одного из курсантов. Чаще всего теми счастливыми оказывались отстающие, а такие уже наметились. Особенно не ладилось с пилотированием у Котомкина-Сгурова, и Коршунов почти всякий раз на перегоны брал его. Ни сам курсант, ни его товарищи не могли взять в толк: что же случилось? Сначала все шло гладко, а потом Сгурича словно подменили — стал нервничать, допускать ошибки. И только Коршунова не смутили неудачи курсанта, он знал: бывает и такое. Чтобы ободрить и вселить уверенность, он говорил ему перед полетом:

— Главное — не падать духом! Все поправимо. Самолет перед новичком, как норовистый, необъезженный конь: быстрее покоряется тому, кто смелее, настойчивее. Поменьше резкости и побольше уверенности. Не забывайте — вы властелин над ним. Взлетайте!

Курсант давал газ, и самолет, виляя из стороны в сторону, начинал разбег...

В один из таких напряженных учебных дней Тимур получил два письма: одно — в служебном конверте наркомата обороны, другое — в простом. Ворошилов интересовался ходом учебы и настроением, спрашивал, не скучает ли он об артиллерии. И, как всегда, желал отличных успехов. В другом письме — всего несколько фраз: «Здравствуй, Тим! Где ж твое обещание о... каждом выходном? Я ж говорила — преувеличиваешь. Но не сержусь. Догадываюсь — занят и в будни и в выходные. По себе сужу: уйма неусвоенного материала! Пишу тебе прямо на лекции, а это нехорошо. И все же откликнись. Жду и... (какое-то слово тщательно зачеркнуто). В.»

«Ох, Верка, Верка! До чего ж ты славная девчонка. Каюсь! Каюсь и — исправлюсь».

Не откладывая на завтра, он прошел в леккомнату эскадрильи, сел за столик, тот, что придвинут к простенку с портретом Ворошилова. С минуту курсант и маршал как бы смотрели друг на друга. Ворошилов был изображен в парадной форме, с непривычно суровым лицом.

Тимур представил Климента Ефремовича таким, каков он в жизни, — простым, душевным, доступным, вырвал из тетрадки два листа и на одном из них старательно написал ответ своему опекуну:

«Дорогой Климент Ефремович!

Только что получил Ваше письмо и спешу ответить на него. У меня с учебной обстоит все благополучно. Обучение поставлено и обеспечено всем необходимым. Так что нечего уж тут говорить — все в наших руках. Хотя нельзя и сказать, что теория, которую нам преподносят, — пустяк. Программа хоть и сжата, но по объему не уступит ни одной программе авиационного училища. По крайней мере, все необходимые предметы здесь проходят, и проходят очень глубоко и подробно. Однако, признаться, думал я, что намного легче будет. Дело не в том, что предметы трудно даются, а в нехватке времени. Буквально каждую минуту приходится использовать, и не просто использовать, но стараться как можно рациональнее использовать. И все же я настолько втянулся в ритм учебного процесса, что успеваю не только усвоить материал дня, но и выделить ежедневно 15—20 минут на французский язык, чтобы не забыть...

Эх, Климент Ефремович, если бы я только мог описать Вам, какое у меня было ощущение, когда я в первый раз поднялся в воздух. Какая уж там артиллерия! Теперь я уже имею 2 часа 44 минуты полета (с инструктором, конечно). Инструктор у нас замечательный — лейтенант

Коршунов, он окончил Качу отличником и имеет уже три выпуска.

Вот только обидно до смерти: самый разгар полетов, а завтра проклятый выходной день! А летать убийственно хочется!..»

Подписался, запечатал в конверт, четко вывел адрес и, сдерживая улыбку, задумался над другим, чистым листом...

3

«Проклятому выходному дню» предшествовал день, потрясший вторую эскадрилью непредвиденным случаем. Впрочем, «случай» был расценен как серьезный проступок, и за него строго взыскали с виновника.

...После теоретических занятий Тимур написал ответы на полученные письма из Москвы и, находясь еще под их впечатлением, вышел из казармы. Он решил те самые пятнадцать — двадцать минут, которые ежедневно выделял на иностранный язык, использовать не за книгой и тетрадкой, а, говоря армейским языком, «на местности». Сначала попадавшиеся на глаза предметы, потом красочные пейзажи с ходу переводились полностью или частично на французский. Шагая по главной аллее, он вышел на окраину городка и огляделся: впереди убегала вдаль дорога к Альминской долине, справа пестрела целинная степь, где располагался их ближний аэродром, с которого время от времени поднимались самолеты.

— Кулер лекаль... что означает местный колорит, — вслух произнес Тимур. — Крымский кулер лекаль весьма своеобразен... Парти де плэзир — увеселительная прогулка... Сегодня я позволил себе совершить нечто вроде парти де плэзир...

И неожиданный окрик:

— Э! Курсант! С кем говоришь, э?

Оглянулся — на вершине ближнего столба электропередачи, тянувшейся по-над дорогой, в небрежной позе верхолаза застыл Ахмет. Внизу пощипывала траву лошадь.

«Странно, как я их раньше не заметил? Вот она, твоя наблюдательность, будущий летчик-истребитель!» — упрекнул себя Тимур и отозвался:

— Со степью, Ахмет! С твоей чудесной степью!

Сам же отошел назад на несколько шагов и понял, в чем дело: в створе со столбом, на котором работал Ахмет, находился отдельный пирамидальный тополь — он-то и закрывал электрика и его коня до тех пор, пока Тимур не миновал дерево. Ахмет недоверчиво переспросил:

— Э? Со степью?.. Ты куда спрятался?

Тимур, выходя из-за укрытия, не стал вдаваться в подробности и сам поинтересовался:

— А ты что там так тихо колдуешь на столбе?

— Меняю провод.— И, полизывая когтями и поясной цепью, спустился вниз.— Покурим, курсант, э?

— Не курю, Ахмет.

— Вот это якши!

Сложив свои монтерские доспехи на траву, Ахмет устроился на обочине и задымил. Тимур приложил руку к пилотке козырьком, оглядел слегка провисшие, поблескивающие на солнце провода.

— Это у тебя получилось якши. Неужели сам натягивал?

— Э, зачем сам? Сам я сейчас проверяю. А с утра хозяйственники помогали.

Но Тимур уже не вникал в слова Ахмета, а прикидывал размеры пространства между двумя столбами, нижним проводом и землей.

«Чкалов пролетел под мостом,— осенило его внезапно.— А можно ли пролететь под проводами?» Он отошел еще дальше и, окинув большой участок линии, выбрал наиболее удобные «ворота» с гладким, почти ровным травяным настилом и уже вслух промолвил:

— Если точно рассчитать...

— Э? — не понял Ахмет.

— Здесь, между теми столбами! — И он, увлекшись, представил, как бы спикировал, на бреющем проскочил между столбами и снова бы взвился вверх, в синеву. Представил так реально, что даже озноб пробежал по телу.

Сзади фыркнула лошадь...

После, когда он пытался анализировать свой поступок, ему так и не удавалось понять, что толкнуло его на такой безрассудный шаг — то ли просто оказавшаяся рядом лошадь, на которой захотелось проскакать — давно ведь не занимался верховой ездой, — то ли мечта о пролете под проводами. Широко шагнув к лошади, он цепко ухватился за гриву и, с ловкостью бывалого наездника взлетев на неоседланную ее спину, ударил каблуками в бока.

Лошадь прижала уши и рванулась вперед, наметом устремилась к аэродрому.

Электрик, обронив папиросу, удивленно расширил глаза:

— Куда шайтан его понес, э? — И, вскочив, закричал: — Э-э-э! Назад, назад!

Но курсант, не слыша его, мчался напрямик к взлетно-посадочной полосе.

На аэродроме забили тревогу:

— Отставить взлет!

И кто-то, размахивая двумя флажками, побежал наперерез всаднику. Конь круто развернулся и во весь опор понесся назад.

Выходной. В помещении второй эскадрильи пустынно — все на море. У столика, придвинутого к доске с распорядком дня и выписками приказов, взад-вперед — три шага туда, три обратно — вышагивал Тимур. На боку —

противогаз, на ремне — черный футляр с плоским штыком. Дневальный.

Дневальство необычное — вне очереди. В свободный от занятий и работ день.

«Надо же, старшина группы — и отхватил три «рябчика!» — невесело думал Тимур. И снова три шага туда, три обратно. В одиночестве спокойнее думается. И вчера, когда объявили взыскание, и сегодня, когда заступил в наряд, навязчиво возвращалась мысль: «Что, собственно, произошло и как самому оценивать свою выходку? Озорство? Нет. Желание показать Ахмету искусство верховой езды? Тем более нет: потомка джигитов этим не удивишь. Может, подсознательная имитация пролета на истребителе под проводами? Так это ж чистой воды мальчишество! А может, так оно и есть? Неспроста же Степан как-то намекнул, что я ребячество забыл оставить за воротами проходной авиагородка...»

«Курсант Фрунзе, как понимать ваш поступок?» — до сих пор звучал в его ушах суровый голос разгневанного старшины эскадрильи. Но на этот вопрос он толком так и не смог ответить ни ему, ни командиру отряда капитану Осмакову, ни комэску майору Коробко. А лейтенант Коршунов вообще не спрашивал; он, вызванный вместе с нарушителем к командиру эскадрильи, стоял тут же и не мог уразуметь: в самом деле, как понимать такой нелепый поступок одного из самых способных курсантов его группы?

— Нелепый поступок? — жестко переспросил майор Коробко. — Нет, мягенько оцениваете случившееся. Это не поступок, а проступок. Если хотите — ЧП.

Только генералу Туржанскому, перед которым предстал в тот же день, рискнул объяснить: решил-де сымитировать пролет под проводами.

Попытался подробно восстановить в памяти свою вторую встречу с начальником школы.

...Порог генеральского кабинета переступил безрадостно и, чтобы как-то усмирить волнение, стал дотошно разглядывать обстановку, на которую почти не обратил внимания при первом посещении.

Кабинет просторен и в то же время прост. От дверей к столу разостлана ковровая дорожка, которую строгий хозяин тут же обыграл:

— Ну-ка, кавалерист, пожалуйста на ковер!

Туржанский сидел в кресле, чуть откинувшись на спинку; на краю стола возвышалась алая моделька истребителя И-16. Тимур отмерил три шага, представился.

— Вижу, вижу, что курсант Фрунзе. Значит, тем характеристикам мне по-прежнему не верить?

Тимура обдало жаром: «Вспомнил-таки!»

— Ну ладно, то было детство, школярство. А теперь курсант, более того, старшина группы и вдруг — виновник дезорганизации, срыва учебных полетов. Ну-ка, расскажите, как это вы умудрились учинить скачки на летном поле? — Голос генерала суров, в глазах недобрые искорки.

— Товарищ генерал, свою выходку считаю необдуманной и готов понести любое дополнительное наказание.

— Дополнительное? Что, уже объявили взыскание?

— Три наряда вне очереди.

— Гм... Слиберальничали во второй эскадрилье. За такой выверт арестовывают и на гауптвахту отправляют.

— Жду более строгого наказания.

— Ишь какой! Знаете небось, что за один-то проступок в армии дважды не наказывают.

Тимур покраснел еще больше:

— Нет, товарищ генерал, не знал.

— Но и три наряда — взыскание серьезное. А главное — не делают вам чести. Отбывайте их и заодно хорошенько подумайте: не ошиблись ли вы адресом?

— Каким адресом, товарищ генерал? — тихо спросил Тимур, чувствуя, что во рту пересохло.

— Возможно, вам в кавалерию следовало бы податься, а вы в авиацию ненароком завернули?

— Нет-нет, только в авиацию!.. Товарищ генерал, признаю: непростительно виновен... Но поступок с лошадьё... Одним словом, это была прикидка, а точнее, имитация пролета под проводами.

— Ах, вот оно что — под проводами! — Опираясь о подлокотники кресла, генерал встал. — Скажите, почему вашу голову занимает подобная вздорная мысль?

— И совсем не вздорная, — решил возразить Тимур. — Чкалов же пролетел под мостом!

— Чкалов! — воскликнул генерал и вышел из-за стола. — Чкалов-то пролетел под Троицким мостом — это факт. Но он бы никогда этого не сделал, если бы знал, что взбаламутит таким вот, как вы, головы. — Подойдя почти вплотную к Тимуру, Туржанский, нахмурясь, спросил: — А известно ли вам, что он и под телеграфными проводами потом рискнул пролететь?

— Вот видите! — воодушевился Тимур.

— Рискнул. Но не пролетел. Была тяжелая авария, за что Чкалова тогда и уволили из рядов Красной Армии... Но Чкалов все же был Чкаловым. Самородок! — Туржанский размеренно прошелся по кабинету и вернулся к столу, глянул из-под все еще строго сведенных бровей на юного курсанта с разгоряченным лицом.

Тимур был подавлен сообщением об аварии Чкалова и мгновенно остыл. Туржанский снова шлепнул ладонью по краю стола — моделька самолета заколыхалась на пружинистой проволоке.

— Наряды отбывайте. Поделом. А насчет вашего старшинства в группе пусть решает начальство эскадрильи. Не знаю, сможете ли вы после такого своего коника... с конем требовать дисциплинированности со своих товарищей? — Тимур напряженно молчал. — И запомните, боевое мастерство летчика определяется не подныриванием под

мост или провода.— Энергично махнул рукой в сторону открытого окна.— Там!

В синем небе освещенный солнцем «ястребок», патужно жужжа, выполнял боевой разворот.

...Три шага туда, три обратно. Тимур подходит к столу, берет книгу — сборник воспоминаний о Чкалове, — быстро листает и находит прочитанные ранее строчки: «Чем характерен чкаловский почерк? Наибольшей скоростью при наименьшей высоте полета, предельно чистой отделке молниеносно сменяющихся фигур». А вот и слова самого Чкалова: «Я хочу выжать из машины все, что она может дать, чтобы иметь полную картину ее поведения во всех случаях боевой обстановки, в любых условиях погоды».

Захлопнул книгу.

«Согласен, товарищ генерал, — продолжал мысленно разговаривать с начальником школы, — летное мастерство истребителя выковывается там, в небе. А где проверяется? — Тимур положил ладонь на обложку книги. — И там, куда вы указали, и на низких высотах при наибольшей скорости, чтобы иметь полную картину поведения самолета во всех случаях боевой обстановки...»

Минула неделя. Наряды вне очереди отбыты прилежно — хоть благодарность получай. Не положено. Наказание есть наказание. И оно зафиксировано в персональной карточке взысканий и поощрений, как, впрочем, вскоре и первая благодарность. Что же касается оргвыводов, то по настоятельному ходатайству лейтенанта Коршунова Тимура оставили старшиной летной группы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

День, о котором мечтали курсанты группы Коршунова, выпал на 25 октября. Он был довольно ясным, хотя редкие облака медленно наплывали со стороны гор.

Накануне группу проверил командир отряда Осмаков. Утром же коршуновцы поняли: кому-то сегодня повезет, кого-то выпустят в самостоятельный. Определили это по верной примете: Коршунов, перегоняя самолет на один из дальних аэродромов, на этот раз никого из курсантов с собой не взял, с ним полетел техник Пашков. Всю группу повезли на машине.

Когда подъехали к аэродромной стоянке автотранспорта, то еще издали узнали своего трудягу У-2. Он стоял на предварительном старте, и вокруг него ходили двое. Увидев, что техник Пашков полез в кабину и начал опробовать рули, Олег Баранцевич заметил:

— Второй-то не лейтенант, а механик!

— Где же лейтенант? — шевельнул серыми с утра губами Котомкин-Сгуров и обеспокоенно завертел головой.

— Терпение, терпение, — посоветовал Степан.

Тимур махнул рукой: внимание! Из домика руководителя полетами вышли командир отряда Осмаков и лейтенант Коршунов.

«Вот он где был!» — только теперь понял Тимур и приготовился отдать рапорт, но командир отряда, подходя, опередил его:

— Вольно, вольно. Как самочувствие, настроение? — В глазах командира отряда — веселые огоньки.

— На уровне, — за всех ответил Ярославский.

В это время Коршунов что-то тихо сказал командиру отряда, и тот, машинально одернув свою гимнастерку и поправив пилотку, посмотрел на дорогу. Из-за деревьев, росших у обочины, на поле проворно выскочила машина начальника школы и напрямик устремилась к группе курсантов.

Генерал Туржанский, выслушав доклад командира отряда, поздоровался со всеми и о чем-то посоветовался с Осмаковым и Коршуновым. Потом объявил, что решил проверить каждого курсанта их группы в небе. Одни об-

радованно заулыбались, другие ничем не выдали своего душевного состояния; лишь у Котомкина-Сгурова уши запылали ярче обычного. Тронув себя за тщательно выбритый подбородок, генерал с минуту подумал и заключил:

— Задание простое: взлет, набор высоты четыреста метров, полет — два круга, посадка... С кого начнем?

— Мы, товарищ генерал, начинали всегда со старшины группы, — доложил Коршунов.

— Со старшины, говорите? Что ж, и так верно. Но сегодня, пожалуй, есть смысл начать по алфавиту — самый, на мой взгляд, справедливый подход к делу.

Олег Баранцевич просиял, расправил плечи и, выходя, незаметно толкнул Тимура локтем.

Олег взлетел уверенно, плавно выполнил разворот, точно пошел по прямой. Туржанский не отрывал пристального взгляда от зеркальца. Наблюдая за действиями курсанта, думал: «Хорошо тебя обучил Коршунов, работаешь рулями четко, соразмерно, продуманно. Но не слишком ли самоуверен?.. А ну, проверим реакцию».

Первый круг закончен. Самолет, пройдя над стартом, снова пошел в набор высоты. Генерал резко убрал газ и посмотрел в зеркальце. Лицо Баранцевича, несколько благодушное, обеспокоилось. Он поспешно глянул на приборы, влево, вправо и начал планировать по прямой против ветра.

«Что ж ты, милоч, растерялся? Куда ж тебя несет нелегкая!» — сочувственно думал генерал, все еще надеясь, что курсант поймет свою ошибку.

Баранцевич, потеряв полтора метра высоты, сделал первый разворот в сторону моря, второй... Теперь самолет мчался по ветру. Но высоты оставалось всего полсотни метров, и Олег сделал отчаянную попытку развернуться в третий раз...

«Нет, милоч, так у тебя ничего не получится, не посадишь, как надобно, против ветра — высоты не оста-

лось», — с сожалением подумал генерал и немедленно дал газ, приказывая повторить заход на посадку.

Расстроенный и побледневший, Олег Баранцевич кое-как, с «козлами», посадил самолет. Наблюдая издали, капитан Осмаков скривился, словно на его тщательно начищенные сапоги наступили тяжелым каблуком. У Коршунова заметно дрогнули и застыли на скулах желваки. А генерал, продолжая наблюдать за приунывшим курсантом, мысленно отметил: «Хороший ты и старательный парень, но к самостоятельному полету еще не готов — тряешься».

— Следующий!

Следующим был Котомкин-Сгуров. Он шел, а казалось ему, что топчется на месте, от волнения губы поджаты, глаза заледенели. Однако взлетел нормально, но, как и Олег, не справился с вводной. В зеркальце, как на цветной фотографии, клинообразное лицо курсанта вытянулось, застыло...

«Что ж ты такой ненаблюдательный? Должен бы заметить, как твоему товарищу помешал, да и быть на чеку... Нет, и ты не готов», — уже досадует генерал, помогая курсанту посадить самолет.

Осмаков вопросительно посмотрел на Коршунова. Лейтенант пожал угловатым плечом:

— Непонятно: я же не раз с ними имитировал отказ мотора. Возможно, психологический момент. Как-никак, а генерала впервые катают.

— А хотя бы и маршала! Нет, лейтенант, это не психологический, а прискорбный момент. Поспешили доложить, что группа готова.

— Нет, не поспешили. Не все сорвутся, я уверен, — возразил Коршунов.

— Посмотрим, посмотрим, — ворчливо промолвил капитан, не отрывая взгляда от начавшего разбег самолета.

Третьим был Степан Микоян. Он взлетел уверенно и, сделав первый разворот, пошел к морю.

«Неплохо,— констатировал генерал.— Но помнит ли он, что при сильном ветре нельзя уходить далеко в море?»

Степан будто подслушал мысли начальника школы и, пройдя вдоль берега, сделал второй разворот.

Туржанский повеселел: «Вот это похоже на расчет и умение... А ну, как ты справишься с моей задачей?» — и, как и в первых двух случаях, убрал газ.

Лицо Степана не изменилось — спокойное, сосредоточенное. Решение принял мгновенно: с креном в сорок градусов развернул машину под прямым углом к берегу и на высоте пятидесяти метров еще раз развернулся против ветра, пошел параллельно старту.

«Молодец... А как посадишь?»

Самолет плавно коснулся земли и резво побежал, но тут у генерала мелькнула мысль проверить курсанта еще раз.

— Взлетайте! — внезапно скомандовал он.

Степан словно ждал этого: не мешкая, дал газ, и послушный У-2 взмыл над землей.

Туржанский был неумолим: на стометровой высоте снова убрал газ. И на этот раз Степан среагировал мгновенно. Он знал, что при такой небольшой высоте летчик обязан садиться, пытаясь, если позволит обстановка, сделать небольшой доворот,— так он и поступил. А генералу, казалось, и этого мало: когда самолет должен был коснуться земли, он дал газ. Степан вновь услышал:

— Взлетайте!

«Это мы можем!» — торжествует молча Степан и в третий раз уверенно тянет ручку на себя.

Теперь генерал спокоен и дает курсанту свободно выполнить основную задачу: полет по кругу, расчет и посадка. Туржанскому тут же хочется сказать Степану: «Молодец», но он воздерживается — хвалить еще рано.

Споткнулись на генеральских помехах и вводных еще трое. Последними в списке остались томившиеся в ожидании Тимур Фрунзе и Владимир Ярославский.

«Ну-с, а каков ты будешь в воздухе, аэродромный кавалерист?»

Тимур осмотрелся и попросил разрешения на взлет. Разрешение получено.

«Действует без суеты, спокойно», — с удовлетворением отметил генерал и поймал себя на мысли, что ему хочется, чтобы этот курсант не только выполнил все условия полета, но и решил дополнительные задачи. Потом опасливо подумал: «Неужто отстанешь от своего дружка?» Опасения оказались напрасными. Оторвавшись от земли, Тимур повел самолет с завидной уверенностью.

«Неплохое начало, — мысленно отметил генерал. — Посмотрим, каков ты в особых случаях». И на высоте за сто метров, когда самолет с крутым креном пошел на разворот, он убрал газ. «Интересуюсь, поклонник чкаловских трюков, что ты сейчас предпримешь?»

Не убирая крена, Тимур отжал ручку управления от себя и создал наивыгоднейший угол планирования: держа запас скорости, он уверенно продолжал разворот.

«Скажи пожалуйста! — мысленно одобрил генерал, наблюдая за курсантом в зеркальце. — Ну а дальше что?»

А дальше Тимур, развернувшись по ветру, еще некоторое время планировал, а потом быстро бросил взгляд в одну, в другую сторону и с прежним креном смело развернулся еще на сто восемьдесят градусов. Когда до земли оставалось метров двадцать, он точно вышел на прямую и совершил посадку на три точки.

— Взлетайте!

Полный газ — и У-2 в воздухе. Туржанский как-то блаженно откинулся на спинку сиденья и больше уже не вмешивался в действия курсанта.

Самолет энергично летит по кругу, а начальник школы уже подводит первые итоги: «Остался еще один курсант, аэроклубовец, значит, покажет себя не хуже Микояна и Фрунзе. На сегодня двоих, а то и троих выпустить в самостоятельный полет — для группы не так уж

дурно». Размышляя так, генерал не ослаблял внимания, самолет плавно снизился и совершил посадку.

— Хорошо,— сказал он тоном, когда под «хорошо» можно разуместь все что угодно, но не оценку.— Вылезайте.

Но Тимур чувствовал, что пилотирование прошло удачно, и поспешно оставил кабину. У самолета уже стоял Ярославский и показывал ему большой палец...

И вот контрольные полеты завершены. Все направляются в квадрат, выжидательно поглядывают на генерала. Олег Баранцевич и другие неудачники прячут глаза — кто досадливо мусолит в губах сухую травинку, кто мнет в пальцах папиросу, ожидая разрешения курить.

Но разрешения курить не последовало. Генерал был предельно краток, и разбор полетов свелся всего лишь к нескольким фразам:

— Как говорится, результат налицо: больше половины курсантов к самостоятельному вылету не готовы. Кто именно, думаю, говорить не стоит. Вижу, командир отряда и инструктор уже сделали в свои памятные книжечки нужные пометки... Верю, многие из вас скажут, что с инструктором получалось нормально, а вот с вами, мол, вышла заминка. Запомните: летчик, тем более военный летчик, а к тому же еще и летчик-истребитель, никогда, ни при каких обстоятельствах не должен теряться. Потеряется — потеряет свою жизнь.— Туржанский помолчал, нагнулся, сорвал зеленую травинку и, размяв ее в пальцах, понюхал и улыбнулся: — Летом пахнет. Значит, время еще есть, носы не вешать, а наращивать мастерство. На сегодня же мое решение таково: допустить к самостоятельным полетам курсантов Микояна, Фрунзе и Ярославского.

Ярославский, широко улыбаясь, покровительственно похлопал по спине приунывшего Баранцевича, ободряюще подмигнул остальным неудачникам.

Туржанский тут же приказал:

— Механик! Берите мою машину и доставьте на предварительный старт «Ивана Ивановича Пескова». Да красные вымпелы не забудьте установить!

«Иван Иванович Песков» — обыкновенный мешок с песком. Его незамедлительно привезли, и механик со знанием дела приторочил балласт ремнями к заднему сиденью. А потом к плоскостям прицелил алые лоскутки: совершается первый самостоятельный полет — дорогу новорожденному летчику!

Туржанский оглядел небо — ослепительная осенняя синь! Он удовлетворенно кивнул и сказал командиру отряда:

— Начинайте...

Первым вылетел Степан Микоян. Тимур, провожая взглядом уходящий в безоблачную вышину самолет, восторженно думал: «А он там один! Свершилось, Степка, свершилось!»

Сделав два круга, Степан Микоян завершил первый самостоятельный полет безупречной посадкой.

Тимур бежит к ограничительным флажкам и, первым стиснув руку товарищу, сноровисто занимает его место. А Степан, с трудом сдерживая рвущуюся наружу улыбку, рубит шаг, подходит к начальнику школы:

— Товарищ генерал, курсант Микоян выполнил первый самостоятельный полет на самолете У-2. Какие будут замечания?

Туржанский, поздравив его, оценил полет и посадку высшим баллом — «отлично».

Тем временем Тимур придирчиво осмотрел приборы, тронул ручку управления — элероны послушно шевельнулись, поводит секторами, взялся за шланг переговорного устройства, но тут же оставил его в покое: «Не с Иваном же Ивановичем Песковым говорить! Он малый покладистый, будет сидеть смирно». И, доложив о готовности, стал ждать разрешения на взлет.

Туржанский вспомнил мастерски выполненные Тимуром развороты, но все же напутственно предупредил:

— Во всех случаях крен не более тридцати градусов. Понятно?

— Слушаюсь! — спокойно ответил Тимур.

Дано разрешение на взлет, и Туржанский случайно остановил взгляд на лице Коршунова — застыл каждый мускул. Генерал понимает душевное состояние инструктора и тепло думает о лейтенанте: «Беспокоишься? Что ж, хорошее беспокойство. Наверно, так же волнуются отец и мать при первых шагах своего ребенка... Но тебе, лейтенант, волноваться сегодня нечего — Тимур совершит свой первый самостоятельный как надо. Ручаюсь».

Получив разрешение, Тимур мысленно твердил себе: «Спокойно, Тимка, вот он, долгожданный час, о котором ты мечтал... Сам!» Вырулив на линию исполнительного старта, поднял руку. Острый взор, казалось, насквозь пробил прозрачный козырек и впился в синюю фигурку стартера. Тот махнул флажком: путь свободен, взлет разрешен. Сердце учащенно забилося, но руки тверды, действуют уверенно, споро.

Мотор, взвихрив небольшое облачко пыли, заработал гулко и ровно. Алые лоскутки на плоскостях крылато затрепетали. Самолет быстро набрал скорость и оторвался от земли.

Сделав первый разворот, Тимур наметил ориентир.

«Все в порядке — скорость... высота... направление...» И душевное ликование свершившегося: «Сам... без инструктора!»

Обозревая пространство с зеленовато-бурой цепью гор, выпуклой по горизонту ширью моря, необъятным размахом синего неба, Тимур не выдержал и запел:

Орленок, орленок, взлети выше солнца...

В тот же день на вечерней поверке командир отряда перед строем курсантов зачитал приказ по авиашколе:

— «За отличный самостоятельный вылет на самолете У-2 курсантам второй эскадрильи Микояну Степану, Фрунзе Тимуру и Ярославскому Владимиру объявляю благодарность... Начальник школы генерал-майор авиации Туржанский».

Отряд замер. И строенный, накаленный взволнованностью возглас разорвал тишину:

— Служим... Советскому... Союзу!..

2

1940-й на исходе.

К осени все курсанты группы Коршунова летали самостоятельно. А осень выдалась ясная, прозрачная, но теплых дней становилось все меньше и меньше. И в вышине заметно похолодало. Теперь без теплых курток и ватных брюк не поднимались — ветер захлестывал через невысокий прозрачный козырек, обжигал леденящим вихрем щеки.

В один из очередных тренировочных полетов Тимур сидел в передней кабине и, набирая высоту, вел самолет по намеченному маршруту. Посматривая вниз, он следил за ориентиром, чтобы не проскочить свою зону, над которой предстоит отрабатывать пилотирование. На своем небольшом опыте он познал, что вираж — одна из самых трудных фигур — требует ювелирной координации, точного выдерживания скорости и высоты, равномерности разворота. Поэтому виражам и отводится на тренировке большая часть времени. Затем надо подшлифовать перевороты, петли, спирали, но это уже легче...

А вот и центр зоны — перекресток дорог. Выходить за пределы перекрестка нельзя — поблизости может оказаться самолет из соседней зоны. Сделав несколько четких виражей, Тимур выполнил серию переворотов. Хотел уже перейти к петлям, как взгляд остановился на чернильно-

темном облаке, что быстро наползало с моря, у мыса Лукулла.

— Нимбус... чтоб тебя проиесла нелегкая! — проворчал Тимур, оценивая возможности пребывания в зоне по времени. — Нет, не пронесет... Вот-вот хлынет как из ведра!

Развернул самолет и пошел обратным курсом.

На аэродроме уже суетились техники и механики — загоняли в ангары самолеты, а которым не хватало места под крышей, прочно закрепляли на стоянках, накрывали чехлами.

Дождь хлынул сразу же, как только Тимур приземлился. Тяжелые, как пули, капли застучали по перкалевой обшивке. Тимур торопливо выскочил из кабины и крикнул уже бежавшим к нему курсантам:

— Ребята, поднажмем, пока не раскисло! — и первый налег плечом на ребро плоскости.

У-2 покатали к ангару, а к ногам уже липла буроватая чавкающая грязь. Коршунов стоял под навесом и злился:

— Прошляпили наши метеорологи: объявили — я-я-ясно! — Последнее слово он произнес тоненьким девичьим голоском, определенно кого-то передразнивая.

Подоспел механик и, вытирая пилоткой мокрое лицо, радостно улыбнулся:

— Хлонцы, наступил длительный передых — дня на три зарядил, не меньше! Теперь позагораем...

— Великолепно: загар... под сплошным водонадом! — скривил губы Котомкин-Сгуров.

— Только-только начала получаться красивая петля и — передых? Не выйдет! Денек польет, и снова — да здравствует солнце! — убежденно заявил Олег Баранцевич.

— Денек? — усмехнулся бывалый сержант-механик. — А шесть деньков не хотите? Надо знать норы здешних ливней.

Старый аэродромный волк оказался прав. Дождь лил и на следующий день, не утихомирился и на третий. А когда прекратился, о полетах нечего было и думать — взлетное поле раскисло.

В дни ненастной погоды больше времени отводилось на теоретические занятия и самоподготовку. Личное время проводили в казармах, в такие часы в ленкомнатах не найти свободного места — кто пишет письма, кто читает, кто сражается в шахматы...

В третий нелетный день во второй эскадрилье личное время завершалось музыкой и песней. Началось с того, что Олег Баранцевич выпросил в клубе патефон и одну пластинку.

— Кончай шуршать подшивками газет, закругляйте конспекты на родину, гроссмейстеры, соглашайтесь на ничью — музыка! К тому же танцевальная — «Брызги шампанского»!

Завертелся черный диск и с легким подвыванием зазвучало танго.

— Сгурыч, прошу! — расправил плечи Олег.

Котомкин-Сгуров не отказался, спрятав под тетрадь свою фотографию в летной фуражке с только что начатой строкой: «На добрую память...», с серьезным видом подошел к Баранцевичу.

— Что ж, могу показать несколько классических па.

— О, Сгурич! Я всю жизнь мечтал о танцевальной классике!

Тимур, оторвавшись от книги, сначала заинтересованно наблюдал за вертким Котомкиным-Сгуровым, который воедил и кружил Олега с картинными выпадами, а потом наскучило: танго, казалось, будет звучать бесконечно — то и дело перебрасывали иголку на начало пластинки. Вздроптали шахматисты:

— Да хватит вам накручивать одно и то же!

Тимур вышел и вскоре вернулся. В руках у него чер-

ным лаком отсвечивала новенькая пластинка. Олег про-
сыял:

— Еще одна! Танго, фокстрот? Давай ее сюда.

Диск, поигрывая бликами, завертелся, и голос певца
оборвал посторонние звуки:

Орленок, орленок, взлети выше солнца
И степи с высот огляди...

Шахматисты, прервав игру, отвлеклись от своих пар-
тий. Притихли и остальные. Дослушали до конца, и кто-
то из курсантов сказал:

— Братва, а ведь эта песня как бы и про нас!

— Эта песня про смелую и храбрую юность, — заметил
Котомкин-Сгуров несколько патетично.

— А что такое смелость и храбрость? — испытующе
посмотрел на него Владимир Ярославский.

— Элементарно: отважное и решительное поведение
человека.

— А и верно, ребята! — подхватил Олег. — Возьмем
для примера поведение нашего Сгурича в воздухе — ну
не стреляй в меня таким убийственным взглядом! Как я
подметил, он побаивается майора Сидорова, но на конт-
рольных провозных с ним отчаянно закладывал глубочай-
шие виражи. Разве это не смелость, разве не безумная
храбрость?!

Засмеялись. Котомкин-Сгуров неопределенно покачал
головой. А Ярославский ораторски вскинул руку:

— А что, я бы сказал, в храбрости есть что-то и от
хорошего безумства.

Из дальнего угла донесся ворчливый голос Рыжова:

— А я бы так не сказал... Надо же такое завернуть —
хорошее безумство!

Ярославский подался к нему всем корпусом:

— А вспомни Горького: «Безумству храбрых поем мы
славу! Безумство храбрых — вот мудрость жизни!» Это и
есть хорошее безумство!

«Любит Володька блеснуть эрудицией не только на политподготовке, но и в простой беседе с товарищами, — невольно улыбнулся Тимур и увидел за дальним столом, где разложены подшивки газет, командира эскадрильи. — И когда он вошел?»

А майор Коробко только делал вид, что читает; сам же с интересом прислушивался и думал, поглядывая поверх развернутой газеты на курсантов из группы Коршунова и других: «Странное дело, хлопцы как хлопцы — почти не отличишь друг от друга, и все же коршуновцев что-то заметно выделяет из общей среды. Вот и сегодня сумели затеять нужный разговор. А то иные в свободное время только и переливают из пустого в порожнее... А эти — о смелости и храбрости. Толковые ребята».

Олег тоже разглядел комэска и неожиданно для всех спросил:

— Товарищ майор, разрешите обратиться?.. Вы все слышали. Кто же из нас прав?

В ленкомнате наступила тишина. Лишь мелкий дождь постукивал в оконные стекла. Коробко медленно свернул газету, встал и ближе подошел к тесной кучке курсантов.

— О смелости и храбрости? Думаю, курсант Ярославский очень все толково объяснил, — начал он негромко, словно прислушиваясь к собственному голосу. — Скажу лучше о другом. Только что от начальника школы я. Поставлена задача: недавние новички, то есть вы, должны в ближайшее время, а точнее, еще в этом году полностью выполнить программу по освоению техники пилотирования самолета У-2, чтобы после нового года сразу же приступить к изучению более сложной машины — УТ-2. А это, как понимаете, уже ближайшие подступы к основному боевому самолету — истребителю И-16. — Смешливо пощурил глаза. — А этот истребитель не на словах, а на деле потребует от всех вас и смелости и храбрости.

Оживились, радостно загалдели. Коробко же посмотрел на закрытый патефон.

— У вас тут песня хорошая звучала — шел мимо, заглянул, но опоздал.

— А мы ее еще прокрутим! — вскочил Олег. — Степан, открывай музыкальную шкатулку. Тимур, поддержи «Брызги» и давай твоего «Орленка»!

Задумчивая песня снова заполнила ленкомнату, пробиваясь сквозь приоткрытую дверь, в которую уже тихо входили другие курсанты эскадрильи...

3

И все же небо Качи почти всегда безоблачно. Даже зимой, когда полеты предельно ограничены, выпадают исключительно ясные дни. Вот почему почти во все времена года именно в Качу тянутся с авиационных заводов конструкторы с летчиками-испытателями экзаменовать новые модели боевых самолетов.

В школе давно уже поговаривали о новом сверхскоростном истребителе — «миге», и курсанты, зная, что один из конструкторов этого самолета Артем Иванович Микоян — родной дядя Степана, нередко выспрашивали у него: скоро ли «миг» пригонят на Качу и покажут им это новое чудо авиационной техники? Степан скромно отмалчивался, пожимая плечами: откуда, мол, мне знать... Но однажды поздним вечером, перед отбоем, он загадочно поманил Тимура пальцем:

— Выйдем.

— Только ж с вечерней прогулки вернулись!

— Не хочешь — пожалеешь, — сказал Степан и направился к выходу.

Степан попусту ничего не предлагал — это Тимур знал и, набросив шинель, вышел следом.

Над авиагородком помигивали звезды. Они были такие крупные и близкие, что хотелось дотянуться и потрогать небесный ковш за ручку.

— Ночка какова, а? Как на Кавказе!

По темному небу, возникнув где-то в Севастополе, медленно прополз серебристый луч прожектора.

— За этим и звал?

— Нет. Завтра утром, до подъема, я приглашаю тебя на главный аэродром...

Тимур повел плечами, поудобнее натянул шинель и подумал: «А он таки не зря вызвал, что-то такое намечается важное, но тянет, интригует... Ну-ну, Степка, давай, поговори еще и о звездах, я терпеливый, подожду».

— Точная информация: завтра ни свет ни заря к нам на Качу пригоняют «миг». Правда, по-настоящему испытывать его будут позже, но завтра же на нем кое-кто полетает. И знаешь кто?

— Да не тяни же!

— Супрун! Он приехал в Крым на встречу со своими избирателями как кандидат в депутаты Верховного Совета. Пойдешь?

— Спрашиваешь...

...Только что солнце выглянуло из-за дальних гор и сизоватый ковыль заиграл пунцовыми тонами, а на главном школьном аэродроме — задолго до подъема — уже собрались командиры, инструкторы, техники; прибежали сюда и Тимур со Степаном. Всем было любопытно взглянуть на новую машину, как уже о ней поговаривали, почти из области фантастики. Кто-то из присутствующих шутя заметил, что даже в названии самолета есть что-то от скорости:

— Взлетит, миг — и скрылся из поля зрения!

Тимур и Степан прислушивались к говорку летчиков, поглядывая то в небо, то на Супруна. Он заметил их и подозвал к себе.

— Не терпится? — Взглянул на ручные часы: — Уже скоро.

Вокруг него теснились школьное начальство и незнакомые штатские люди. Один из них вдруг вскинул руку: «Летит!»

В густой синеве отчетливо вырисовывалась серебристая стрелка, потрясая качинское небо каким-то необычно могучим раскатом протяжного грома.

Сделав несколько кругов над аэродромом, самолет устремился на посадочный знак, снижаясь, заметно сбавил скорость, точно коснулся земли у белого полотнища и плавно-плавно покотил к ограничительным флажкам — изящный, предельно обтекаемый, горящий в лучах утреннего солнца. Тимур восхищенно прошептал:

— Степка, вот это действительно, как ты любишь говорить, сила!

— Сила! — согласился тот, влюбленно поглядывая на детище Артема Ивановича.

— Признайся, — продолжал шептать Тимур, — ты как-то мне говорил, что будешь потом учиться на авиаконструктора. Дядя посоветовал?

— Нет. Просто я сам так решил. И летать буду и конструировать.

«А ведь это же здорово — чтоб летать и конструировать вот такие же быстролеты!» — думал Тимур.

Привел и посадил новую машину заводской летчик-испытатель. Супрун, прищурился одним глазом, оценивающе кивнул: нормально, мол. И неожиданно повернулся к курсантам:

— Как, ребята, скоро пересядете на такую машину?

Тимур глянул на Степана и не без задора ответил:

— А мы хоть сейчас, только позвольте сесть и в приборах разобраться.

Окружившие их засмеялись.

— О-о! — протянул Супрун и стал серьезен. — А на каком самолете вы уже летаете?

— Самостоятельно летаем, — уклончиво ответил Тимур.

— Только-только закончили программу на У-2, — признался Степан.

— Так. Значит, рулежку еще не проходили. Запомни-

те, ребятаки, чтобы удержать этого быстроходного красавца от разворота на разбеге, надо умеючи работать ногами. Умеючи!

— Научимся! — поддержал Тимура Степан.

Супрун снял фуражку и принял от подошедшего техника шлем.

— Узнаю орлят Качи! — тепло улыбнулся он. — Не теряются. То, что у вас есть такая уверенность, — это хорошо. Даже замечательно. — И стал застегивать шлем. Быстро справившись с этим попутным делом, подмигнул курсантам совсем по-мальчишески и пошел к «мигу».

Издали все видели, как Супрун залез на крыло, сел в кабину и задернул над собой весь в солнечных бликах фонарь.

В тот день над Качей долго не стихал самый протяжный гром. Гром в ноябре...

А в конце декабря отличившихся курсантов поощрили краткосрочным отпуском с поездкой домой. И снова Тимур трясся на верхней полке, только теперь окно было прочно закрыто, и, чем дальше поезд убегал на север, тем чаще оконное стекло меняло свой вид — сначала было прозрачным, как крымское утро, потом скучновато подзадуманилось, а на подступах к Москве затянулось узорчатым ледком.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Новый год встречали у Ярославских. Но вскоре после полуночных тостов Тимура потянуло на улицу и он хитровато шепнул Вере:

— Убежим?

Легкий застольный хмель сразу же выветрился, как только вышли на морозец. Несмотря на третий час ночи,

окна домов светились праздничными огнями. Реденький снежок падал тихо, невесомо и, залетая в полосы света, мигал цветными искорками.

Не заметили, как оказались у подъезда 57-й школы, и новогодняя Москва повела их по «большому кольцу» давнего маршрута. Минуя старенькую церквушку, спустились вниз к оледенелой набережной...

— Ты часто думаешь о своем папе? — осторожно спросила она. Тимур долго не отвечал. Вера сжала его руку: — Если тебе трудно говорить об этом, не надо.

— Нет, почему ж... Просто «часто» не то слово. Он всегда со мной... Даже сейчас.

И долго потом шли молча, слыша свои неспешные, легкие шаги, чувствуя теплоту крепко стиснутых — ладонь в ладонь — рук. А когда они вновь подошли к дому, где встретили новый, сорок первый год, Тимур как-то особенно подтянулся, вздохнул.

Вера затихла. Ей будто кто-то подсказал, что именно сейчас должны прозвучать какие-то особенные, значительные слова.

— Вера, — сказал он, — помнишь прошлогоднее лето... после вечеринки у Гербина? — Она кивнула. — А спрашивал тебя о чем, помнишь?

— Помню, Тим, — почти шепотом промолвила она. — Ты спросил: буду ли я ждать?.. Я каждый день ждала — тебя и твоих писем.

— Когда я сегодня заглянул вперед, в конец лета, и представил нашу встречу, то ясно услышал свой голос. Кроме обычных слов, принятых говорить при встрече, я скажу тебе еще и такие слова: Вера, ты согласна, чтобы мы с тобой всю жизнь были рядом? А может, по-другому скажу, короче и определеннее...

Бурный наплыв радости опалил ей и без того подрумяненные морозцем щеки. Хотела немедленно, хотя бы двумя-тремя словами, ответить (нельзя же в такую минуту отмалчиваться!), но горло перехватило что-то горячее,

и она испугалась: «Только этого и недоставало — разреветься». И, не владея больше собой, торопливо отступила к дверям подъезда. Но Тимур не дал ей убежать. Он вовремя схватил ее за локти, привлек к себе и осторожными губами коснулся сначала пылающих щек, а потом встретил подрагивающие, все еще хранившие привкус недавней карамельки губы...

В январе последние дни отпуска замелькали особенно быстро. И дома, делясь впечатлениями дня, он теперь все чаще и чаще приговаривал «мы с Верой» или «нам с Верой»: «Сегодня смотрели забавную пьеску, и мы с Верой от души смеялись...», «После вечеринки у Степана нам с Верой захотелось покататься на коньках, и мы всю компанию потянули на каток...».

Екатерина Давыдовна, слушая Тимура, грустновато улыбалась и, если присутствовала Таня, многозначительно переглядывалась с ней: «Слышишь? Теперь он говорит не мы с Юрой... или слевой, а совсем иначе... Твой брат, Танюша, влюбился...»

В один из последних отпускных вечеров Ворошилов долго засиделся с Тимуром в своем кабинете. Уведомленный об увлечении воспитанника, он не смутил его неосторожным вопросом. Он спрашивал о другом. Маршала интересовало все, что касалось системы обучения летному мастерству будущих пилотов-истребителей. Тимур понимал, что Климент Ефремович мог бы с большим успехом обо всем этом переговорить в ином месте с действительно опытными качинцами, но опекуна интересовало именно его, курсанта, мнение об истребительной авиации. Другими словами, нарком обороны хотел знать, как относятся к быстролетным машинам молодые люди — те, кому в будущем предстоит не только летать на них, но и, досконально овладев ими, побеждать на земле и в воздухе сильного врага.

Вооружившись очками, Климент Ефремович развернул «Красную звезду».

— На днях опубликован, — щелкнул ногтем по странице, — интересный материал.

— «Самолетостроение за рубежом», — выхватил жирную строчку заголовка статьи Тимур.

— Не читал?

— Нет, этот номер «Звездочки» не видел... Я больше сводками военных действий интересуюсь. Читал, например, сообщение из Лондона, как сразу же после нового года английская авиация совершила налет на Берлин и в столице Германии возникли большие пожары. И далее — дословно помню — такое сообщение: «Все английские самолеты, участвовавшие в этом налете, благополучно возвратились на свои базы». Просто не верится! Где ж была германская истребительная авиация? Или она...

Ворошилов предупредительно поводит из стороны в сторону пальцем:

— Не спеши с выводами. Немецкие истребители не дремлют. Послушай, о чем пишет автор этой статьи: «Как показал опыт применения авиации в современной войне, важнейшими качествами боевого самолета являются: скорость, дальность, вооружение, маневренность, высота полета и живучесть... Более или менее установленной схемой самолета оказался моноплан с облагороженной динамической формой фюзеляжа и контуров кабины пилота, с убирающимися в полете шасси и колесом костыля, с радиаторами, дающими весьма малое сопротивление, и реактивными выхлопными патрубками и винтами изменяемого в полете шага... Комплексное использование всех этих усовершенствований и улучшений на сухопутном самолете «Хейнкель-112» позволило в марте 1939 года достигнуть скорости полета 746 км в час, а через месяц на другом сухопутном самолете «Мессершмитт 109-Р» с мотором мощностью 2000—2200 л. с. был поставлен новый рекорд скорости 755,2 км в час». — Ворошилов снял очки и положил их на газету. — «Мессершмитт» — вот он самый ве-

роятный соперник наших «ястребков». Семьсот пятьдесят пять километров в час! Уму непостижимо!

— Догоним! А о новом «миге» и говорить нечего. Если б вы видели, Климент Ефремович, какой на нем сложнейший пилотаж выполнял Супрун!

Ворошилов пригасил пробившуюся было улыбку: кому-кому, а ему не раз и не два приходилось видеть в воздухе и знаменитого Супруна, и других не менее знаменитых мастеров воздушного боя. Но в их ли только мастерстве дело?..

— Твоими б устами да мед пить! Впрочем... к сожалению, не всегда желаемое бывает действительным, — задумчиво промолвил Климент Ефремович, вспоминая, как в испанских воздушных боях наш верткий «ястребок», уступая «мессершмитту» в скорости, все же дотягивался до него — маневренность выручала. Что же касается «мига», а в равной мере и «яка», о котором Тимур еще и не подозревает, то вся надежда на них...

Тимур пытливо смотрел в озабоченное лицо Климента Ефремовича, ожидая пояснения последних слов, но Ворошилов, отложив карандаш, которым отчеркнул цитату, снова зашуршал газетой:

— Советую следить за всеми статьями об авиации, особенно истребительной. Без повседневной информации о состоянии авиационных дел в армиях мира нельзя считать себя всесторонне подготовленным к встрече с воздушным врагом... — И повторил вслух то, о чем только что подумал: — И новых встреч с ними не избежать...

Краткосрочный отпуск окончился, и на следующий день Тимур и Степан, как в прошлом году, вдвоем уехали в Крым.

2

Качинская зима капризна, как старая дева, — то занудливо злится, то слезы льет ручьем. Ни дня солнечной улыбки. Особенно январь неприятен — промозглые ветры,

холодные дожди с мокрым снегом превращают семь аэродромов школы с твердой, с виду почти каменистой, почвой в топкое месиво. На весь месяц полеты закрывались, и курсанты налегали на теорию, попутно готовя технику к весне.

Именно в этот период январских ветров и дождей группе Коршунова взамен У-2 выделили очередной программный самолет — «уточку», как здесь любовно называли моноплан УТ-2. Техник и механик, казалось, до последней клепочки выверили и вылизали его и доложили инструктору, что самолет готов к полетам.

К этому времени вернулись отпускники. Одними из первых приехали Тимур и Степан. Выпрыгнув из автобуса на сырую гальку, они даже притопнули от радости, а Тимур широко развел плечи, всей грудью вдохнул влажный воздух и подумал вслух:

— Соскучился... Здравствуй, Кача!

Сзади басовитым эхом отозвалось:

— Здр-р-ра... Тимур Фрунзе и Степан Микоян!

— О, Семен Рыжов! — тоже назвал по имени и фамилии старшину смежной группы Тимур. — Давно вернулся?

— Вчера. Вот хожу как пришибленный.

— Чего так? — поинтересовался Степан.

— Чего? Скоро сами узнаете.

— А все-таки?

— Новость: нашим отрядом теперь командует другой капитан.

— Как другой? — в один голос спросили друзья.

— Капитан Голубев.

Тимур вспомнил: Голубев — плечистый, низкорослый летчик — славится в школе крутым характером, курсанты его побаивались.

— А инструктора? — обеспокоился Степан.

— Вашего оставили, однако держитесь — даст вам этот Голубев прикурить, — пострашал Рыжов.

Тимур развеселился:

— А мы некурящие! К тому же Голубев нашей группе не страшен: у нас есть свой Коршунов!

— Еще закурите! А ваш лейтенант Коршунов будет стоять перед капитаном Голубевым по стойке «смирно», как штык. Да и вы тоже.

На том и расстались. А вскоре пришлось задуматься над словами Рыжова: как в воду глядел он. В первое же учебное утро, когда Тимур в казарме построил свою группу на физзарядку, неизвестно откуда вывернулся новый командир отряда капитан Голубев.

— Группа, смирно! Товарищ... — начал рапортовать Тимур.

— Отставить! — оборвал его Голубев. — Вы кто?

— Старшина летной группы курсант Фрунзе!

— Почему не по форме одеты?

Тимур почувствовал, как лицо запылало. Он действительно сейчас отличался от своих товарищей: все в байковых нательных рубашках, заправленных в брюки, а он в светло-голубом спортивном свитере (привез из Москвы, подарок Екатерины Давыдовны). Мгновенно преодолев смущение, старательно подтянулся:

— Виноват, товарищ капитан. Разрешите переодеться?

— Полминуты сроку! — отмерил неумолимый капитан и кинул на свою широкую ладонь плоские часы.

Тимур побежал в спальную комнату с резвостью рекордсмена-спринтера, невесело думая: «А Семен прав — с таким закуришь!».

Но вскоре все вошло в привычную колею, и новый командир отряда не казался уже таким чрезмерно суровым и придирчивым, как в первый день. И когда из Москвы пришло письмо от Климента Ефремовича, спрашивавшего Тимура о ходе учебы, самочувствии и настроении, незамедлительно ответил:

«... Вы спрашиваете меня о настроении? На это могу ответить твердо: настроение превосходное, ибо с каждым

днем становлюсь все более уверен, что с моей профессией не сравнится ни одна другая военная профессия»...

В феврале погода начала налаживаться, и учебная часть приступила к планированию тренировочных полетов, а во второй половине марта, когда поле основательно подсохло, аэродромная жизнь вошла в обычную трудовую колею — систематические полеты возобновились.

Поначалу на занятиях в группе Коршунова неизменно присутствовал командир отряда Голубев и не уставал напоминать:

— УТ-2, как никакой иной учебно-тренировочный самолет, имеет почти все летные качества боевого истребителя. Его и поднять и посадить значительно сложнее, нежели У-2: нужен точнейший расчет, а то запросто поломаешь машину. Лейтенант Коршунов, никаких поблажек!

Коршунов и в самом деле вытягивался перед невысоким Голубевым, как штык, отдавал честь и говорил: «Слушаюсь!» Подтягивались и курсанты.

Тимур со всеми наравне увлеченно отработывал программные упражнения на «уточке», восхищался ее чуткостью к малейшему движению руки и ног: ручка управления и рули, казалось, только и ждали прикосновения — тут не зевай, действуй мягко, расчетливо. А при посадках — почему-то только при посадках — почти всегда вспоминалось строгое наставление командира отряда, и Тимур всегда стремился быть предельно внимательным. Однако не всегда это удавалось.

Вернувшись на десятом вывозном из зоны, Тимур, как это предписывалось, вышел на крыло и стал у кабины инструктора:

— Курсант Фрунзе полет в зону закончил. Какие будут замечания?

Коршунов к этому времени близко узнал каждого курсанта и зачастую обращался к своим питомцам на «ты».

— Взлет — в пределах нормы, выдерживание тоже провел нормально, виражи в зоне — удовлетворитель-

по... — Лицо Тимура напряжено, при слове «удовлетворительно» слегка порозовело. — И посадка не твоя, — продолжал инструктор. — На У-2 ты обычно садился на три точки, а сейчас малость «закозлил».

— Не почувствовал, — еще гуще заливаясь краской, сказал Тимур.

— Не почувствовал? Тогда совсем плохо. Я почувствовал.

Тимур слушал и думал: «Это он выполняет наказ нашего Голубка — никаких поблажек! Ну что ж, товарищ лейтенант...» И вслух:

— Все понял, учту.

У крыла стоит встречающий Ярославский — его очередь. Но инструктор командует:

— Курсант Фрунзе, в кабину.

— Есть! — И Тимур снова в задней кабине.

— Взлетайте!

— Есть... От винта!

— Есть, от винта! — доносится недовольный голос Ярославского.

И «уточка» опять в воздухе...

В конце марта, в самый разгар качинской весны, в группе Коршунова появился майор Сидоров. Завидев его, Котомкин-Сгуров даже плечами передернул.

— Ты чего? — спросил Олег Баранцевич.

— Не видишь, что ли? Катать майора сегодня будем, а завтра...

— А ты прав, Сгурич, завтра — самостоятельные! Примета верная, коль выдвигается к нам сам помощник генерала по летной части!

В воздухе Сидоров больше молчал, чем говорил, лишь изредка бросал некоторым: «Не увлекаться!», «Крен убавить!», да кой-кому убирал газ.

... Самостоятельно на УТ-2 Тимур вылетел на следующее утро после контрольной проверки.

Первого апреля Коршунов после полетов объявил:

— Сегодня подраим нашу «уточку» тщательнее обычного — прощаемся с ней...

И опять накануне нового учебного дня в казарме появился командир отряда капитан Голубев, строго оглядел каждого курсанта, попробовал, туго ли затянут ремень на гимнастёрке Котомкина-Сгурова, и чеканным голосом, как и в прошлый раз, внушительно напомнил:

— УТИ-4 — тот же боевой истребитель И-16, только с двумя кабинами и спаренным управлением. На этой машине работать значительно сложнее, чем на «уточке». Здесь навыка уже мало — нужно искусство! На ней без искусства грамотно не взлетишь, и ее грамотно не посадишь. Будешь малограмотным в этом деле — запросто сломаешь самолет... — И, помолчав, жестко добавил: — Лейтенант Коршунов, никаких поблажек, каждый должен отработать рулежку до предельной четкости!

Коршунов, как и тогда, стоял перед невысоким Голубевым по стойке «смирно» и говорил: «Слушаюсь!» Котомкин-Сгуров тем временем, подобрав и без того впалый живот, пытался затянуть ремень на последнюю дырку.

А Тимуру вспомнились слова Супруна: «Значит, рулежку еще не проходили. Запомните, ребятки, чтобы удерживать этого быстроходного красавца от разворота на разбеге, надо умеючи работать ногами». И Тимур, выходя на занятия, нетерпеливо ожидал своей очереди, а когда она подходила, не теряя ни минуты, спешил подчинить педали тренажера (УТИ-4 со снятой обшивкой на плоскостях) скрутым и точным движением ног. Такое занятие и называлось рулежкой. Строптивный истребитель с подрезанными крыльями носился по полю, поровил уйти то в левую, то в правую сторону, однако при быстрой реакции и выносливости уверенно удерживался на прямой.

Изо дня в день усложнявшиеся упражнения по технике пилотирования для одних и рулежка для других требовали большого физического напряжения. В этот период школьной программой предусматривалось проведение с

курсантами специального комплекса физических упражнений.

В один из таких учебных дней после все той же рулежки Коршунов объявил:

— Завтра по расписанию с утра физподготовка. В гимнастическом городке с вами будет теперь заниматься физрук пятой эскадрильи старший лейтенант Федоренко...

— Идет, — подсказал Тимуру Степан.

Физрука знали в лицо давно, он вел занятия не только в другой эскадрилье, но и со «старичками», отрабатывая с ними прикладные упражнения. Теперь «старичками» становились они.

— Равняйся... — тихо скомандовал Тимур и, выждав, во весь голос: — Смирно!

Замерли.

Старший лейтенант Федоренко — с приветливыми ямочками-полумесяцами на щеках — приближался к выстроенной в одну шеренгу группе неторопливым шагом, вглядываясь в застывшие лица восемнадцатилетних пареньков. Накануне Коршунов рассказал о своей группе, каждого назвал по фамилии.

— Товарищ старший лейтенант, группа в количестве...

Поздоровавшись, физрук взял журнал и, вызывая каждого, удовлетворенно подумал, что не ошибся в черноглазом — точно, Микоян. Познакомился с остальными. Потом каждого посмотрел в работе на спортивных снарядах. Курсанты выполняли упражнения старательно, как на экзаменах, и Федоренко был приятно поражен высокой физической натренированностью этих ребят, почти мальчиков. Даже самый худенький (тот, что с двойной фамилией и несколько смешной внешностью) работал на снарядах пружинисто и петушисто. Но больше всего физрука восхитил старшина группы. Высокий, стройный, предельно собранный, он выполнял упражнения легко и уверенно.

«Просто мастерски!.. Да и вся группа что надо! Все бы так в школе работали», — подумал Федоренко и приступил к показу более сложных упражнений. Впрочем, начал он с заранее обдуманного вступительного слова. Напомнил, что летчики — люди особого склада, что их профессия сопряжена со скоростными перегрузками и другими особенностями полета, требующими от человеческого организма определенной натренированности.

— Вот, например, вестибулярный аппарат... — сказал он и, сделав паузу, все же подумал: «Не слишком ли книжно объясняю?.. Нет, вижу, слушают заинтересованно». Затем перешел к сути: — Для укрепления вестибулярного аппарата и тренировки глубинного зрения мы с вами отработаем ряд упражнений на специальных снарядах. Особенно полезны упражнения на подкидной сетке — батуте — и прыжки в воду с вышки. Первые — начнем отработать сегодня же, вторые — с наступлением купального сезона...

2

Подошел март, и в военной службе Тимура произошло немаловажное событие: ему пришлось спорить со своих гимнастеров и с шивели гладкие петлицы и нашить иные, такие же голубые, но с красной продольной полоской посередине — старшине группы Тимур Фрунзе присвоили звание «ефрейтор».

Коршунов перед строем зачитал выписку из приказа по школе и, поздравив своего помощника, пожелал ему с честью нести новое воинское звание.

Размышляя обо всем этом — и о своем очередном звании, и о старшинстве в группе, невольно вспомнил школьный случай, когда он, Тимур, отказался от должности командира отделения, вспомнил и о том, как отреагировал, узнав об этом, Климент Ефремович.

... Однажды военрук капитан Левит в присутствии инспектора спецшколы беседовал с командирами отделений и заметил Тимур, что он, учащийся Фрунзе, сам учится хорошо, но не придает серьезного значения своей должности командира отделения. Тимур ответил, что тяготится обязанностью быть старшим над такими же, как он сам, товарищами.

— Тяготитесь?

— Да. И с большим бы желанием сложил с себя эту должность.

— Так... — жестковатым баском отозвался Левит и сразу же безоговорочно отчеканил: — Что же, я вас избавлю от сей «непосильной» для вас ноши — снимаю с должности командира отделения.

— Разрешите идти?

— Идите.

Тимур вышел, а инспектор чуть ли не вскричал:

— Что вы наделали!

— Убедился, что он тяготится быть непосредственным начальником своих товарищей по батарее. Видимо, в свое время такое назначение состоялось формально. Вот я и разрушил эту формальность.

— Но... — продолжал горячиться инспектор, — не надо забывать, что он сын выдающегося полководца!

— Но не полководец, — отрубил Левит в тот самый момент, когда Тимур плотно прикрыл за собой дверь.

А дома состоялся памятный разговор с Климентом Ефремовичем. Неодобрительно покачав головой, он после короткой паузы сказал:

— Тот факт, что ты пренебрег доверием руководителей спецшколы, не возвышает тебя не только в их глазах, но и в глазах тех, непосредственным начальником которых тебе предложили быть. — И, как всегда, когда хотел внушить житейскую истину, усадил Тимура возле себя, положил руку на его колено. — Ты посчитал, что обязанность командовать такими же ребятами, как ты сам, ис-

кусственно возвысит тебя над ними и будут прерваны товарищеские отношения, которыми ты дорожишь? Глубокое заблуждение. Доверие надо ценить и всячески оправдывать его — на службе предельно точно выполнять свой долг, а во внеслужебное время оставаться самим собой... — Пощипав жесткую щетину усов, Климент Ефремович заключил наставительно: — Если решил стать кадровым военным, не довольствуйся достигнутым, иди вперед во всем — в мастерстве, в закалке характера, в смелом руководстве доверенными подчиненными, в стремлении побеждать. Именно таким целеустремленным был твой отец.

Совет Ворошилова Тимур помнил и тогда, когда решался вопрос о назначении его старшиной группы, и теперь, когда закрепили его старшинство, выделив среди однокашников более высоким званием. После инструктора его поздравляли поочередно и курсанты группы. Степан, звучно прихлкнув ладонью о ладонь, подмигнул горячим глазом:

— С первым позументом, Тимка!

А Олег Баранцевич не упустил случая пошутить:

— Все, братцы, теперь нас товарищ ефрейтор зажмет! Ярославский поддержал шутку:

— Как это делать, он уже знает — командир отряда показал личным примером.

Был перерыв, всей группой сидели в курилке, и Тимур снисходительно улыбался: давайте, мол, давайте — не заведете, как Стурича, с пол-оборота...

В апреле вторая эскадрилья перебазировалась в Альминскую долину, зажила лагерной жизнью.

И настал для Тимура и его товарищей долгожданный день. Собственно, днем тем было голубое-голубое утро, и группа, возглавляемая лейтенантом Коршуновым, вышла на лагерный аэродром в приподнятом настроении. Не весенние сады и не бесконечный самолетный хоровод в гудящем альминском небе сейчас волновали курсантов.

К тому и другому они успели приглядеться, попривыкнуть. Их ожидал своеобразный праздник: начиналась заключительная страда пребывания в летной школе — нелегкий, но желанный период овладения боевым истребителем И-16 (сначала на спарке, самолете УТИ-4).

Они идут широким шагом, а он — ладный тупоносый моноплан — поджидает их недалеко от предварительного старта. Хлопотливый механик в последний раз прикасается к его неподвижному пока винту и ревниво поглядывает из-за крыла на приближающийся невеликий строй явно нетерпеливых курсантов. «Вот эти... восемнадцатилетние салажата... — нелицеприятно оценивает их. — А доросли ли они до моего, хотя и тренировочного, но все же настоящего, боевого истребителя?» А они, эти восемнадцатилетние, не робея, подходят к прославленному «ястребку», одному из тех, которые почти мгновенно набирали скорость и взвивались в небо Испании, Монголии и над Карельским перешейком...

Солнце обливало лучистым светом защитно-зеленую машину и, казалось, добродушно шурилось, оглядывая юных, неудержимо рвущихся в синюю высь пареньков, нацелывая каждому: «На нем и летать тебе, завтрашний боец-истребитель, в строевой авиачасти...»

Перед ужином Тимур предложил Степану побродить по степи.

Шли молча. Говорить не хотелось. Устали. А потом остановились и, вдыхая полной грудью степной ветер, смотрели на притихшую после полетов ковыльную долину.

Далекie горы затенились и стали походить на грозные тучи, низко и тяжело осевшие над горизонтом; в стороне же моря еще пламенели легкие облака. Над Альмой сгущался по-южному яркий, багряно-фиолетовый вечер.

— Цель близка! — вслух подумал Тимур.

Да и Степан, хотя и промолчал, не мог не думать о том же: в лагере Альма в пределах двух летних месяцев должно свершиться самое важное в их школьной жизни — переход с УТИ-4 на И-16, а это значит — близок самостоятельный вылет на боевом истребителе, венец их учебы!

— После выпуска будем проситься в одну авиа-часть, — предложил Степан.

— И хорошо бы в какой-нибудь приграничный округ, — добавил Тимур.

Так, изредка нарушая молчание, друзья шли по шуршащему в ногах ковылю и каждый по-своему думал о том утреннем часе, когда инструктор без предупреждения накануне неожиданно объявит: «Сегодня у нас самостоятельный полет».

И такое утро наступит — удивительное, волнующее, ни с каким другим утром не сравнимое, на всю жизнь запомнившееся, а пока...

А пока каждое утро начиналось обычными тренировками. Но вот однажды Коршунов стал особенно тщательно проверять действия в зоне своих питомцев, и Тимур по напряженному лицу инструктора и его повышенной требовательности смекнул: «Завтра!» Остальные все же сомневались: «Неужели завтра?»

К концу дня предчувствие подсказало Тимуру: «Определенно завтра!» Перед отбоем, улучив удобный момент, он подошел к инструктору. Всматриваясь в незатахнувшие, всегда открытые глаза лейтенанта, спросил:

— Завтра?

— Что — завтра?

— Товарищ лейтенант, вы можете мне объявить и не волноваться. Обещаю быть спокойным и крепко спать. Но мне очень важно знать точно: завтра или...

— Никаких «завтра» и никаких «или!» — строже добавил Коршунов. — И поспешите к своей палатке. Слышите сигнал?

Над лагерем плавно поплыл протяжный звук трубы

«Спать пора!», и во всех отрядах дневальные разногласно подхватили:

— Отбой!

— Отбо-о-ой!

Коршунов повернулся и пошел, однако, оглянувшись, чуть заметно подмигнул напористому старшине группы:

— Гутэ нахт, Тимур.

— Гутэ нахт, геноссе лейтенант! — обрадованно откликнулся Тимур и, зашагав к своей палатке, продиктовал себе: «Теперь, ефрейтор, немедля пырьай в постель и — как пожелал лейтенант — гутэ нахт! Ты должен к утру быть свежим и бодрым».

В приподнятом настроении вошел в палатку, и курсанты, разбиравшие постели, выжидательно примолкли. Ни с кем не заговаривая, Тимур почти вслепую постелил себе, разделся и лег. Легли и другие. Обычно засыпали мгновенно, едва коснувшись головой подушки. Но на этот раз в палатке нависла необычная, какая-то настороженная тишина.

Минуту спустя в темноте возник шепоток:

— О чем с Коршуновым шушукался? — спрашивал Степан, лежавший на соседней постели, однако Тимур промолчал. — Не спишь же, чего язык прикусил? — уже громче и ближе зашептал сосед. — Видел, как ты атаковал инструктора. Хочешь, скажу, о чем его спрашивал?

— Не надо, Степа, давай-ка лучше спать... А то Олег — слышишь? — перевернулся с боку на бок: мешаем ему созерцать первый сон.

— Валяйте перешептывайтесь — я сплю без задних ног.

— Что сказал Коршунов? — настаивал Степан.

— Хорошо, чтоб успокоился, отвечу. Он сказал... — Тимур услышал, как на постелях произошло короткое движение — привстали, боясь пропустить хотя бы одно слово, и перешел с шепота на полный голос. — Он сказал: «Гутэ нахт!» И я вам говорю то же самое, но русским

языком: «Спокойной ночи!» Я уже сплю. — Повернулся на правый бок и намеренно громко всхрапнул.

— Ы...э...а... — протяжно зевнул Олег Баранцевич. — Все ясно, братва, рекомендую спать спокойно, если сможете: завтра, накануне Дня международной солидарности трудящегося люда, благословит нас Коршун и — будьте счастливы, дуйте по кругу в единственном числе на И-16...

Увы, утро принесло разочарование. Коршунов объявил:

— Сегодня контрольно-провозные — покатаете майора Сидорова.

Сидоров — помощник начальника школы по летной подготовке. Был он человеком педантичным, строго придерживался КУЛПа¹ и беспощадно снижал оценку, если видел в действиях курсанта хотя бы малейший намек на неуверенность, упущение или — и того хуже — лихачество.

Услышав новость, Тимур сорвал со своей коротко стриженной головы пилотку и чуть было не шмякнул ее о сухую, выжаренную крымским солнцем землю, но вовремя овладел собой. Заговорил сдержанно, однако в голосе трудно скрывалась досада:

— Товарищ лейтенант, что ж получается? В Западной Европе переполох, а мы не спешим — бесконечные вывозные да контрольные. Майор Сидоров уже контролировал нас.

Коршунов угловато повел плечами, едва заметно качнул головой:

— Переполох? О каком переполохе вы говорите?

— А что, разве не так? Кто захватил Австрию и Чехословакию, а в прошлом году ринулся на Польшу и вторгся в Югославию и Грецию? Кто скрутил по рукам и

¹ КУЛП — Курс учебно-летной подготовки ВУЗ ВВС.

ногам Францию, а теперь и на Англию поглядывает? Об этом же в газетах пишут!

— Уже и в нашем воздухе порохом пахнет, а нас никак не выпустят на боевом истребителе, — загорячился и Степан.

— Присоединяюсь, — поддержал товарищей Владимир. Котомкин-Сгуров, с подъема не проронивший ни слова, оживился, заговорил с нотками насмешливости:

— Можно подумать, что нашим асам повредит лишний контрольный вылет. А насчет намека о том, что «и в нашем воздухе порохом пахнет», следовало бы не паниковать, а поприлежнее следить за газетами, в которых публикуется официальная информация.

— Что имеешь в виду? — повернулся к нему Тимур.

— Он имеет в виду... — Ярославский вынул записную книжку и, полистав, развернул подклеенную газетную вырезку. — Вот что он имеет в виду: «За последнее время в иностранной печати распространились слухи о сосредоточении немецких войск на границе СССР, о несоблюдении немецким правительством пакта о ненападении и близости войны между Советским Союзом и Германией. ТАСС уполномочен заявить, что эти слухи лишены всякого основания и являются ложным вымыслом. Германия так же, как и СССР, неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении. И если кое-где имели место нарушения немецкими самолетами воздушного пространства Советского Союза, то об этом германское правительство предупреждено».

Коршунов, слушая курсантов, мысленно вернулся на совещание комсостава, на котором начальник школы информировал: «Командование Одесского военного округа и Черноморского флота заостряют наше внимание на сложной международной обстановке. Руководствуясь последним заявлением ТАСС, мы в то же время не должны ослаблять бдительности и обязаны каждодневно ускорять

и улучшать качество обучения наших курсантов, а также наращивать свое летно-боевое мастерство».

— Заявление ТАСС? Так это ж в данном случае дипломатия! — воскликнул Степан. — Надо понимать.

— А по-моему, надо понимать иное — это официальная точка зрения вышестоящих инстанций. Правильно я рассуждаю, товарищ лейтенант?

Но Коршунов не ответил: к их группе подходил неторопливым, размеренным шагом майор Сидоров. На продолжение спора и комментарии не оставалось ни минуты. Начинался обычный трудовой день.

— Группа, смирно! — И с приложенной к пилотке рукой Коршунов пошел рубящим шагом встречать начальство.

Майор — не улыбочивый, с массивным лицом и тяжелым взглядом — поздоровался и оглядел каждого курсанта.

— Вижу, о чем ропщут глаза ваши: когда же самостоятельный на боевом истребителе? — сказал он и выждал: откликнется ль кто?

Ни звука. Коршунов стоял несколько сзади майора и удовлетворенно подмигнул: молодцы, мол, не поддавайтесь искушению загалдеть в строю, выдержка — важнейшая черта стойкого характера летчика.

Сидоров все же ответил на вопрос, который, как ему показалось, он прочитал в глазах курсантов:

— На календаре конец апреля. А это означает... что? — С полминуты помолчал и оглянулся на инструктора. «Нет, их нынче не проймешь. Вышколоил Коршунов своих птенцов!» — А то, что мы с вами накануне майского праздника.

Тимур смотрел на скованное строгостью лицо майора, следил за его медленными губами и подумал непочтительно: «Не выдерживаете, товарищ майор, своего правила. Где же ваша скупость на слово?» А Сидоров вдавался в подробности:

— Командование наметило для некоторых успевающих групп трехдневную экскурсию в Ялту. В том числе и для вашей. Вот и прикиньте, есть ли резон разрывать первый самостоятельный вылет на боевом истребителе от второго тремя, а может, и большими днями.

Курсанты промолчали и на этот раз. Но подумали примерно о том же, о чем думал сейчас Тимур: «При чем тут Первомайский праздник! Первомай полетам не помеха. Просто хотите еще раз удостовериться: можно ли нам, безусым юнцам, доверить боевой истребитель?» А помощник начальника школы по летной подготовке в это время почти угрожающе бросил Коршунову:

— Н-да... На земле — недурственно. Поглядим теперь, как в воздухе. Начнем.

Когда очередь дошла до Тимура, майор Сидоров резко, с нотками непонятого раздражения бросил:

— Взлетайте!

Раздражение было явно напускное, рассчитанное на определенную реакцию курсанта.

«И сердитый тон ваш в ту же точку нацелен, но этим трюком не смутите, товарищ майор, — подумал Тимур и, стремительно набрав высоту, заложил самолет на развороте в глубокий крен, покосился в зеркальце — в уголках губ майора запульсировала едва приметная улыбка. — Вот так, товарищ очередной экзаменатор. Может, сверх программы вас петлей встряхнуть?.. Или штопором?.. Да изругаете потом не столько меня, сколько Коршунова, а мы инструктора не приучены подводить. Степан же прав: сообщение — дипломатия, а нам медлить недосуг».

Еще и еще — третий, четвертый — вираж. Самолет точно выведен на ориентир. Начинается снижение...

Май в Крыму ослепителен не только солнцем, но и густой, сочной зеленью. Особенно ее много в предгорье, вдоль шоссе серпантина.

Привыкшие к аэродромному простору и безбрежной высоте, курсанты чувствовали себя на узком, петляющем в горах асфальте не совсем уютно. Автобус то и дело виражил, и хотелось крикнуть шоферу: «На взлет!»

И все же экскурсия в Ялту была впечатляюща. «Ласточкино гнездо»... Скала «Парус»... Дворец-санаторий «Кичкинэ»... Золотой пляж «Ливадии»... Домик Чехова... Но не настолько, чтобы заглушить ощущение потери нескольких праздно проведенных дней.

Ступив на высокий балкон наскального миниатюрного замка и увидев перед собой широкий простор моря и неба, а рядом парящую чайку, Тимур почувствовал, что уже скучает по полетам. После посещения домика Чехова купил несколько ялтинских открыток. На одной из них, с изображением писателя в старомодном пепсе, он сообщил Вере: «Только что был в гостях у Антона Павловича (прочитай еще раз его рассказ «Верочка» и мою надпись на книге!). всю жизнь Чехов стремился к предельной точности и краткости. Между прочим, без предельной точности и краткости и в авиации нечего делать. А посему — не дуй свои толстенные губки и знай: хотя мои весточки кратенькие, но они всегда точны в одном — приходят к тебе в тот день, когда ты начинаешь обо мне думать плохо. Не думай так, Вера. Помню и помню. И еще. Жду не дождусь послепраздничных будней. Там — снова высота, но не прежняя — подопечная... Самостоятельная! А это, заметь, почти уже цель».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Это и было то самое удивительное, волнующее, ни с каким другим утром не сравнимое, на всю жизнь запоминающееся утро — самостоятельный вылет на истребителе И-16.

... Тимур прибавил двигателю обороты и — взлетел. Сам!

Сплошную синь альминского неба по кругу и в зонах тут и там бороздили самолеты. Тимур строго выдерживал направление и обозревал пространство. Вокруг, куда ни глянь, друзья-товарищи... Хотя бы вон тот «ястребок», что пошел в сторону моря, определенно ведет старшина смежной летной группы — Семен Рыжов. Так держать, Сеня! И не беда, что у тебя характерец ершистый. Главное достигнуто — самостоятельно ведем боевые истребители! А ну, где вы там, любители нарушать наши воздушные границы?! Захотелось петь. И он запел:

Орленок, орленок, взлети выше солнца...

На земле капитан Голубев и лейтенант Коршунов в окружении курсантов группы стояли и, заслонившись от солнца кто планшеткой, кто учебником, а кто и просто рукой, пристально следили за тупоносой машиной, мчавшейся по кругу. И каждому, наверно, тоже хотелось пропеть те же слова, подбадривая качинского орленка. Коршунов, однако, своевременно отвлекся от захватившего и его зрелища, почти строго напомнил:

— Курсант Ярославский, почему медлите? Самолет вышел на прямую, снижается. Встречайте, ваша очередь.

— Отличнейше снижается, — вслух подумал нещедрый на похвалу Голубев и даже присел, ловя взглядом момент касания земли. — Есть! Точный расчет.

2

Серебристый «ястребок» генерала Туржанского — предел мечтаний каждого выпускника-качинца. Курсанты знали, что начальник школы охотно вверял свою машину лучшим из лучших, и этого своеобразного, непредусмотренного ни одним наставлением и уставом по-

ощрения добивались многие, однако не всем оно выпадало.

А самолет-то был таким же, как и все остальные школьные И-16, только выкрашен серебристой краской, да, пожалуй, поновее и ухоженнее, чем эскадрильные работы «ястребки».

Полеты были в разгаре, и все, кто находился в квадрате, увидели над аэродромом сверкнувший серебром истребитель.

— Начальник школы!

— Генерал в воздухе!

Инструктора в таких случаях прерывали занятия: пусть отвлекутся малость — есть на что посмотреть.

Выполнив серию сложных фигур, серебристый И-16 плавно приземлился и зарулил к предварительному старту. Дежурный по полетам, поправив на рукаве алую повязку, побежал докладывать.

Выслушав дежурного, генерал стянул с головы кожаный шлем, пристегнул его к ремню и направился в сторону притихших, словно зачарованных, курсантов.

— Внимание! — предупредил их Коршунов и стал несердито выговаривать: — Серебро ослепило? А свой самолет потеряли... Где Фрунзе?

— В своей зоне... Вон тот, выполняющий иммельман¹, — симитировал кистью руки рисунок сложной фигуры Степан.

Туржанский подошел и, узнав из доклада инструктора, что в зоне курсант Фрунзе, стал следить за юрким самолетом, выходящим с полупетли полубочкой в нормальное положение.

«А ведь молодец — чистенько отшлифовал и полупетлю и перевороты», — отметил про себя Туржанский и,

¹ Иммельман — фигура высшего пилотажа, позволяющая быстро развернуть самолет на 180° (на полупетле, когда самолет находится вверх колесами, летчик придает ему нормальное положение оборотом через крыло).

взглянув на инструктора и курсантов, безошибочно определил: переживает за своего ученика заметнее всех Коршунов, а на лицах у ребят отражается явное нетерпение: скорее бы истекло время, да сел бы без помех и дал взлететь очередному.

Когда Тимур, закончив выполнение фигур, пошел на посадку, генерал неожиданно обратился к группе:

— Как оцениваете полет своего товарища?

Всего лишь секунду помедлили, переваривая внезапный вопрос, а он тут же конкретизировал обращение:

— Ваше мнение, курсант Котомкин-Стуров?

Удивившись, что начальник школы запомнил его, Котомкин-Стуров вытянулся и, не задумываясь, бухнул:

— Удовлетворительно...—и быстро дополнил:—Весьма.

— Строгая оценка, хоть и «весьма», — сказал генерал, приглаживая ладонью потревоженные ветерком волосы на непокрытой голове.

А Тимур широким шагом спешил к группе, и генерал, сбавив голос, высказал свое мнение:

— А я бы за такой полет поставил хорошо... — И лукаво сощурился. — Весьма. Как, лейтенант?

Коршунов ткнул карандашом в свою записную книжку:

— Точно такую оценку выставил и я. Правда, без «весьма». — И смежливо наморщил губы.

Доложив о выполнении полетного задания и узнав, как оно оценено, Тимур — была не была! — откровенно признался:

— Не всегда так гладко выходит у меня, товарищ генерал. Но как увидел серебристую машину, да еще севшую возле нашей группы, не без прицела постарался.

Всю тираду он выпалил чуть ли не скороговоркой и залился краской, а все присутствующие не выдержали, рассмеялись. Смеялся и генерал:

— Так сказать, пилотаж с прицелом? Ну что ж... Вижу, уж очень вам хочется полетать на моей машине.

— Очень, товарищ генерал!

— И не только ефрейтору, — намекаяще подал голос Степан.

Туржанский был в хорошем расположении духа и подмигнул Коршунову:

— Каковы, а?.. Хорошо. Работу других в воздухе посмотрю. А пока на своем истребителе разрешаю полет вашему старшине.

Тимур не верил своим ушам. Но он не ослышался. Генерал стал серьезным, спросил у дежурного по полетам о свободной зоне.

— Пока нет? Ладно, поступим так: временно уступаю мою зону. Слушайте, курсант Фрунзе, задание: можете выполнять все фигуры, какие умеете, я вас ограничиваю только временем и высотой.

— Слушаюсь!

— Время — пятнадцать минут, минимальная высота — тысяча метров на выходе из фигур. Займете зону над центром аэродрома.

Тимур с подъемом повторил задание. Туржанский проводил его к самолету, дал ряд советов и объяснил некоторые особенности своей машины.

— Все ясно, товарищ генерал.

Туржанский ободряюще кивнул и отмахнул рукой, как флажком: «На взлет!»

Серебристый И-16 взмыл уверенно, точно лег на курс и пошел по кругу над аэродромом. Курсанты, окружив своего инструктора плотным кольцом, затаили дыхание. Даже самолюбивый Котомкин-Сгуров напряженно вытянул шею и впился острыми глазами в набиравший скорость генеральский самолет, завистливо думал: «Везет же нашему ефрейтору... Колоссально везет!.. А может, не везет... может, он такой и есть? Ты просто завидуешь ему?»

А в вышине торжествовало мастерство. Перевалив за тысячу метров, Тимур четко выписал петлю, пошел на вторую, но то уже был иммельман, затем сделал крутую

горку и бочки. Серия фигур была исполнена без пауз, как единая, давно задуманная и отработанная композиция.

Туржанский стоял на том же месте, откуда проводил Тимура в воздух. Ветерок шевелил его волосы, нарушив высокий пробор. Взглянув на часы, отметил: десять минут истекло, пошла одиннадцатая.

Серебристый истребитель, как бы зацепившись за что-то невидимое, свалился на крыло и начал штопорить... Один виток, другой, третий... И сразу же последовал уверенный выход из штопора с фигурным планированием — восьмерками. На высоте триста метров было выпущено шасси.

Истребитель, пройдя для контроля над стартом, точно на пятнадцатой минуте коснулся земли у посадочного знака.

Туржанский свободно вздохнул, провел ладонью по высокому лбу: «В прошлом году засвидетельствовал рождение Фрунзе-летчика, сегодня же вижу второе его крылатое рождение — родился летчик-истребитель». И сказал:

— Из этого орленка будет толк.

К предварительному старту подкатила эма, из нее выскочил шофер и, протянув генеральскую фуражку, что-то взволнованно сказал. Слов шофера не услышали, но все, кто стоял поблизости, увидели: генерал побледнел. Нахлобучив фуражку и низко натянув козырек, он побежал к автомобилю:

— Гони на площадку приземления!

Тревожная весть мгновенно облетела школу: на тренировочных парашютных прыжках — несчастный случай. Облегченно вздохнули только тогда, когда узнали, что курсант остался жив и срочно доставлен в сева­сто­поль­ский госпиталь.

ЧП погасило праздничное настроение Тимура, и он до конца дня был задумчив, неразговорчив. Зато не умолкал Олег Баранцевич. Он выяснил обстоятельства несчастного случая.

— Помните того ретивого паренька, обругавшего нас «килькой»?

— Из пятой эскадрильи? — припомнил Ярославский. — Мой тезка?

— Верно, он был потом там назначен старшиной группы. Козлов его фамилия. Так это из его группы... курсант Ткаченко. Состояние тяжелое, но доктора говорят, жить будет.

«Жить будет, а вот летать, пожалуй, не придется», — подумал Тимур, и ему стало жалко курсанта. Олег тем временем выкладывал подробности: парашют сразу не раскрылся, а когда при падении купол все же вытянулся из ранца, образовался глубокий перехлест строп.

— Так и падал с колбасящим куполом до самой земли! — заключил Олег.

Котомкин-Сгуров зябко повел плечами, а Тимур мрачно размышлял: «Глубокий перехлест... Да, оказывается, в авиации надо обращаться на «вы» не только с самолетом, как предупреждал нас генерал Туржанский, но и с парашютом».

На следующий день, проводя с группой занятия, об этом же, но другими словами и с откровенной прямоотой напомнил Коршунов:

— Пошел в авиацию — раз и навсегда запомни, что в твоей профессии летчика нет мелочей. Свернуть шею — дело нехитрое. Но с какой стати? Если погибать, то только в бою и во имя победы...

До окончания школы оставалось еще несколько месяцев, но Коршунов уже почувствовал приближение финиша. Инструктор теперь больше уделял внимания несколько отставшим курсантам. За счет времени отлично освоивших пилотирование он чаще выпускал их в полет по кругу и в зону, давал возможность лишний час потренироваться в стрельбе.

Но считанные дни оставались не до выпуска, а совсем до иного события — тяжелого, как обвал...

19 июня из штаба Одесского военного округа на имя начальника Качинской авиашколы поступила шифровка: командующий распорядился немедленно сформировать авиационный истребительный полк из инструкторов и летчиков-политработников (последние в это время проходили в Каче курсы усовершенствования) и подчинить его в оперативном отношении ВВС Черноморского флота.

Туржанский держал в руках шифровку, а взгляд его скользил по настенной карте, подвешенной на рейке и ниспадающей чуть ли не до самого пола. Встал, подошел к ней и стал внимательно разглядывать булавки с синими и черными флажками, обозначающими фронт Западно-Европейского театра военных действий. «Неужели все-таки Германия? Это ж безумство!»

Школьный полк был сформирован в ту же ночь. Командиром полка Туржанский назначил майора Сидорова. Горячо пожимая ему руку, сказал:

— Желаю вам и полку вашему счастливых взлетов. Но обязанности моего заместителя по-прежнему за вами, хотя, понимаю, вам теперь не до курсантов, которым будет вас не хватать.

— Благодарю за доверие, товарищ генерал, — скупой улыбнулся комполка. — Относительно же курсантов вы определенно преувеличили — обрадуются. И знаете, что скажут? Избавились, скажут, от придиры... А я разве придирился? Требовал. Очень уж хотелось на Каче воспитать своих Чкаловых. — Помолчал и улыбнулся шире: — А насчет коршунского орленка вы правы — проявляется в нем что-то чкаловское...

На третий день после этого разговора, на рассвете, в казармах всех школьных эскадрилий дежурные оповестили:

— Тревога!.. Трево-о-ога!

Одеяла отлетели прочь, а минуту спустя курсанты уже подбегали к пирамидам с оружием.

— Не спитесь начальству, — ворчал кто-то сонным баском. — Накрылся выходной...

— Почему накрылся? Постоим на плацу и — отбой.

А кто-то не мог отыскать в пирамиде своей винтовки и, досадуя, крикнул:

— Да зажгите свет!

Дежурный поторапливал:

— Пошевеливайтесь! Никакого света — и так видно. И стоять на плацу не придется — выдвигаемся на оборонительный рубеж!

— Что-то новое...

Тимур на ходу поправил болтавшийся у бедра противогаз и, плотно прижав к боку винтовку с примкнутым штыком, выбежал во главе группы из казармы.

Еще где-то за темным силуэтом гор отсиживалось солнце, а в едва посеревшем небе, то расходясь, то скрепящаясь, резвее обычного шныряли лучи прожекторов.

Комэски и командиры отрядов звучными голосами покрикивали:

— Доложить о наличии!..

Потом общая команда:

— Школа-а... смирно! Напра-во! Бегом — марш!

«Гух-гух... гух-гух...» — глухо затопали сотни сапог.

— Куда это нас... бегом? — осторожно, полупшепотом спросил Котомкин-Сгуров.

— Твое дело — жми на свои кирзовые педали и не отставай! — отозвался Баранцевич.

— Марш-бросок, — наугад пояснил Ярославский.

— Или не слышали дежурного? — донесся голос Тимура. — Выдвигаемся на оборонительный рубеж!

На ходу отряды расчленились и форсированно уводились в разные стороны. Отряд капитана Голубева, выйдя из авиагородка, был направлен в сторону поселка.

«Гух-гух... гух-гух...»

За окраиной Качи курсанты растянулись цепью по заранее намеченной линии, залегли. Тимур и Степан оказались рядом.

— Такой тревоги еще не было, — сказал Тимур, смахивая с бровей капельки пота.

Из-за дальнего горного массива выглянуло красноватое солнце. В это утро оно было неяркое, тусклое, как перед затмением. С рассветом суматоха прожекторных лучей убавилась и сабельный блеск их почти одновременно сник.

— И долго так будем лежать? — донесся петерпеливый голос Котомкина-Стурова.

— А что? Лежать — не бежать! — резонно заметил Баранцевич.

Часа четыре еще томились курсанты на рубеже, не ведая, что совсем рядом, в Севастополе, после бомбежки пролилась кровь и занялись первые пожары. И только к восьми часам утра, когда к цепи подкатил грузовик и всем курсантам раздали подсумки с боевыми патронами, от пары к паре метнулось злое, тяжелое, как взрыв, слово — война...

Отряд Голубева сменили около полудня и вернули в городок. В строю перед казармами стояли все курсанты школы, свободные от оцепления. На трибуне — качинское начальство. Одеты по-походному, генерал в гимнастерке, с противогазом и пистолетом на боку.

Рядом с трибуной под наблюдением политрука Шубина электрик Ахмет и клубный радист заканчивали крепление на ближайшем дереве граненого, похожего на звукоулавливатель громкоговорителя.

Ровно в двенадцать дня радио Москвы объявило о выступлении народного комиссара иностранных дел. Давно над Качей не было так тихо, как в те минуты ожидания выступления Молотова. И он заговорил знакомым, с легким заиканием, голосом:

— ... Фашистская Германия без объявления войны со-

вершила вероломное нападение на Советский Союз и вторглась в пределы нашей Родины...

В конце выступления голос народного комиссара возвысился:

— Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!

Тут же полковой комиссар Горбунов открыл митинг и предоставил слово начальнику школы.

«Война! — тем временем думал Тимур, крепче сжимая винтовку. — Все... теперь долго не задержат — выпустят!» А строй школы замер, затих. В глазах у курсантов ожидание: что им скажет генерал?

— Качинцы! — незнакомо высоким голосом прервал тишину Туржанский. — Только что вами прослушано правительственное сообщение, что в результате коварства гитлеровского правительства развязана война. Бои развернулись по всему фронту нашей западной границы, а фашистские самолеты бомбили близкий и родной наш Севастополь. Коварному нападению с воздуха подверглись и другие мирные города. Пролита кровь советских людей. Вторгшийся в пределы нашей страны враг топчет землю Украины, Белоруссии и Прибалтики. Этот безумный шаг Гитлера приведет фашистскую Германию в итоге к жестокому поражению. С этого часа вся работа школы перестраивается на военный лад, весь личный состав школы переводится на казарменное положение...

В голове у Тимура — вихрь мыслей, которые сводились к одному: «Скорей бы к самолету, а там... А там и до выпуска рукой подать, а это значит — скоро в боевую авиачасть!» Слова генерала теперь звучали как бы издалека:

— ...авиационный полк, три дня тому назад рожденный в стенах Качи, крыло в крыло с другими истребительными частями Крыма готов достойно встретить наглого врага. И пусть воздушные пираты не тешат себя первым прорывом в крымское небо, их бомбовозы найдут себе могилу на дне Черного моря!

Острый блеск глаз Тимура не укрылся от стоявшего с ним рядом Владимира Ярославского.

— О чем думаешь? — шепнул он.

— О чем — спрашиваешь? Земля горит под ногами, а мы стоим... слушаем...

Но не долго стояли курсанты в строю. Прямо с митинга их развели по аэродромам, и они прочно обосновались у своих самолетов, подчиняясь законам фронта: на занятия выходили в полном боевом снаряжении, самостоятельно летавшие поднимались в воздух с заряженными пулеметами. И внизу, под крылом, непривычно голо: со всех стартов убраны флажки, ограничивавшие взлетные, посадочные и нейтральные полосы; одно лишь одинокое «Т» бледнело на хмуром буровато-сером поле.

Группа лейтенанта Коршунова теперь постоянно находилась на третьем аэродроме. Перед тем как выпустить в зону своих курсантов, осунувшийся, с ввалившимися щеками, инструктор строго наставлял:

— Ваше дело — шлифовка фигур. Не отвлекайтесь, не ищите «юнкеров» и «хейнкелей» днем — фашисты не дураки, знают, куда и в какое время надежнее всего летать.

— А если вдруг? — опасливо подал голос Котомкин-Сгуров.

— На «вдруг» ответит ПВО Крыма. А если кто и в школьные зоны прорвется, то у нас есть кому их встретить — истребители майора Сидорова начеку.

Когда Тимур готовился к очередному самостоятельному вылету, Коршунов особенно пристально взглянул на него и, переходя на «ты», негромко, чтоб не слышали другие, предупредил:

— Тимур, смотри, будь внимателен, не зарывайся. Ты знаешь, о чем я говорю. Жду из зоны тебя секунда в секунду,

Взлетая, Тимур все еще видел темные, лихорадочно сверкающие глаза инструктора и его неузнаваемо почерневшее, худое лицо.

«Я вас понимаю, товарищ лейтенант. Всей группе стало известно, что вы тоже просились в полк Сидорова, а потом просто на фронт, а вам генерал ответил, как отрезал: а кто будет доучивать ваших курсантов?.. Кто вообще будет готовить летчиков-истребителей фронту?»

В зоне Тимур, выполняя одну фигуру за другой, в малые промежутки времени всматривался в таивший где-то в недостижимом отдалении морской горизонт.

«Хотя бы один подлетел, я б его...» — и принадлежал к прицелу, однако в холодном, как ледок, окуляре со строгим перекрестием мирно голубела все та же пустынная даль.

Ночью же воздушные налеты на Севастополь и его окрестности повторялись. Курсанты, несшие патрульную службу на земле по охране школьных аэродромов и авиагородка, пристально вглядывались в узлы прожекторных лучей, прочно захвативших и сопровождавших рвущиеся к городу вражеские бомбовозы.

— Что же... ну что же наши-то! — громко досадовал кто-то в темноте на разнбойность пульсирующих в ночном небе зенитных разрывов.

Тимур тоже, патрулируя у ангара, вглядывался в исполосованную огненными трассами, высвеченную всполохами отдаленных взрывов вышину, и ему хотелось бежать к своему истребителю и, взлетев, настигнуть настырных, упрямо ползущих к Севастополю стервятников.

И все же пульсирующие вспышки дотягивались до бомбардировщиков врага, и они, объятые пламенем, падали в море.

Вскоре стало ясно, что в прифронтовой полосе учебную программу в установленные сроки не выполнишь: все больше и больше ограничивались зоны и высоты, а сами учебные полеты сократились до предела.

Приказ об эвакуации Качинской авиашколы в глубокий тыл страны пришел в начале июля. Коршунов собрал свою группу и объявил:

— Курсантский состав выезжает железной дорогой; я в числе других инструкторов включен в летный эшелон — перегоню наш И-16. На весь путь следования у вас теперь один непосредственный начальник — старшина группы ефрейтор Фрунзе.

Все подавленно молчали.

— А как же выпуск? — упавшим голосом спросил Олег Баранцевич.

Коршунов снял пилотку, для чего-то потрепал пятерней темные волосы и, пригладив их, ответил на вопрос вопросом:

— Все слушали третьего июля речь Сталина? — Обвел курсантов испытующим взглядом. — Вот так-то, ребята. Большие потери у нас. А фашисты прут и прут. Надо бить их наверняка. Вопросы?.. Нет вопросов? Будем считать, все ясно. До встречи на востоке!

Эвакуации сопутствовала удача: натянуло тучи, хлынул дождь, и фашистская авиация отсиживалась на своих аэродромах.

Грузились в товарные вагоны-теплушки ночью на станции Мекензиевы Горы. Перед отправкой Тимур в темноте столкнулся со старшим лейтенантом Федоренко. Физрук спешил в конец эшелона, к вагону со спортивным инвентарем.

— Курсант Фрунзе? Тоже промогли? — И он шумно потряхнул полами своей плащ-накидки.

— Это — что! Качи жалко, не дали здесь доучиться.

— Доучитесь! На новом месте быстрее дело пойдет.

— Может, и быстрее, но Качи все равно жалко.

«Ему бы сейчас в вагон, под крышу, да шинель хорошенько просушить, а он о Каче грустит», — сочувственно подумал Федоренко и все же еще раз ободрил его:

— Не унывайте, курсант Фрунзе, у вас, как и у всех

ваших товарищей, все впереди — и взлетите еще по боевой тревоге, и покажете, чему вас Кача научила. Ведь и там, куда мы едем, по существу, та же Кача будет — школа ж осталась прежней!

Дождь утих, из-за туч выглянула мокрая луна.

Эшелон тронулся и покатил по крымской земле. А где это «там» и куда «на восток» мчались качинцы, никто из курсантов пока не знал. Да и не все ли равно? Только бы скорее к новому берегу.

«Нет, школа школой, а Кача Качей... Так что прощай, Кача». Тимур стоял у раздвинутой настежь двери и, облокотясь о перекладину-засов, смотрел в темноту, где угадывались близкие, убегающие назад сады и виноградники, на отдаленные, ползущие следом за составом силуэты гор.

Спать не хотелось, и Тимур, накинув на плечи все еще влажную шинель, так и простоял до раннего рассвета у раскрытых дверей.

— Ты что, не ложишься еще?

— До сна ли? — обернулся Тимур.

Потягиваясь и пожевываясь, рядом стоял Степан, в руках он держал шинель, приглядываясь, куда бы ее повесить.

Развешивая и расправляя шинель на засове, Степан сказал:

— Знаю, почему не спишь. Мельком услышал, как ты физруку поплакался: жаль, дескать, с Качей расставаться.

— А тебе?

— Мне жалко другого — вот этих бесполезных часов, а может быть, и дней пути... Наш Коршунов, должно быть, уже на месте...

Тимур, взглядываясь в мутновато-серую даль, задумчиво вымолвил:

— Что и говорить... Разве это скорость? От гор никак не оторвемся!

И все же горы вскоре остались далеко позади, и развернулась ровная необозримая степь северного Крыма. И — как удар в грудь — промелькнувшее здание станции Таганаш.

«Тага-наш... Тага-наш... Тага-наш...» — теперь уже настукивали колеса. Тимур высунулся по грудь и долго смотрел туда, где остался белый-белый домик. Хорошее тепло колыхнулось и прошло волной в груди: «Наконец-то и увидел тебя, давний знакомец мой, Таганаш! Видишь, как некрасиво получилось — почти удираю... Но я бегу не в затишье, а туда, где снова меня ждет гулкий аэродромный шум и боевая работа в воздухе. А потом — фронт. Так что не думай обо мне плохо, Таганаш».

«Тага-наш... Тага-наш... Тага-наш...»

— Прощай, Крым! — это уже возглас Олега Баранцевича, который сидел на верхних нарах и в узкое окошко махал рукой.

По Украине ехали весь день и всю следующую ночь; вторая ночь пути была особенно гнетущая: по всей украинской земле ни огонька, ни блесточки — крошечная тьма. И только искрометный перестук, сливавшийся теперь с другими словами: «По-ско-рей... по-ско-рей... по-ско-рей...»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Пыльная, почти без растительности, приволжская равнина приютила на окраине поселка Красный Кут бревенчатые постройки барачного типа. Что в них размещалось в мирное время — никто из приезжих таким вопросом не задавался. С грехом пополам разместились сами, превратив эти неуютные жилища в казармы, учебные классы и хозяйственные помещения. А вместе с прилегающей кочковатой и скучной степью, именуемой

отныне полевым аэродромом, все это стало теперь называться авиагарнизонам. Здесь разместились эвакуированная Качинская школа военных летчиков.

В Красном Куте все было не так, как на опаленной войной территории, которую преодолевали пять долгих суток. Там с вечера и на всю ночь земля погружалась в непроглядную, затаившуюся темень. На новом же месте по вечерам и даже ночью на улицах и в домах беспечно горел свет — затемнения пока еще здесь не проводили. Невольно думалось: «Далековато залетели от войны!» Однако недобрые вести с фронта доносились сюда быстро и достоверно, и не только официальными источниками — радио и газетами, — но и ходкой молвой, не признающей ни расстояний, ни ограничений военного времени.

Так однажды утром, еще до передачи московских последних известий, из барака в барак прокатился тревожный ропот: гитлеровская авиация прорвалась к столице... Олег Баранцевич, будучи дневальным, встретил только что вернувшихся с физзарядки курсантов взволнованным возгласом:

— Братцы! Фашист, зараза, нашу Москву бомбит, а мы все еще физкультурными комплексами забавляемся да летаем, как в заколдованном круге!

Курсанты, еще обнаженные по пояс, осадили трансляционный репродуктор. Настенная тарелка «Рекорда» зашипела, словно патефон, когда прокручивают старую, давно заезженную пластинку. Знакомый голос диктора объявил:

— ...Слушайте приказ Народного комиссара обороны Союза ССР...

— Так и есть — бомбили, — шепнул Тимур Степану.

Степан Микоян закусил нижнюю губу и весь напрягся, смуглое лицо его посерело. А диктор уже не просто вещал, а гремел на всю казарму:

— В ночь на двадцать второе июля немецко-фашистская авиация пыталась нанести удар по Москве. Благо-

даря бдительности воздушного наблюдения (ВНОС) вражеские самолеты были обнаружены, несмотря на темноту ночи, задолго до появления их над Москвой...

— Слышите, ничего трагедийного, только пытались... — заговорил было Котомкин-Сгуров, но стоявшие сзади сразу же осекли его чувствительными тычками в спину.

— На подступах к Москве, — наращивал диктор торжествующую интонацию, — самолеты противника были встречены нашими ночными истребителями и организованным огнем артиллерии. Хорошо работали прожектористы. В результате этого более двухсот самолетов противника, шедших эшелонами на Москву, были расстроены и лишь одиночные прорвались к столице. Возникшие в результате бомбежки отдельные пожары были быстро ликвидированы энергичными действиями пожарных команд...

«Прорвались-таки!.. Бомбили!.. Даже горела Москва!» И Тимур, стиснув локоть Степана, шепнул:

— Ну, а сбили хоть одного?

Диктор будто только и ждал этого вопроса:

— Нашими истребителями и зенитчиками сбито, по окончательным данным, двадцать два самолета противника!..

Рыжов, грузный и насупленный, стоял позади всех; не выдержав напряжения, он ожесточенно гаркнул:

— Так их, залетную сволоту!

«А все-таки прорвались... бомбили...» — не утихало возбуждение, и Тимур весь день — и на занятиях в классе, и отрабатывая обычные упражнения в воздухе — нет-нет да и вспоминал о Москве, о своих близких и знакомых, которые прошлой ночью пережили вражеский налет. Как после нехорошего сна, смутное беспокойство — а пережили ли? — не давало сосредоточиться, отвлекало. В тот же вечер написал всем, кого невольно вспомнил сегодня, — кому пространные, а кому, как телеграммы, коротенькие весточки. Отсылая письма, вдруг подумал: «Раз пишу им,

значит, ничего страшного с ними не случилось — ни с тетей Клашей, ни с Екатериной Давыдовной, ни с Таней, ни с Лидией Ивановной... И конечно же ничего не могло случиться с Верой...»

Написал и Ворошилову, сообщив, что в школе у них перемены: генерал Туржанский простился с курсантами, пожелал им обрести чкаловские крылья и уехал в Москву. Наверное, удовлетворили его просьбу о фронте, хотя сам он строго отчитывал своих комэсков, командиров отрядов и инструкторов, тоже рвавшихся в действующую армию. Сообщил и о том, что теперь у них новый начальник школы — дважды Герой Советского Союза генерал Денисов (воевал в Испании!), а также о том, что их группа вместе с инструктором лейтенантом Коршуновым переведена в другую, первую, эскадрилью, потому комэск и командир отряда у них теперь другие — майор Гайдамака и капитан Анистратов. И еще новость: в связи с пертурбацией появился в их группе еще один курсант — Рюрик Павлов, а в школу прибыли новички, совсем молоденькие хлопчики, в том числе и брат Степана — Володя Микоян...

Вере, разумеется, он ничего этого не сообщил, а написал почти дословно то, что и своей сестре: «...У меня все идет как нельзя лучше. Теоретический курс закончил и сдаю зачеты. Летаем порядком. Эх, если б ты знала, до чего у нас теперь интересно: введены стрельбы, полеты строем и воздушный бой (правда, стреляем пока из кинопулеметов). Думаю, что учебу теперь завершим очень скоро. А там одна мечта — на фронт!»

Первым предвестником окончания школы явился давно ожидавшийся прилет из Москвы инспекции ВВС.

Инспекторский «дуглас» и сопровождающий его истребитель Як-1 появились над Красным Кутом внезапно, хотя их терпеливо и напряженно ожидали. Не совершая обычного пристрелочного облета полевого аэродрома, первым пошел на снижение Як-1. Он уверенно, словно всю жизнь здесь базировался, направился к подготовленной

посадочной полосе и неожиданно для всех встречающих, чуть ли не пикируя на «Т», произвел посадку.

Массивное, с двумя суровыми складками на щеках лицо генерала Денисова еще больше помрачнело: не понравился бывалому летчику залихватский трюк с рискованной посадкой нового истребителя. Помощник начальника школы по летной подготовке майор Сидоров покачал головой: «Ну и инспектура! Хорошенький пример для курсантов...» Однако «дуглас» приземлился по всем правилам. Первым на сухую, вспыленную землю прыгнул пилот с «яка» — невысокий полковник, в новенькой, с иголочки, летной форме. Поправив фуражку с «крабом», он самоуверенно зашагал к идущему встречать его генералу. Остальные спутники полковника, прилетевшие на «дугласе», несколько повременили и осторожно спустились по выдвинутой металлической лестнице.

Майор Сидоров, следовавший за генералом, еще издали отметил: приближающийся к ним полковник очень молод и стремителен. Он легким шагом подошел к генералу и представился как возглавляющий инспекцию. И только тут старый качинец узнал в нем бывшего своего курсанта. Обменявшись первыми общими словами с начальником школы, полковник, еще возбужденный необычной посадкой, громко спросил:

— Ну, как тут живут-поживают мои юные однокашники?

Денисов непонимающе поднял кустистые брови и переспросил:

— Однокашники?

Сидоров подсказал:

— Товарищ полковник — воспитанник Качи... — Хотел еще добавить: «Я его экзаменовал!», но раздумал — промолчал.

— М-м... Теперь понятно. Нормально живут. Совершенствуются, а многие из них, можно считать, накануне выпуска.

Полковник беглым взглядом окинул аэродром и кивнул:

— Ну-ну... Как говорится, поглядим, для того и прилетели.

Не мешкая, инспектора разошлись по отрядам. Они не только вникали в постановку обучения и работу инструкторов — для чего, собственно, и прибыли, — но и присматривались к действиям курсантов на земле и в воздухе, что-то записывали в свои кондуиты.

В отряд капитана Анистратова пришел сам руководитель инспекции и долго задержался в группе Коршунова.

Старались все. Даже робевший обычно при высоком начальстве Котомкин-Сгуров выполнил пилотаж довольно уверенно, правильно построил комбинацию фигур, завершив ее двухвитковым штопором. Степан Микоян, казалось, превзошел самого себя — пилотирование его отличалось не только мягкостью и плавностью, но и предельной отточенностью.

Полковник сидел за походным столиком с Анистратовым и веселыми глазами всматривался в действия каждого курсанта, явно симпатизируя тем, кто, пилотируя, стремился к той грани, за которой начиналось мастерство. Тимур терпеливо дожидался своей очереди и успокаивал себя: «Если уж Сгурич не стушевался, то я как-нибудь не оплошаю». А в воздухе уже летал по кругу Рюрик Павлов.

«Так, Рюрик! Покажи главе инспекторов, на что способны коршуновцы! Ведь инспекция прибыла не только проверять организацию нашей учебы на новом месте, но и присмотреться к выпускникам, готовым летчикам-истребителям, — об этом уже все знают... Так, Рюрик, так... Отличный разворот!» — мысленно подбадривал товарища Тимур. И вдруг у самого уха:

— Как самочувствие?

— Нормально. А почему вы об этом спросили?

— По-моему, вы нынче чем-то взволнованны, — сказал Коршунов, ощупывая пристальным взглядом лицо Тимура, — обычный легкий румянец его загустел.

— Все же серьезный экзамен, товарищ лейтенант. Как тут не волноваться! Стою вот и прикидываю... — Лоб Коршунова собрался в гармошку, а Тимур заговорщицки пояснил: — Хочу главному экзаменатору во всем объеме показать, чему вы нас научили.

Коршунов еще внимательнее посмотрел на старшину и строго предупредил:

— Выполнять только те фигуры, что я с вами отработал. Никакой отсебятины!

— Так точно, только те... — подтвердил Тимур и умолк, следя, как Рюрик Павлов расчетливо сделал последний разворот и пошел на посадку.

— Ефрейтор Фрунзе! — окликнул Анистратов. — Задание: два полета — один в зону и один по кругу, фигуры в рамках программы, общее время пилотажа — тридцать минут.

— Задание понял.

— Встречайте Павлова и — в самолет!

— Слушаюсь! — И побежал к ограничительному флажку.

Тимур стремительно набрал высоту, вошел в свою зону и после трех безошибочных глубоких виражей чисто выполнил всю программную серию остальных фигур.

Анистратов взглянул на полковника. Тот неопределенно ухмыльнулся и, скрестив руки, стал покачиваться на походном стульце.

...Плавно подтягивая ручку на себя, Тимур отчетливо вспомнил условие задания. Все предусмотрел командир отряда — и количество полетов, и программу пилотажа, и время... А высоту? Само собой подразумевалось: как всегда, обычная учебная высота при пилотировании — тысяча метров по выходе из фигур. Но о ней-то, о вы-

соте, ничего сказано не было. И Коршунов напомнил только про отработанные фигуры, а о высоте — ни слова.

Вспомнив, что Чкалов оценивал мастерство летчика-истребителя чистым выполнением быстро сменяющихся фигур при наибольшей скорости и наименьшей высоте, Тимур мгновенно принял решение.

Во имя чего такой риск?

И это давным-давно усвоено: во имя его же, чкаловского, девиза выжимать из машины все, что она может дать, чтобы полностью использовать ее качества во всех случаях боевой обстановки.

«А мне ж не сегодня-завтра на фронт... в бой!»

Рука легла на сектор газа. Прибавлены обороты.

Выполнив задание, Тимур, как могло показаться, значительно раньше заданного времени пошел на посадку. Однако его самолет, едва достигнув стометровой высоты, снова набрал достаточный запас скорости и свечой взмыл в подернутое дымкой рассеянных облаков августовское небо. В верхней точке, свалив самолет на крыло, вошел в штопор.

Анистратова словно подбросило. Он так резко вскочил, что чуть не опрокинул легкий походный столик. Полковник, продолжая сидеть, придержал локтями и не дал столику упасть.

— Что он вытворяет! — вырвался у командира отряда возмущенный возглас, и гладко выстриженный под «полубокс» затылок — от среза темно-синей пилотки до белой каемки подворотничка — побагровел.

На пятом витке (а разрешалось не более двух-трех, и то там, где это полагалось, в зоне) Тимур вышел из штопора, уверенным переворотом через крыло перевел самолет в горизонтальное положение и, набрав скорость, взметнулся вверх, описывая точную петлю.

Коршунов побледнел. Он стоял, опустив руки, не в силах еще поверить в то, что творилось на минимальной

высоте: ведь при выходе из каждой фигуры не то что тысячи, но и сотни метров, пожалуй, не было.

На второй петле, когда самолет лег на спину, Тимур повернул послушную машину на пол-оборота, описал полный круг с глубоким креном, выполнил серию бочек, вывел самолет точно по ориентиру, выпустил шасси и, четко зайдя на посадочную прямую, приземлился на три точки.

Зарулив и выключив мотор, взглянул на часы: тридцать минут только что истекло. Некоторое время сидел в кабине, слушая разлившуюся в ушах звенящую тишину. И вдруг эта тишина прервалась отдаленным окриком:

— Курсант Фрунзе — ко мне!

Отстегнул ремни, выпрыгнул из кабины, поправил гимнастерку и побежал к столику, перед которым, широко расставив ноги, монументом возвышался командир отряда.

«Не сбиться бы и четко доложить, а там — что будет, то и будет, — думал Тимур, подбегая к разгневанному капитану. — Главное сделано: полковник воочию убедился, что ефрейтор Фрунзе не зря целый год белый курсантский хлеб с маслом ел...»

Анистратов недобрым взглядом уставился в разгоряченное лицо Тимура и, казалось, не слышал громких слов его доклада. Когда губы курсанта плотно сомкнулись, Анистратов, нажимая на «р», объявил:

— За пр-р-реднамеренный пилотаж на недозволенной, кр-р-ритической высоте ар-р-рестовываю вас... на пятнадцать суток!

Тимур смотрел капитану в глаза — обычно приветливые, добродушные, но сейчас холодные и неумолимые. Анистратов, не оборачиваясь, окликнул:

— Лейтенант Коршунов!

— Я вас слушаю, товарищ капитан, — чужим, усохшим голосом отозвался тот, спешно подходя.

— Ефрейтора Фрунзе немедленно отправьте на гаупт-

вахту. — И жестко повторил: — На пятнадцать суток. Все. Выполняйте.

Остальных курсантов группы словно парализовало. Они не заметили, как вышли за пределы квадрата и стояли плотной кучкой, еще не осознав до конца случившегося: их старшину уводили на губу! Первым заговорил Степан Микоян:

— А Тимка летал-то как, а? Сила!

Котомкин-Сгуров хотел, как всегда в подобных случаях, возразить, и на кончике языка уже накопило злорадование: «Вот вам и хваленый блюстителъ уставного порядка! Вот вам и старшина! Вот вам и...» — но вовремя осекся. Увидел: ребята все чуть ли не восхищены поступком Тимура.

Полковник замедленно привстал, отодвинул в сторонку походный стул и, сдерживая загадочную улыбку, подошел к Анистратову.

— Не строго ли наказали?

— Имел бы бóльшие права — на всю б катушку разматал, — еще не остыв, выпалил командир отряда. — Не только нас, себя в первую очередь подвел. Себя!

— А я, знаете, не ожидал: поразил меня ваш Фрунзе. Отличнейше летал!

Подбородок у Анистратова упрямо, по-боксерски, выдвинулся вперед. Помолчал и спокойнее ответил:

— Разве у меня глаз нет? Видел, что летал отлично. Но такое самовольство курсанту с рук не должно сходить. — И тяжело вздохнул. — Как грамотно выполнил первый пилотаж — ни сучка, ни задоринки... А на втором — словно бес в него вселился. И что ему взбрело в голову похулиганить у инспектора на глазах? Серьезный же парень!

Умолк, однако продолжал мысленно сокрушаться: «Эх, Тимур, Тимур, и начал учебу с коников — скачки, слышал, на аэродроме устроил, — и кончаешь школу с выкрутасами — воздушную джигитовку учинил!»

— Что ему взбрело в голову, спрашиваете? Хотите, отвечу? Это я виноват.

Анистратов с сомнением взглянул на полковника:

— Вы?

— Был накануне такой грех. Зашел в курсантскую курилку и обмолвился, что «школьных асов» после переучивания на «яке» ожидает незамедлительное назначение в боевые московские авиачасти. Вот ваши «асы» и стараются. Так что, капитан, придется наказание курсанту Фрунзе свести до минимума. И знаете почему? — Анистратов насупился. А инспектор ударил правым указательным пальцем по левому мизинцу, загнул его: — Во-первых, в вашем задании не была определена высота...

— Высота? Известно всем, какая высота! А выполнение недозволенных фигур в пилотаже по кругу?!

— Во-вторых, — рядом с мизинцем улегся безымянный, — в выводах инспекции я отмечу, что курсант Фрунзе уже сегодня зрелый летчик. А посему... — загнув средний палец, потряс всей кистью и по-приятельски подмигнул, — победителей не судят... Кстати, как он стреляет?

— Метко стреляет. Сам проверял его... Однако насчет зрелости и прочего — ваша воля, отмечайте. Что же касается незамедлительного назначения, то смею заметить: их группа и так на днях выпускается. Вся. Так что, извините, более незамедлительно никак не получится.

Тем временем на гарнизонной гауптвахте состоялась неожиданная встреча Тимура с дежурным по краснокутскому авиагородку. Увидев его, Тимур смутился: дежурным оказался физрук Федоренко. Просматривая записку об арестовании, тот даже вскрикнул:

— Как же так?! Ведь у вас вот-вот выпуск!

Пряча смущение за шутливую интонацию, Тимур ответил:

— Сложный вопрос... А вообще-то рискнул на такой

тактический ход, чтоб инспекция в лице ее главы учла наши возможности.

— Ваш тактический ход может лично для вас обернуться не лучшим образом. А пока... — Федоренко пошуршал запиской, — обернулся пятнадцатью сутками. — И вдруг недоуменно подумал: «Пятнадцать? Их же группу раньше... буквально на днях должны выпустить!»

— Многовато, конечно, — поморщился Тимур.

— Что же, будет достаточно времени подумать: правилен ли был ваш «тактический ход»?

Но думать Тимуру долго не пришлось. На тощем соломенном матраце он проспал всего лишь одну ночь, а утром по случаю досрочно организованных выпускных испытаний ему вышла «амнистия».

В бараке первой эскадрильи ни души. Только дневальный Володя Микоян радостно поприветствовал и шутливо отрапортовал:

— С благополучным возвращением! И смею доложить: все курсанты на аэродроме. Инспекция во главе с полковником шурует во всю. — Намекаяще прикрыл один глаз: — А ваша группа сдает наставление по производству полетов. Между прочим, как у тебя с этой дисциплинкой?

Тимур понял намек: поправил на его ремне лакированный футляр с плоским штыком — обязательный атрибут дневального — и пошел к выходу, бросив через плечо:

— С наставлением полный порядок — знаю, как дважды два. И тебе советую почаще заглядывать в ту полезную книжицу.

— Книжица — теория! — крикнул вдогонку Володя. — А как у тебя на практике?

— А это — какими глазами смотреть, — отворив дверь, приостановился Тимур. — Смотри на вещи просто, как учил твой великий тезка Маяковский... И с прицелом! — Дверь с треском захлопнулась.

У одного из барачков учебного корпуса в курилке дымили курсанты.

«Перерыв, что ли? — прикинул время Тимур и еще издали приметил, что никого из его группы в курилке нет. — Наверняка штудируют наставление». Многих других курсантов узнал — Рыжов, Крапивин, Безродных, Козлов... Рядом с Козловым понуро сидел незнакомый парень — то ли курсант, то ли красноармеец. Хотел проскочить мимо — скорее б в класс! — но его окликнул Крапивин:

— Тимур! А у нас тут слушок прошел, что ты на губе отсидживаешься!

Замедлив шаги, свернул в курилку, от предложенной Рыжовым папирсы отказался.

— Насчет губы не будем вдаваться в подробности... Скажите лучше: как сдается внеполетная подготовка?

— Хотя и с высоким напряжением, но мы-то ее все же сдаем, — пробасил Рыжов, — а вот он, глядя на нас, страдает.

Понурый парень в ношеной гимнастерке с новыми, сплошными петлицами так глубоко затянулся, что, поперхнувшись, закашлялся. Безродных перехватил взгляд Тимура и пояснил:

— Только что спорол курсантские петлицы и, как таковые, нашил бойцовские.

— В моей группе был, — добавил Козлов. — На днях из госпиталя прибыл. Может, слышал, перед самой войной на Каче стряслось ЧП на парашютных прыжках? С ним.

«Так это ж Ткаченко!» И Тимур живо припомнил тот день: пилотаж на серебристом «ястребке» генерала Туржанского и омраченную радость незабываемого полета.

Ткаченко засмутился. Словно оправдываясь, сказал:

— Сначала лежал в севастопольском госпитале, а попер фриц — в саратовский перевели. Вот там-то, в Саратове, и списали меня из летного состава подчистую.

— Увольняют в запас, что ли?

— Да что ты! В такое время — и в запас! Обратно в школу направили. — И как-то виновато улыбнулся: — На должность укладчика парашютов.

Козлов ободрил приятеля:

— А что? Ответственная должность!

А Ткаченко в сердцах шмякнул окурки в закопанную по верхний обруч бочку с водой:

— А я чувствую... понимаешь, чувствую, что смогу летать, и это не помешает мне.

Тимур сочувственно поглядывал на бледнощекого, чудом вырвавшегося из могилы парня. Захотелось как-то ободрить его, поддержать.

«А что, если...» Неожиданная мысль обострила желание помочь ему и он встал:

— Пройдемся малость. По-моему, мы что-то придумаем.

Козлов прицельно метнул в бочку недокуренную папиросу, попал в плавающий в центре окурки и поощрительно хлопнул приятеля по спине:

— Выгорит! Крой, Вася, и не унывай!

Курсанты оживленно зашумели, а Тимур и еще сильнее побледневший от волнения укладчик пошли в сторону учебного корпуса.

— Слушай внимательно. В школе работает инспекция ВВС, знаешь?

— Да, видел. Полковник даже в курсантскую курилку, говорят, заглядывал.

— Вот-вот! Именно к нему тебе и следует обратиться.

— К главному инспектору? — недоверчиво переспросил Ткаченко.

— К нему. Расскажи все как было, и вот так же страстно, как только что, заверь: летать, мол, смогу, а в профессии летчика вижу смысл своей жизни, тем более сейчас, когда надо беспощадно бить, громить, гнать назад врагов. Примерно так и скажи — и все будет в порядке.

Ткаченко заволновался, начал одергивать лямку гимнастерку, поправлять старенькую пилотку, словно немедленно собирался ринуться на поиски руководителя инспекции.

— Неужели войдет в положение?

— Уверен. Я о нем малость наслышан. Он наш, казинец, человек душевный и простой, любит авиацию и тех, кто влюблен в нее. Конечно же и в положение войдет, и поможет.

Ткаченко тонкими пальцами потирал подбородок, а потом решительно остановился и отчаянно махнул рукой:

— Была не была! Собственно, терять мне нечего. Обращусь.

Тимур протянул руку:

— Желаю удачи. И верю — будешь летать. А я, извини, спешу сдавать наставление по производству полетов, — и, поманив его пальцем, сообщил как нечто секретное: — На губе я и впрямь сидел. Сутки. Неприятная, скажу тебе, это штука — губа. Ну, до встречи в небе!

В тот же день в листке оценок успеваемости курсанта Фрунзе по внеполетной подготовке в графе «Наставление по производству полетов» появилась оценка. Прежде чем вписать ее, преподаватель с минуту размышлял, вспоминая, вероятно, рассказы-пересказы о «вопиющем нарушении» именно этого наставления и именно этим курсантом.

«Но как он нарушил! Сам Чкалов наверняка сграбастал бы его в свои медвежьи объятия и расцеловал за такое нарушение...» И перо твердо вывело: «Отлично».

А вскоре лист оценок курсанта Фрунзе вместе с такими же другими лег на стол начальника учебно-летного отдела Бирюкова. Прежде чем подписать, он сказал майору Сидорову, листавшему за соседним столом какие-то бумаги:

— Иван Сергеевич, вы только послушайте: строевая

подготовка — отлично, физподготовка — отлично, топография — отлично и даже, понимаете, наставление по производству полетов — отлично...

— Разве отличники по данным предметам редкость? Вы читайте дальше.

— А вы послушайте: матчасть самолетов — отлично, матчасть моторов — отлично, метеорология... воздушная стрельба... теория и техника полета... штурманская подготовка... бомбометание — все-все отлично!

Сидоров встал и заглянул в лист.

— Так и подумал — Фрунзе.

— Да, он.

— Способный, скажу вам, юноша, — задумчиво промолвил Сидоров, возвращаясь на свое место. — Сам проверял его в воздухе. А знаете, что отколюл он однажды, пилотируя в зоне?

— Вы о его эквилибристике на малой высоте?

— Нет, о другом случае, на Каче. Как-то Тимур пилотировал И-16 в зоне. Туда залетела «Чайка»: летчик из соседней части решил подугать курсанта. И сам напугался: И-16 вмиг оказался у него в хвосте.

— Молодец качинский орленок! — восхитился Бирюков и с особым удовольствием одним росчерком подписал оценочный лист.

В тот же день в тесноватом кабинете начальника школы между генералом Денисовым и полковником комиссаром Горбуновым велся необычный разговор:

— Что будем делать?

— Ваше последнее слово.

Генерал еще раз просмотрел оценочные листы по внеполетной подготовке и заключение комиссии выпускных испытаний по технике пилотирования; комиссию возглавлял он же, Денисов, и над своей подписью прочитал четко выписанную строчку: «Техника пилотирования стработана отлично».

— Н-да-с. Эту оценку поставил ему Сидоров. А у ме-

ня, прямо скажу, в данном случае положение хуже губернаторского: все оценки отличные, а награды ему, как двум другим таким же круглым отличникам, дать не могу. Многие не поймут.

— Не многие, а некоторые.

— Мнение некоторых порой бывает убийственнее многих.

— Славный же, черт возьми, парень! И летчик хороший!

— И все же не могу. Остающиеся награду расценят как наше косвенное одобрение его дерзкого пилотажа на пределе... Нет, давай, комиссар, воздержимся. Он умный малый, поймет наш приказ правильно. Ограничимся благодарностью.

Минул день, и во всех эскадрильях на построении зачитывалось:

ПРИКАЗ

по Качинской Краснознаменной
военной авиационной школе
имени А. Я. Мясникова
№ 363

4 сентября 1941 года

г. Красный Кут

...Командиру эскадрильи майору Гайдамака Ф. К. и командиру отряда капитану Анистратову И. К., обеспечившим своим руководством и хорошей организацией летную подготовку курсантов с хорошим качеством и без летных происшествий, объявляю благодарность.

За успешное выполнение плана летной подготовки и за хорошую методическую работу в группе командиру звена лейтенанту Коршунову К. В. объявляю благодарность и награждаю деньгами в сумме 300 рублей.

Младшему воентехнику Пашкову Н. А., обеспечившему выполнение плана летной подготовки бесперебойным выходом и хорошей подготовкой к полетам материальной

части, объявляю благодарность и награждаю деньгами в сумме 200 рублей.

За успешное окончание школы и хорошую технику пилотирования курсантам-выпускникам Микояну С. А. и Ярославскому В. Я. объявляю благодарность и награждаю деньгами в сумме 150 рублей каждого; курсантам-выпускникам Фрунзе Т. М., Баранцевичу О. В. и Павлову Р. С. объявляю благодарность.

Расход отнести за счет моего наградного фонда.

Начальник школы
генерал-лейтенант
авиации
ДЕНИСОВ

Военком школы
полковой комиссар
ГОРБУНОВ

Выпускников принял генерал Денисов. Любовно оглядел их в новой форме, удовлетворенно кивнул и поздравил с присвоением лейтенантских званий. Потом выразил сожаление, что их не удалось переучить на новый самолет Як-1 непосредственно в школе. Троих лейтенантов — Микояна, Фрунзе и Ярославского — приказано отправить в 8-й запасной истребительный авиаполк, остальных — в другие запасные авиачасти, и уж оттуда — на фронт. Встал, обнял каждого и пожелал легких крыльев и боевого счастья.

Сбылось!

Выпускники-лейтенанты, волнуясь, прощались со своими командирами, наставниками и преподавателями. Один Котомкин-Сгуров, оплошавший на экзаменах и переведенный в группу, выпускавшуюся несколько позже, сторонился своих товарищей и самолюбиво покусывал губы. Тимур все же отыскал его и, цепко ухватив за руку, не дал ретироваться.

— Давай, Сгурич, не будем поминать друг друга лихом? А то, что задерживаешься малость, не велика печаль.

Котомкин-Сгуров поежился и вдруг признался:

— Все время тянулся за тобой, хотел догнать. Но ты не улыбайся. Еще догоню.

— А я потому и улыбаюсь, что верю — догонишь. Обязательно догонишь! До встречи, Сгурич, во фронтовом небе!

Когда торжество улеглось и жизнь школы вошла в свой обычный деловой ритм, Тимур перед отъездом на станцию отыскал еще одного человека — Коршунова, — с кем хотелось поговорить с глазу на глаз.

— Товарищ лейтенант, разрешите особо... Спасибо за науку, за дружбу, за долготерпение — за все, за все. И не обижайтесь на меня.

— За теплые слова признателен, товарищ... — Коршунов широко улыбнулся, взглянул на голубые, окантованные золотой тесьмой лейтенантские петлицы Тимура, — товарищ лейтенант. И, ей-ей, не обижаюсь.

— Я вас обниму, товарищ лейтенант, — сказал Тимур.

— И я вас, товарищ лейтенант, — сказал Коршунов.

— До встречи после победы, товарищ лейтенант!

— До встречи, и только так, товарищ лейтенант!

Два лейтенанта крепко, по-мужски обнялись и разошлись, не подозревая, что после победы, в которой они не сомневались, встречи у них не будет, как и у многих других...

До отхода поезда оставалось несколько минут. Юные лейтенанты, еще не привыкшие к своему новому званию, стояли у набитого битком вагона и молча выкуривали «прощальные» краснокутские папиросы (один принципиальный Степан Микоян, давший себе зарок никогда не курить, не закурил и сейчас; Тимур же попыхивал папирой ради компании), когда к их вагону подбежал запыхавшийся укладчик парашютов.

— Фу, думал не застану... — Отыскав Тимура, Ткаченко неловко козырнул и, запинаясь, сообщил: — Все в

ажуре! Ты... простите, вы были правы: полковник посидел со мной в той самой курилке, угостил «Казбеком», выслушал, а потом организовал медкомиссию. Одним словом, только что узнал решение: признан годным. Правда, для... малой авиации.

— Порядок, Василий! А то, что для малой, не беда. Малая авиация, как пишут в газетах, большие неприятности Гитлеру доставляет. Одним словом, поздравляю!

Протяжный гудок паровоза всколыхнул всех. Лейтенанты, радуясь с Тимуром за Ткаченко, нанеребой пожали ему руку и полезли в вагон.

— Спасибо и вам, лейтенант Фрунзе! — пошел рядом с медленно поплывшим составом Ткаченко.

Тимур, держась за поручни, обернулся:

— А уж я-то тут ни при чем! Свою настойчивость благодарю!

Ткаченко, махая рукой, отстал. Поезд набирал скорость.

Потом Тимур, протиснувшись в душный вагон, долго стоял у открытого окна, смотрел в безлюдную приволжскую степь. И только телеграфные столбы пробегали мимо да шинельным сукном серело разлинованное проводами зовущее небо. И еще не покидала нетерпеливо-ликующая мысль: «Завтра буду в авиаполку!.. Скорее бы настало это завтра...»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Лейтенанты Фрунзе, Микоян и Ярославский прибыли в 8-й запасной истребительный авиационный полк, который базировался на обширном полевом аэродроме у небольшого местечка. Свой бивачный авиагородок

летчики в шутку называли Копай-городом — весь личный состав и полковые службы размещались в землянках. Здесь, в запасном полку, летчики овладевали новой техникой, здесь формировались части, подразделения и отдельные экипажи для отправки на фронт.

Вышагивая к штабу, качинцы невольно задержались и засмотрелись в серое осеннее небо. С аэродрома то и дело взмывали остроносые истребители с прозрачным колпаком над кабиной пилота.

— Вот они — «яки», — сказал Тимур.

— На таком класс приземления показал глава инспекции, — напомнил Владимир.

— Хорошая машина, — подал голос и Степан. — Но я, признаться, надеялся, что нас направят поближе к Москве.

— Был такой разговор, — заметил Тимур.

— Там переучивают на «миги»... Это ж сила — «миги»!

— Тимка, слышишь? Зов родной крови, — поддел Ярославский.

Степан было загорячился, но Тимур пресек спор на корню:

— Ерунда! Никакого зова. Степка прав. И я бы тоже хотел, чтобы мы сейчас шагали не по Копай-городу.

В штабной землянке с качинцами в первую очередь побеседовали политработники, и сразу же над новыми комсомольцами взял шефство комсорг полка лейтенант Ерофеев. Испытующе поглядывая на необычных новичков (не каждый день в Копай-город прибывают летчики с такими выразительными фамилиями!), он обстоятельно поинтересовался, как доехали, как устроились, какие будут вопросы.

Отвечали коротко. А под конец беседы Тимур доверительно сказал:

— Товарищ комсорг, вы о нашем настроении не беспокойтесь. Настроение одно: скорее бы попасть на фронт

и беспощадно громить врага. А насчет вопросов, у нас он один: как скоро можно надеяться сесть в кабину «яка»?

Лейтенант Ерофеев едва заметно улыбнулся и удовлетворенно сказал:

— Рад вашему комсомольскому запалу и рвению. А на аэродром завтра, с утра.

— А за сколько дней в вашем Копай-городе переучивают? — самоуверенно спросил Ярославский.

— Дней? — еще шире улыбнулся Ерофеев. — Помните золотое правило: всему свой срок! А наш Копай-город стал теперь и вашим.

На следующее утро троих друзей прикрепили к одному инструктору, и снова день за днем потянулись учебные будни на полевом аэродроме. Несколько успокоившись и попривыкнув к своему новому положению — что-то вроде курсанта-лейтенанта, — Тимур при первых же ознакомительных полетах с инструктором понял: Як-1 — машина на редкость скоростная и послушная. Не раз восхищался: «Только подумаешь о перевороте или бочке, а «як» рад стараться — спешит выполнить твою волю».

В один из вечеров, вернувшись с аэродрома, он спросил своих товарищей, шутливо бравируя знанием украинских словечек:

— Хлопцы, ну як «як»?

Те ответили почти в один голос:

— Отличная машина!

Тимур широко взмахнул руками и обнял друзей за плечи:

— Будем считать инцидент исчерпанным: переучиваться в Копай-городе, так по-качински!

Неделю спустя комсорг полка поинтересовался у инструктора:

— Как мои качинские комсомольцы?

Тот заговорил быстро и выпалил, как из автомата:

— Понимаешь, Ерофеев, прямо не верится, что они сыновья видных государственных деятелей — скромны,

внимательны, усердны, а главное — способные летчики. Одним словом, дело у них идет в темпе — усваивают новый материал и отрабатывают каждое полетное задание, как говорится, на лету.

И вдруг на последней неделе переучивания практические занятия забуксовали: перебой с бензином отразился на учебных полетах — то они сокращались, то переносились, то совсем отменялись. В такие дни летчики клялись не только пустующие бензовозы, но и ни в чем не повинный Копай-город. И все же тот срок, о котором наметнул комсорг, настал. Переучивание успешно завершилось, когда полили холодные осенние дожди, а по утрам лужи стали стекленеть от первых бодрящих заморозков.

Тимур держал в руках прохладно шуршащую бумагу и не без труда усмирил рвущийся наружу восторг. В направлении, выданном для предъявления в отдел кадров ВВС, сообщалось, что лейтенант Фрунзе после окончания Качинской авиашколы «переучился на самолет Як-1 и соответствует кадрам Военно-Воздушных Сил с использованием летчиком-истребителем в действующей армии».

Выдавая проездные документы, начальник строевой части сказал им:

— За отличное овладение новым самолетом командование вас поощрило: вам разрешено ехать в Москву через Куйбышев — ваши ж семьи там?..

Поблагодарили и пошли собираться в дорогу.

В день отъезда выпал обильный снег. Приземистые и мрачноватые крыши землянок обратились в белые взгорки, и весь унылый Копай-город сразу принарядился, повеселел. Повеселели и летчики, завершившие переучивание: документы оформлены, дорожные чемоданы уложены. Но прежде чем покинуть запасной полк и его аэродром, трое друзей-лейтенантов, подтянув ремни на своих кожаных регланах, поправив только что полученные к зиме новенькие ушанки с позументными «крабами», как

и в день приезда, вместе вошли в штабную землянку. Тимур по качинской привычке от имени троих выразил признательность командованию и политработникам за внимание, заботу и за науку.

Лейтенант Ерофеев, снимая их с комсомольского учета, хотел скрыть волнение, но расчувствовался и каждому с жаром потряс руку, приговаривая:

— В знаменательное время прощаемся с вами, товарищи летчики. — Шагнув к настенной карте, провел пальцем по новой фронтовой линии, значительно отодвинутой к западу. — Повернули-таки оглобли фашисту, погнали его от нашей Москвы! Поднажмите и вы по-комсомольски, чтоб он еще подальше, к чертовой бабушке, отлетел и откатился!

— Комсомол не подкачает! — бодрым возгласом ответил за троих Владимир Ярославский.

Из штаба вышли и зажмурились — ослепил подсвеченный солнцем снег.

— Визиты вежливости нанесены, — сказал Степан, прикрывая ладонью глаза. — А насчет Куйбышева мы и так были в курсе.

— Я бы сразу, без окольных заездов, первым же поездом рванул в Москву, — заметил Тимур, — но узнал, что в Куйбышеве сейчас находится Климент Ефремович.

— Разумеется, тебе с ним обязательно надо повидаться, — сказал Владимир.

— Это одно, — согласился Тимур. — Но есть и другое...

— Ох и застрянем мы в Куйбышеве! — опасливо протянул Степан.

— Застрывать нам нельзя, ибо даже наш Сгурич... — И Владимир торопливо вынул из кармана примятый листок. — Вот, совсем забыл сказать вам, ребята, письмо получил от него. Вся группа Рыжова сдала экзамены, выпущена летчиками-истребителями в действующую армию. И Сгурич в том числе. Будут летать на «ишачках»!

— Вот вам и Сгурич — опередил-таки нас! — воскликнул Степан.

— Тем более... — подхватил Тимур и докончил прерванную мысль: — Но есть, как я сказал, и другое: с Климентом Ефремовичем на его самолете мы скорее доберемся до Москвы, а значит, и до управления ВВС. Тогда еще вопрос: кто скорее попадет на фронт — Рыжов со своей командой или мы!

— Стратегический план утверждается! — воодушевленно расписался пальцем в воздухе Владимир. — На станцию, друзья!

— Отставить, — спокойно пресек восторг Ярославского Степан. — Летчики вы или кто? Теперь слушайте меня: есть попутный самолет ТБ-3 до Сызрани.

— Только до Сызрани? — Владимир наморщил нос. — А там?

— Предложение Степки дельное, — вмешался Тимур. — А там — рукой подать до Куйбышева. Можно на пригородном поезде, а повезет — пересесть на другой попутный самолет.

— Повезет, — уверенно сказал Степан.

До Сызрани долетели благополучно. Но, к огорчению, узнали, что в Куйбышев другого самолета нет. Улетал, правда, У-2, но только на следующее утро.

— Не повезло. Что будем делать? — оглядел Тимур друзей. — Ведь на У-2 только одно свободное место.

Степан и Владимир переглянулись.

— Лети, Тимка, ты, — сказал решительно Степан.

— До утра еще надо дожить.

— Тогда поехали поездом, — предложил Владимир.

— Я согласен, — сказал Тимур.

— А я — доживу! — воскликнул Степан. — До встречи в Куйбышеве!

Пригородные поезда здесь еще не выбивались из графика, так что Тимур и Владимиру долго томиться не пришлось. Переполненный вагон гомонил обычными разговорами военного времени — пересказывали последнюю сводку Совинформбюро, все еще переживали падение Орла, гадали, удержится ли Тула, а кто-то читал газету вслух с выступлением Щербакова по Московскому радио:

— «Над Москвой нависла угроза, но за Москву будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови...»

Кто-то другой робко напомнил:

— Все правительство переехало в Куйбышев.

— Не все! — резко возразил чей-то голос. — Сталин остался в Москве, и весь Госкомитет Обороны!

— Это точно — Сталин остался в Москве, значит, не сдадим нашей столицы!

И почти все нещадно чадили самокрутками.

Тимур и Владимир огляделись — свободных мест не было. Присев на свои чемоданы, они привалились к простенку, Тимур, прикрыв веки, незаметно задремал — усталость взяла свое. Очнулся от какой-то тяжести. Владимир, уронив голову на его плечо, сладко посапывал. И вдруг в сизом сумраке накуренного вагона кто-то обронил слово «Самара».

Самара...

И Тимур стал думать о Самаре, нынешнем Куйбышеве, — городе, в котором начался полководческий путь отца. Сколько раз представлялся ему этот город на Волге, сколько раз слышал и читал он о том далеком героическом времени...

«Вот так, может, как и я сейчас, и он ехал в Самару в тот далекий январь девятнадцатого... Ехал на фронт командовать и конечно же не предполагал, что двадцать

два года спустя здесь же будет ехать его сын и тоже на фронт... — Сосредоточился на этой мысли: — Только увижусь с Климентом Ефремовичем — и на фронт. Поскорей бы...»

«По-ско-рей... по-ско-рей...» — настукивали колеса.

Смеркалось, когда поезд подкатил к перрону конечной станции. Подхватив чемоданы, они вышли из вагона. Узнав адрес комендатуры, пересекли привокзальную площадь и торопливо зашагали по заснеженным улицам Куйбышева.

С начала года после Москвы им не довелось быть ни в каком другом большом городе, и теперь на ходу они бегло разглядывали витрины магазинов, в которых пестрели агитплакаты ТАСС, рекламные тумбы, оклеенные сводками Совинформбюро, всматривались в озабоченные лица прохожих. Темнело, а фонари не зажигались.

— Здесь уже затемнение, — обронил Владимир.

Они сошли с тротуара на заснеженную, давно не расчищавшуюся обочину дороги. Один поворот, другой — и улица влилась в широкую площадь.

Перед зданием, растянувшимся чуть ли не во всю длину площади, на постаменте возвышалась огромная, с припорошенными снегом широкими плечами, фигура.

«Куйбышев!» — подойдя ближе, узнал Тимур, вспоминая этого человека в жизни. Боевой друг его отца был хорошо сложен, красив, мягок и наноминал Блока.

— Куйбышев, — констатировал Владимир. — Между прочим, ты знаешь, что он писал стихи?

— Знаю.

Пересекли площадь и почти сразу же приостановились у другого памятника — тоже боевому товарищу отца Тимура, Чапаеву. Вот этот впечатлял: начдив Чапай со своими бойцами-сподвижниками был изображен в порыве атаки. Смотришь — и хочется самому двигаться, идти вперед, действовать...

— Пошли быстрее, — поторопил Тимур и зашагал быстрее прежнего.

В комендатуре они представились и отметились. Тимур попросил соединить его с Ворошиловым. Владимир не стал мешать ему и сказал:

— Ну, я двину к своим, адрес знаю. Утром проинформируй насчет... возможностей.

— Каких возможностей? — нахмурился было Тимур.

— Ясно каких — побыстрее добраться до Москвы.

Разговор по телефону был кратким, а встреча обоюдно волнующей.

— Ну-ка, ну-ка, товарищ лейтенант!

Ворошилов бросил на раскрытую папку очки, торопливо встал из-за стола и, радушно разметав руки, пошел навстречу шагнувшему в кабинет летчику. Тимур сделал еще два размеренных шага, но не выдержал — рванулся и заключил в широкие объятия низкорослого, коренастого маршала.

— Ого-го! Чувствую, чувствую силенку... Да Тимурок ли это? — воскликнул Ворошилов радостно срывающимся голосом. Шутливо отстранившись, прищурился: — Точно, он самый. Только выше стал, в груди раздался, да еще ко всему прочему облачился в командирскую летную форму. Ну, дорогой мой, поздравляю.

— Спасибо, Климент Ефремович. Вам спасибо. За все.

— Ну-ну, Тимур... ну-ну... Уж мое-то тут дело десятое. Ты вот что, присаживайся и рассказывай, — потянул Тимура к кожаному старомодному дивану Ворошилов. — Сколько ж мы с тобой не виделись — полгода?

— Побольше, Климент Ефремович. Без малого год.

Как всегда, уселись рядом, и Тимур, припомнив последнее письмо к опекуну, не стал повторяться, а как бы продолжил повествование о своей жизни в авиационной школе и переучивании в запасном полку. Рассказал

все как было — и об успехах поведал, и о срывах не умолчал, даже в аресте признался.

Говорил, а сам внимательно наблюдал за выражением лица Климента Ефремовича — оно было прежним, просветленным, как в первую минуту встречи. Правда, само лицо несколько изменилось — под глазами залегли тени усталости, да виски и усы погуще прихватила изморозь. Когда же Тимур обмолвился об аресте, губы маршала сжались, а усы взъерошились жестковатой щеточкой. Поспешил успокоить:

— Авиашколу, а потом переучивание закончил отлично. Что же касается наказания, то оно, конечно, правильное, но зато инспектор ВВС наглядно убедился, что я готов к выпуску. Чему научился и что сам постиг — все показал.

— Показал — себя наказал. Ох, крылатые ребятки, чкаловские лавры не дают вам покоя!

— Лично мне, Климент Ефремович, не дают покоя незваные гости под Москвой.

— Тем гостям уже задали перцу. Горит под их ногами скованная морозом московская земля. Горит! И еще не так припечет им пятки!

— Я хочу, Климент Ефремович, как можно скорее быть в ряду тех, кто припекает им пятки. Только на фронт!

Ворошилов слабо похлопал ладонью по его колену и, не среагировав на последние слова, кивнул в сторону рабочего стола:

— Я тут должен срочные бумаги просмотреть, а ты с дороги отдохни — тебя проводят в мою обитель и ужин организуют, а утром еще поговорим.

Понял, Климент Ефремович ушел от прямого ответа. Начало главного разговора не понравилось, и Тимур вымуштрованно встал, подтянулся:

— Разрешите идти?

Уже из-за стола, вооружившись очками, Ворошилов нестрого погрозил пальцем, с растяжкой приговаривая:

— Товарищ лейтена-а-ант! — и, подумав о чем-то, согнал с лица улыбку. — Одним словом, Тимур, отдыхать: завтра разбуду ни свет ни заря. Поедем в одно важное место, где тебе кое-что вручу.

— Слушаюсь, — тихо сказал Тимур. Но, прежде чем уйти, проявил незнакомое упрямство: — Только к вопросу о фронте я все же вернусь.

Ворошилов с минуту смотрел на закрывшуюся дверь. Потер ладонью лоб и, замедленно опустившись в жесткое кресло, углубился в чтение бумаг.

После ужина Тимур побродил по затемненным улицам, вглядываясь в черные силуэты зданий, на которые конечно же смотрел его отец, а заметив за каким-нибудь каменным забором большой особняк, слабо освещенный подъездным синим светом, невольно замедлял шаг и думал: «Не в этом ли размещался штаб 4-й армии? Нет, пожалуй, не в этом, перед тем, знаю, забор не сплошной, а фигурно сложенный из кирпича». Улицы пустынные, спросить не у кого, и он повернул назад.

Возвратившись в «обитель» маршала, он увидел: постелили на диване, а какой-то майор сказал, что Климент Ефремович вернется поздно и велел передать, чтобы он его не дожидался, ложился спать.

Долго не мог уснуть. В голову лезли невеселые мысли, даже заподозрил, что, чего доброго, кадровики предупреждены — такого-то направить не в действующую армию, а в какую-нибудь тыловую авиа часть. От одной такой мысли обдавало жаром, хотелось немедленно встать и протестовать. Успокоившись, подумал: «Нет, Климент Ефремович не такой...» Сразу стало легче, диван куда-то сместился, поплыл...

Зимний рассвет еще не тронул широких окон, а они уже были на ногах. До завтрака спустились вниз, сели в черный приземистый лимузин и помчались по полутем-

ным, пустынным улицам. В свете приглушенных синей бумагой фар дымилась густая поземка.

«В какое «важное» место мы едем и что это за «кое-что»? — размышлял Тимур, откинувшись на заднем сиденье. Допытываться не стал — не в правилах. — Раз Климент Ефремович не счел нужным уточнять, значит, так надо».

Свернули в неширокую, всхолмленную придорожными сугробами улицу и вскоре остановились у небольшого дома.

— Приехали, — сказал Ворошилов и, прихватив кожаную полевую сумку, вышел из машины.

Тимур — следом. Несмотря на ранний час, в доме не спали: из приоткрытой почему-то парадной двери просачивался свет. Впрочем, узкая вертикальная полоска света тут же исчезла — то ли лампу загасили, то ли притворили дверь.

— Здесь обычно принимают посетителей в иное время, ближе к полудню, но нам с тобой недосуг — сразу же после завтрака вылетаем в Москву. Вот и сделано исключение. Более того, как вижу, нас ждут.

«В Москву!» И тело, несколько расслабленное от езды в удобной машине, взбодрилось. Ворошилов осветил карманным фонариком табличку сбоку дверей, Тимур прочитал: «Музей Михаила Васильевича Фрунзе...»

Остатки утренней расслабленности окончательно улетучились. Ни стучать, ни звонить не пришлось: на звук подъехавшей машины быстро среагировали, и дверь распахнулась.

— Добро пожаловать, Климент Ефремович и Тимур Михайлович! — приветствовала ранних гостей из ярко освещенного коридора сухонькая старушка в архаическом, со шнурочком, пенсне.

Она провела ранних посетителей в первую комнату и, показав на вешалку-рогулю (наверняка специально поставленную в простенке), не без гордости предложила:

— Прощу... У нас всегда тепло.

И тотчас на рогульках по-домашнему разместились маршальская бекеша с седоватой папахой и лейтенантский реглан с дымчато-синей шапкой-ушанкой.

Женщина нерешительно спросила:

— Осмотр с экскурсоводом или... сами?

— Сами, сами! — поспешил предупредить ее Ворошилов и вынул из полевой сумки плотный бумажный сверток. — Мы долго не задержимся. Так что доверьте нам на полчаса ваши тихие, светлые и теплые комнаты.

Женщина, придержав пенсне, наклонила голову и неслышно вышла.

Медленно двинулись от планшета к планшету, от витрины к витрине. Тимур внимательно разглядывал снимки — все знакомые, словно он уже побывал здесь когда-то.

«А вот эту фотографию вижу впервые», — отметил он, всматриваясь в лица изображенных: отец с двумя товарищами по Петербургскому политехническому институту; стоит независимо, студенческая шинель нараспашку, руки в карманах, а на ногах великоватые, словно с чужой ноги, ботинки.

— Любопытный снимок, — сказал Ворошилов. — И знаешь чем? На нем твоему отцу столько, сколько тебе сейчас... Он здесь как бы твой ровесник.

— Да, в четвертом году снят.

— Именно с того времени и началась его славная биография большевика. И ты — его девятнадцатилетний ровесник — тоже начинаешь свою биографию славно — стал кадровым военным.

Пошли дальше, переходя из комнаты в комнату. Когда проходили мимо бюста Фрунзе, Климент Ефремович придержал Тимура:

— Постоим здесь немного. — Шурша бумагой, развернул сверток и с торжественной приподнятостью продолжал: — Лейтенант Фрунзе, один предмет, который я тебе

сейчас вручу, был заготовлен мной в день твоего окончания авиашколы, другой — принадлежал твоему отцу, и сейчас по праву наследника ты его получишь. И то и другое я мог бы передать тебе еще вчера, но, думаю, ты поймешь, почему я это делаю здесь. — На ладонях, в развернутой бумаге, лежали пистолет в кобуре и самодельный кортик, в кожаном футляре, с цветной наборной ручкой. — Ты заслужил личное огнестрельное и холодное оружие. То и другое летчику-фронтовику крайне необходимо. — Вынув пистолет, Климент Ефремович провел пальцем по перламутровой накладке с дарственной гравировкой: «Летчику-истребителю Тимуру Фрунзе. К. Ворошилов. 4 сентября 1941 г.» — Это, — он протянул пистолет, — от меня, а это, — он протянул кортик, — от твоего отца.

Тимур побледнел от волнения:

— Благодарю, Климент Ефремович... — Взглянув на бюст, тихо произнес: — Спасибо, отец. — В горле пересохло, но он твердо выговорил: — Оружия... не посрамлю,

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

В Москву прилетели к полудню. Маршал и трое лейтенантов в летной форме с аэродрома к центру поехали по заснеженным улицам, хранящим суровые приметы прифронтового города: куски рельсов, сваренные ежами, холодные грани железобетонных надолб, штабеля мешков с песком у зеркальных витрин магазинов; во всех домах оконные стекла крест-накрест перечеркнуты бумажными полосками, а на архитектурных памятниках и стенах промышленных зданий камуфляжные пятна и разводы.

Подъезжая к Кремлю, трое друзей договорились долго

не засиживаться на московских квартирах, чтобы успеть еще сегодня явиться в Управление кадров ВВС.

— К четырем ноль-ноль — у кадровиков, — предложил Степан.

— В шестнадцать, — поправил Владимир.

— Договорились! — согласился Тимур.

И разошлись.

Тимур знал, что Климент Ефремович, не заходя домой, направился к Верховному Главнокомандующему. Хотел было незаметно прошмыгнуть в свою комнату, поставить чемодан и назад, но был перехвачен Лидией Ивановной.

— Батюшки-батюшки-батюшки — Тима!

И вынужден был стойчески перенести налет восторженной скороговорки, из которой узнал, что Петя с женой в Челябинске делают танки, что Екатерина Давыдовна сейчас у них, а вообще-то теперь живет в Куйбышеве и что Таня обязательно будет к вечеру — приходит домой поздно «усталая-усталая-усталая»...

Поблагодарив за информацию — обо всем этом он уже знал, — Тимур поспешил в управление.

Пожилой густобровый полковник неторопливо прочитал предписание, сделал какую-то запись в прошнурованной книге и буднично сказал:

— Ждите сигнала.

Тимур, помолчав, решил уточнить:

— Простите, а где... ждать-то?

— Дома, разумеется. Рабочий день-то, можно считать, уже пошел к концу, — сказал полковник и без видимой причины переставил пресс-папье с одной стороны чернильного прибора на другую. Скупо улыбнувшись, добавил: — Долго ожидать не дадим.

И все же неприятное чувство подозрения помимо воли закралось в душу Тимура.

Тут подоспели и Степан с Владимиром. Полковник их тоже выслушал и так же неторопливо прочитал точно такие же, как у Тимура, предписания и повторил, что и

им управление кадров не даст долго отдыхать. Тимур не выдержал и запальчиво ответил:

— Товарищ полковник, но мы приехали в Москву не отдыхать.

— Прилетели, — уточнил Владимир.

— И желали бы как можно скорее получить назначение в боевую авиачасть.

Полковник кашлянул в кулак и в конце сделанной записи для чего-то еще раз поставил точку. Подняв на Тимура и его друзей усталые глаза, пообещал:

— Ваше устное заявление примем к сведению.

Когда они вышли, Владимир заметил:

— Так он же — обратили внимание? — не выспался!

— Да, что-то такое есть в его глазах, — сказал Тимур.

— А может, он и совсем минувшую ночь не спал? — предположил Степан. — А мы его с фронта и с флангов атаковали.

Озадаченные, они вышли на улицу.

Валил густой снег, щедро наряжая в белые меха озабоченно снующих прохожих. Тимур предложил:

— Давайте завтра снова к нему явимся, только с утра?

Микоян и Ярославский согласились. Владимир, помолчав, сказал:

— Ну, на завтра договорились, а сегодня — кто куда?

— Есть два предложения. Первый вариант... — поднял мизинец Степан, — ввалиться к кому-нибудь всем вместе и ознаменовать... что именно — согласуем. Второй вариант... — показал большой палец, — ввалиться к кому-нибудь, но... самостоятельно.

— Я за второй! — вскинул большой палец Владимир.

— Принимается! — поспешил утвердить Степан.

— Ну, раз вы уединяетесь, пойду и я, но не к кому-нибудь, а домой — Таню хочу дождаться. Соскучился.

Друзья скрылись за мечущейся пеленой снега. Тимур повернулся, пошел в другую сторону, к Кремлю, и на первом же углу чуть не столкнулся с вышедшей из продуктового магазина девушкой, в синем пальто и сером вязаном платке, в каких теперь ходили почти все женщины тыла. Лица девушки не разглядел, а в самой фигуре и походке было что-то знакомое. «Конечно же это она...» И окликнул:

— Рита!

Девушка недоверчиво оглянулась, а узнав в высоком военном Тимура, приветливой улыбкой разгладила строгу ю складочку над переносьем...

— Тим... неужели ты?

Испорченное в отделе кадров настроение мгновенно развеялось. Он подбежал к ней и развел в стороны руки:

— Как видишь, собственной персоной!

Непроизвольно, по какой-то душевной инерции, он обнял ее и неожиданно для нее и самого себя звучно чмокнул холодными губами в холодную щеку.

Смутившись, с минуту разглядывали друг друга. Рита первая овладела собой и сказала:

— Какой ты стал большой и совсем непохожий даже на того, последнего Тима, которого я видела на вечеринке у Гербина.

— И ты, Рита, изменилась.

— Подурнела, да?

— Совсем нет... Похудела и стала, я бы сказал, какой-то пугающе взрослой. Учишься?

— Днем учусь, а по вечерам в госпитале дежурю, в палате раненых.

— Много их... раненых?

— Ужас! И почти все — с Западного фронта.

— Летчиков... много?

Не ответив, спросила:

— А ты где? Вижу по форме — лейтенант... летчик.

— Я, Рита, приехал в Москву лишь на денек-другой

за назначением в действующую. Завтра должен получить направление в авианолк. «После такого ответа, — облегченно подумал он, — остается одно — наседать и насесть на кадровика: завтра, и ни днем позже!» Стряхнув с рукавов снег, спросил: — Ты спешишь?

— Все мы теперь спешим. Просто не хватает времени ни для занятий, ни для дежурств, тем более для себя. Впрочем, сегодня выпал свободный часок: бегу домой стряпать. — Она приподняла хозяйственную сетку-авоську, в которой лежал газетный кулек с выпиравшими из него макаронами.

— Я тебя провожу.

Запорошенные снегом, они пошли рядом и первые десяток шагов молчали: Тимур думал о полковнике-кадровике, которого, безусловно, день-деньской атакуют и требуют срочной отправки в действующую армию, а Рита думала о нем, о Тимуре, и о таких же, как он, молодых летчиках, лежавших в госпитале с обгорелыми лицами и руками; о них она ему ничего не сказала.

Тимур поинтересовался:

— Кого из наших ребят видишь?

Ответила не сразу, словно припоминала, кого и когда она видела.

— Интересуют только ребята?

— Не будь придирой, как классная санитарка. Ты всегда перед уроками стояла в дверях класса и придирчиво разглядывала наши руки. Особенно у мальчишек. Помнишь?.. Я говорю вообще.

— Так вообще... На днях видела Веру. Разве с ней еще не встречался? Странно. Она тоже днем учится, а по вечерам дежурит. Только на крыше.

— Почему на крыше? На какой крыше?

— Сразу видно человека, оторвавшегося от земли. Летчик! Что такое немецкая зажигалка, знаешь?

— Представляю.

— Ты представляешь, а она, как и другие москвички,

охраняет по ночам свой дом от этих проклятых зажигалок... Румянцева как-то встретила. Бравый такой, командует артиллеристами. В тот день он уезжал со своей частью на фронт, куда-то под Москву. О Севе и Бобе Воздвиженских вспомнил: они, говорит, тоже воюют, но в разных армиях — огорчены, что их разобщили. Лева Гербин где-то на севере, об этом мне Жорик сообщил. Да и сам наш староста не вынес университетской тишины, запасся еще одними очками (на всякий случай) и добился зачисления в ополчение... Кого же еще встречала? — Складочка прорезала переносье.

Тимур слушал и думал: «Специально с Веры начала, но с ней я встречусь только тогда, когда получу назначение... А то что же получается?! Румянцев, близнецы, Левка на фронте, сама Рита дежурит по ночам в военном госпитале, а Вера воюет с фашистскими зажигалками, а ты, летчик-истребитель, сдал предписание в управление ВВС, но до сих пор не знаешь, когда и куда тебя назначат». И почти машинально спросил:

— Почему о Юрке ничего не скажешь?

— О Клоке? А разве ты с ним не переписываешься?

— Переезды.. Как-то потерялась у нас связь. И не только с ним.

— Эх вы, друзья!

Упрек чувствительно ужалил Тимура: действительно, кто виноват, что с Юрием, Вадиком и Львом у него прервалась связь? Никто. Сам виноват. Да обстоятельства. Рита призналась:

— С Юрой переписываюсь. Почти регулярно. Пишет и Климентьев. Он твой коллега — военный летчик. Тоже недавно уехал в какую-то авиачасть. А от Юры последнее письмо получила, по его намекам, из тылового городка. Прислал вырезку из газеты — его статейку напечатали, — из которой узнала, что он старший сержант, помощник командира взвода и готовится со своими бойцами в скором времени отправиться на фронт. — Помол-

чав, другим, притухшим голосом предположила: — Скорее всего, он уже в окопах, на передовой. И стоять он со своими ребятами будет до последнего... Часть-то их — точно знаю — чекистская!

«С чем и поздравляю тебя, товарищ лейтенант, — продолжал он болезненно реагировать на каждое сообщение Риты. — Все... буквально все на фронте — и Вадька-летчик, и Юра-чекист, и даже ополченец Жорка-очкарик! А ты — полюбуйся на себя со стороны! — неторопливо вышагиваешь по мягко заснеженной улице довоенной походкой беззаботного отпускника и со спокойной совестью слушаешь, как твои школьные товарищи воюют». Он внезапно остановился — под каблуками заскрежетал вдавленный в тротуар снег. Замер и спросил себя: «А почему завтра? Сегодня же!»

— Рита, извини. До конца не смогу тебя проводить. Понимаешь, мне срочно надо быть в одном месте.

— Понимаю, Тим. — И глаза ее на худом, бледном лице заметно расширились.

— До свидания, Рита, желаю тебе побольше учебы и поменьше раненых.

— О, если бы так, я была бы самой счастливой студенткой и сестрой милосердия! До встречи, Тим, все мы должны снова встретиться — и девчонки и мальчишки. Слышишь — все! — и ожгла ему поцелуем рдеющую от волнения щеку.

Он хотел подтвердить, что, конечно, все они после войны обязательно соберутся, как тогда, у того же Гербица... Но она уже была далеко, за все еще мечущейся на ветру завесой снегопада.

Тимур круто развернулся и почти побежал. Мысли работали учащенно, рождая новые, убедительные доводы. «Я должен расшевелить полковника, пусть он хотя бы на минуту проснется и тогда поймет, что совершенно невозможно откладывать назначение — и мое и ребят».

Когда Тимур вторично, уже к концу рабочего дня, появился в кабинете кадровика, то тот безучастно спросил:
— Слушаю вас, товарищ лейтенант. Что-нибудь забыли?

— Да, я забыл дополнить к своей последней просьбе несколько важных слов.

— Слушаю.

— Как следует из документов моих, Микояна и Ярославского, мы летчики-истребители. Нам хорошо известно, что именно такие летчики сейчас, даже в данную минуту, позарез нужны фронту. От имени троих прошу вас незамедлительно назначить в истребительный авиаполк, действующий на Западном фронте, под Москвой. Для нас это важно... И было бы справедливо, если бы такое назначение оформилось сейчас же, при мне.

После такой запальчиво произнесенной речи, казалось, кадровик протрет глаза и без проволочек оформит направление. Но для полковника «несколько важных слов» прозвучали холостыми выстрелами. Он стереотипно повторил то, что сказал при первой беседе.

Хотелось закричать, стукнуть по столу кулаком — чего раньше не замечал за собой, — но он вовремя остудил вспышку, приговаривая мысленно: «Спокойно, только не теряй самообладания... Может, здесь так проверяют твою выдержку?» Домой, однако, пришел к вечеру наэлектризованный: походил взад-вперед в своей комнате, а мысли вновь и вновь возвращались в кабинет полковника-кадровика.

«Нет, тут что-то не то... Посмотрим, что он завтра нам скажет троим». Потом вышел, прислушался к непривычной в этом доме тишине.

Квартира пустовала. Лишь Лидия Ивановна опускала на окнах черные бумажные шторы, зажигала в коридоре и столовой электричество — в люстрах вспыхивали неяркие одиночные лампочки.

— Это что — экономия?

— Предосторожность, Тима, предосторожность...

Он ходил по длинному коридору, снимал со стеллажей то одну, то другую книгу, но листал их беспечно, скорее машинально. Оживился с приходом сестры.

Таня, подстриженная под мальчишку, налетела на него с радостным возгласом:

— Ура! Тимка приехал!.. О... да ты еще выше стал!

— Выполняю личный план, — пошутил он и, широко расставив руки, шагнул к сестре.

За вечерним чаем Таня сидела рядом с ним и поражалась: «Неужели это мой братишка Тимка? Всех в нашем доме перерос!» Он больше слушал ее, чем говорил сам. А Лидия Ивановна то и дело подливала ему крепкого чаю, подсовывала домашнее печенье, а сама неотрывно смотрела на «нашего Тиму-Тиму-Тиму».

Поздно вечером позвонил Климент Ефремович и сообщил, чтобы его не ждали: всю ночь будет занят в Ставке, и Тимур ушел к себе, но спать долго не ложился. Не включая света, походил по комнате, хорошо ориентируясь в темноте, остановился у окна, отодвинул штору и долго смотрел в залепленное синим снегом стекло, следя за одиноким, шарящим по темному небу прожекторным лучом. Перед тем как раздеться и лечь, позвонил Степану, но его не было дома. Не застал и Владимира. Иронически усмехнулся: «Перед фронтом загуляли лейтенанты», а уже засыпая, подумал: «Хорошо бы нам снова в один полк попасть. Надо попросить — чего им стоит?!» И уснул.

Утром, к началу рабочего дня, Тимур в третий раз появился в управлении ВВС; тут же подоспели и Степан с Владимиром. Кадровик где-то задерживался, и Тимур тем временем предложил:

— Давайте в один голос просить назначения в один полк.

— А как же иначе? Только в один! — сказал Степан.

— Само собой разумеется, — подтвердил Владимир.

Полковник появился в глубине темноватого коридора, неся под мышкой связку тоненьких папок — личных дел. У дверей своего кабинета остановился, скользнул невидящим взглядом по лицам стоявших плечом к плечу лейтенантов — на сухих губах его промелькнуло нечто похожее на улыбку.

— Мы к вам, — сказал Тимур.

— Вижу и помню, — отозвался кадровик и едва приметным жестом свободной руки пригласил их в кабинет. Вошли и стали, как в коридоре, плечом к плечу.

— Присаживайтесь, — показал глазами на стулья полковник и, открыв сейф, извлек из него прошнурованную тетрадь, начал перелистывать.

Три пытливых взгляда не отрывались от ленивого, как им казалось, пальца, неторопливо ползавшего по исписанным страницам.

Стоп... Палец замер. Видимо, нужная запись найдена, и полковник легонько, без нажима, подчеркнул ее простым карандашом. Палец пополз дальше, снова остановился и снова карандаш прочертил тоненькую линию; точно так же карандаш прошелся и по третьей записи.

Владимир не вытерпел и тронул локтем Тимура. Тот понял и встал:

— Товарищ полковник, у нас большая просьба: не разъединять нас, назначить в один полк.

Полковник отложил карандаш в сторону.

— Не волен, товарищи, уже не волен: приказ состоялся, и вот... — Он трижды коснулся пальцем страницы: — Три разных полка, но в одной системе ПВО — будете защищать небо Москвы. Довольны? — Нижняя губа Степана разочарованно оттопырилась. — Разобщение ваше относительно — будете, как я уже сказал, защищать одно небо. — И, раскрыв папку, вынул заготовленные документы. — Вот, кстати, ваше предписание, товарищ недовольный лейтенант, — назначены в одиннадцатый истребительный авиаполк. Вы, лейтенант Фрунзе, — в сто шестьдесят

первый, а вы, лейтенант Ярославский, — в пятьсот шестьдесят второй... Вот вы и фронтовики. Так что ваше волнение, подогретое нетерпением, было преждевременным.

Пряча бумаги, друзья подавленно молчали — и от легкой грусти, что завтра они все же надолго расстанутся, и от понятной радости — наконец-то сбылась их мечта: с этой минуты они уже, можно считать, летчики-истребители боевых авиаполков!

Полковник встал, перегнулся через стол и каждому крепко пожал руку:

— Желаю боевого счастья!

На улице Владимир первый нарушил молчание:

— А и то верно — полки разные, а цель на всю войну одна: сбивать залетных гадов!

И после торопливой реплики Тимура: «Кто куда, а я собирать чемодан!» — обнялись с небрежностью бывалых асов. На том и разошлись.

Пасмурное настроение рассеялось с такой же быстротой, как и снеговые тучи. День на этот раз выдался ясным, морозным. Тимур, порывистый и нетерпеливый, широко вышагивал по улице, изредка поглядывая в обманчиво спокойную вышину, прокаленную до густой голубизны морозом. Заиндевший раструб репродуктора, подвешенный к фонарному столбу у Манежа, вещал о фронтовых буднях. Прошел мимо, но, услышав догнавшие его слова: «Подвиг летчика-истребителя», вернулся и остановился под репродуктором. Диктор читал:

— «Четырнадцатого декабря командир Н-ского истребительного полка майор Ковалев, выполняя боевое задание по штурмовке отступающего по Волоколамскому шоссе противника, обстрелял его растянувшуюся колонну реактивными снарядами. Однако на третьем заходе вражеские зенитки повредили советский самолет, загорелся мотор. Попытка сбить пламя скольжением не удалась. Тогда летчик, выбрав в отступавшей колонне врага наибольшее скопление танков и автомашин, перевел свой

горящий истребитель в пикирование и врезался в них. Майор Ковалев повторил подвиг капитана Гастелло: пожертвовав собой, уничтожил большое количество боевой техники и живой силы врага...»

Зубы стиснул так, что заломило в скулах. «Геройски, но гибнут же наши ребята... Надо спешить!» Словно куда-то опаздывая, он широко зашагал вдоль ограды заснеженного Александровского сада.

2

Сборы были недолги: отобрав из вороха теплых вещей, подсунутых ему хлопотливой Лидией Ивановной, только самые необходимые и присовокупив к ним новую для себя вещь — безопасную бритву, он все это сложил в прежний, курсантский, чемодан. Прихлопнув кулаком по барабанно охнувшей крышке, бодро подумал: «Остальное все на мне!» Собрался было застегнуть непослушные, то и дело отщелкивающиеся замки, как под руку подвернулась патефонная пластинка.

«Орленок», — сказал он самому себе и, покачав лакированный диск на ладони, словно взвешивая его, осторожно упрятал на самое дно. «Верин подарок и на фронте должен быть со мной, — решил он и почувствовал угрызения совести: до сих пор не дал о себе знать! — Если не хотел встречаться до назначения, то мог бы просто позвонить и хотя бы поздороваться с ней... А вдруг она узнала, что я уже второй день в Москве? Нехорошо, ой как нехорошо!» И заторопился к телефону.

Глазастый круг определенно вращался медленнее обычного... Но вот бегающие «глаза» замерли, уставились на Тимура черненькими зрачками цифр, а в трубке запели протяжные гудки: «У... У... У...» Щелчок. Безучастный женский голос спросил:

— Да? — «Не Вера... И не ее мама... Сестра? Конечно

же это она, старшая сестра!» А голос в трубке выразил нетерпение: — Слушаю вас... Нажмите кнопку!

— Кнопки нажимать мне нет необходимости, не из автомата звоню, — намеренно сгустив голос, сказал Тимур. — Пригласите к аппарату Веру.

— Кто спрашивает?

— Инспектор.

— Инспектор? Какой инспектор?

— Тот, который проверяет готовность очередных дежурных к гражданской самообороне.

После небольшой паузы озадаченно:

— Странно... Впервые слышу о таких инспекторах, однако не в том загвоздка...

— А в чем же? — еще гуще пробаритонил он.

— А в том, — выкрикнула телефонная трубка, — что вы, товарищ инспектор, ооздали: Вера не готовится к дежурству, а уже дежурит!

— На крыше?

— Вот именно, на нашем «седьмом небе»!

Тимур взглянул в окно и удивился — зашторено. В комнате горел свет. За сборами в дорогу не заметил, когда стемнело и как это удалось обычно стремительной Лидии Ивановне бесшумно наладить светомаскировку.

— На «седьмом небе»? Прекрасно. Инспектор на то и инспектор, чтобы инспектировать в любое время суток и на любом объекте. Найдем ее и на «седьмом небе». — И уже нормальным голосом: — Для нас высота не помеха!

— Ой, так это ж Тимур! Тимка, признавайся — ты? Ну чего молчишь, чертушка синеглазый, когда приехал?

«Значит, не знают, что я в Москве». От сердца отлегло, и он ядовито возразил:

— Вы, уважаемая, дальтоник. У инспектора глаза совсем иного цвета — кажется, сероватые.

— Тимка, Тимка!.. — Голос несколько отдалился и прозвучал как бы из глубины: — Мама, Тимур, приехал!

Он широко улыбнулся, бросил трубку на рычажок и побежал в переднюю одеваться.

Выйдя из Кремля, осмотрелся. Небо над Москвой непривычно распахнутое, холодное, многозвездное. До войны в такое время здесь он и не видел столько звезд: столичная иллюминация ослепляла. А сейчас кругом непроглядная тьма, и только вверху, выше угловато-черных очертаний крыш, выжидательно щурилось мерцающее, словно изрешеченное пулями, небо. В окнах домов ни единой светящейся точки; лишь кое-где в подъездах померные фонари, прикрытые сверху козырьками, слабо синели неясными пятнами, словно там, за шторками из ультрамариновой бумаги, горели не лампочки, а цедили свое холодное, призрачное свечение гнилушки.

Без труда ориентируясь, Тимур уверенно шагал по одной улице, сворачивал на другую и под конец, войдя в густую темень знакомого переулка, остановился у черной семизэтажной громадины. Присмотревшись к дому, различил в стеклах окон верхних этажей отраженную метель самых ярких созвездий. Вокруг ни души, ни звука.

«Где же ты там хоронишься, на своем «седьмом небе»? — Он отошел на середину мостовой. — Крикнуть, что ли?» Подумал и ужаснулся: чего доброго, подбежит к краю, оскользнется... И вошел через коротенький туннель подъезда во двор.

Двинувшись по-над стеной, Тимур почти сразу натолкнулся на прокаленные морозом железные поручни пожарной лестницы. Долго не раздумывая, он легко подтянулся и, нащупав ногой первую перекладину, как заправский пожарник, устремился вверх. Под легкими ударами подошв металлические перемычки струнно отозвались, а где-то на четвертом этаже вся эта бесконечная лестница на «седьмое небо» казалась уже каким-то исполинским, плохо настроенным музыкальным инструментом.

Крыша была сплошь занесена снегом, и при выходе на нее, еще держась за поручни, Тимур глубоко увяз в

хрустом, чуть заметно искрящемся намете. Здесь было значительно светлее, чем внизу. Осмотревшись, он подумал: «Скорее всего Вера пристроилась на чердаке, у выхода на крышу». Ближнее слуховое окно четко выделялось на сплошном снежном фоне уютным домиком. Подойдя к нему, потянул створку. Не поддавалась. Заведомо напрасно припал лицом к стеклу — темным-темно. Загребая ногами сыпучий снег, двинулся к соседнему слуховому окну — результат тот же.

«Целесообразнее всего ей находиться где-то в центре крыши», — решил он, приглядываясь к третьему слуховому окну. Он не сделал и трех шагов, как его притворил к месту внезапный окрик:

— Стой! Кто это?

Тимур не подозревал, что способен вздрогнуть так сильно. Вздрогнул всем телом и с досадой как бы прислушивался к расплывавшемуся под ложечкой сосущему холодку.

Голос женский, звенящий, а вслед прозвучал другой, густой и сипловатый:

— Чегось всполошилась? Чужаку тута делать нечего. По делу, стало быть, занесла нелегкая.

Тимур встряхнулся, присматриваясь: от широкой и плоской дымовой трубы отделилась громоздкая тень, медведем двинулась на него. Откашливаясь, спросила:

— Гахм-гахм... Вы, гражданин, извиняюсь, по какой нужде по пожарной всходне сюда прикарабкались?

— Инспектирую дежурных.

— Гахм-гахм... — Неуклюжая тень надвинулась на Тимура вплотную, и все мгновенно прояснилось: «медведь» с сипловатым голосом оказался Михеичем, сивоусым дворником в длиннополом тулупе. Он сразу узнал неожиданно-го гостя и смекнул, что к чему. Отступив в сторону, гаркнул: — Дежурная, тебя повыше начальство, нежелъ я, ис... инспектировать прибыло. Выходь! — Утер рукавицей заиндевелые усы и поплелся к слуховому окну, но сразу же

ворнулся и сбросил с себя тулуп: — Накинь на свою фансопистую кожанку, старинный знакомец, а то ночка грозит быть дюже морозной. — И ушел, сторожко притопывая пудовыми валенками.

Тимур, сдерживая дыхание, наблюдал, как из-за той же трубы выдвинулась другая тень, почти такая же широкая и приземистая. Сделав два-три шага, выжидательно замерла. Перешагнув через тулуп и выдерживая равновесие, Тимур начальственно приблизился к ней:

— Ну-с, как дежурится в компании с кавалером, не страшно?

В сугробе огромного овчинного воротника угадывалось бледное лицо девушки с немигающими глазами.

— Честное слово, такое только ты можешь придумать — ночью забраться на крышу, да еще по пожарной лестнице!

Сказала так, словно и не было у них почти года разлуки, словно виделись недавно, а он — такой нетерпеливый! — вздумал вопреки уговору нагрнуть к ней в неурочный час.

— Здравствуй, Вера... Ты что — обозналась? Это ж я!

— И слышу и вижу — ты. Здравствуй, Тим.

У него из-под ног начала уходить крыша; непроизвольно обеими руками ухватившись за огромный мохнатый воротник, он громко спросил:

— Вера! Ты действительно недовольна, что я пришел?

— Тим, возьми тулуп Михеича, — слегка отстраняясь, сказала она и оглядела звездное небо. — Холодно.

— Вера! Мне и в самом деле сейчас холодно, но не от мороза. От твоего ледяного спокойствия. Ты не рада мне?

— Честное слово, Тим, такое скажешь... Возьми же тулуп.

— Да возьму, возьму эту злосчастную овчину, только скажи: что случилось?

Метнувшись в сторону, он оскользнулся одной ногой, но удержался. Схватив тулуп в охапку, вернулся. Вера тем временем вновь отошла к трубе и стояла, привалившись к ней спиной. Не зная, что и думать, он потерянно спрашивал:

— Ты что, всю ночь вот так, под открытым небом? — А в голове бурлило: «Так тебе и надо, шибко занятый курсант-лейтенант, терзайся и вспоминай, как мило разглагольствовал: буду помнить... каждый выходной писать... Вот и кукарекай на «седьмом небе» — оправдывайся». А с губ продолжали срываться беспомощно-вялые слова: — Почему не на чердаке — налета ж нет?

— Но может быть. А на чердаке нехорошо пахнет. Кошками. Здесь лучше, а в кожанке да в валенках совсем как на печке... Между прочим, ты один пришел? Внизу тебя никто не дожидается?

Тулуп, выскользнув из рук, распластался подстреленным зверем.

— Что за странный вопрос? Кто меня может дожидаться внизу?

— Тебе лучше знать.

— Вера, в конце концов ты скажешь честно и прямо, что у тебя произошло?

— Честно и прямо? У меня? — Голос ее сорвался, задрожал. — Это не у меня, а у тебя произошло: когда приехал — и только сейчас объявился... на крыше.

В груди запыло.

— Значит, знаешь? А я звонил тебе сегодня и понял, что твои домашние...

— Мои домашние, мои домашние! — перебила она, горячась. — Они и не узнают никогда, что ты умеешь обманывать. Для них ты — образец честности... Для Риточки, между прочим, тоже.

— А-а... вот откуда информация, — протянул он и, не выдержав напряжения, ногой отшвырнул тулуп, шагнул к ней. — Ну виноват, ну извини меня за вынужденное

молчание. Слышишь, Вера... любимая моя Верка, извини и прости. Не хотел появляться перед тобой в такое тяжелое время без ясного ответа на возможный твой вопрос: куда назначен?.. Теперь же — спрашивай!

Она грустными глазами вглядывалась в его возбужденное лицо и молчала. Поймав ее руки, он сжал их и заговорил быстро-быстро, словно то, о чем он ей сообщал, полностью оправдывало его в ее глазах:

— Верка, ты только представь: буду воевать совсем близко от Москвы, а значит, и от тебя — наш авиаполк стоит в Монино. Знаешь, где это?

— Когда? — не реагируя на его торопливую речь, осторожно спросила она.

— Что?

— Уезжаешь... когда?

— Завтра... утром.

— Тим... что ты наделал, Тим... Два дня избегал меня, а завтра утром опять уезжаешь...

Вера заплакала, ноги ее ослабли, и она, упираясь спиной в трубу, медленно сползла на снег.

— Вера... Верочка! — засуетился он, хватая тулуп и подсовывая под нее полу. — Вот так тебе будет лучше. Ты просто устала здесь стоять. Посиди отдохни. И я рядом пристроюсь, и у нас с тобой будет целая незабываемая ночь над Москвой... Смотри, и мне овчины хватит. Славный мужик ваш Михеич, шубу, как Иван Грозный Ермаку, со своего плеча пожаловал.

— Ты ноги лучше укутай себе, не приморозь, — тихо сказала она и, прижавшись к нему, сама нашла вздрагивающими губами его губы.

Плотный пуховой платок сбился с ее головы, сполз назад, и коротко стриженные волосы высвободились, взвихрясь светлой копенкой.

— Вера! Косы... где твои знаменитые косы?!

— А... — Она наморщила переносье. — Одна морока... Не до них мне сейчас.

— Ай-яй-яй, какие были косы! Все мальчишки пялили на них глаза, — сокрушался он, заботливо натягивая на ее голову платок, и тут же, вспомнив стихи поэта, переиначил их: — Но... я тебя и такую, и бескосую я люблю.

Прильнув друг к другу, они долго сидели молча в овчинном гнезде и смотрели на затемненную Москву. Декабрьское небо было многозвездным и спокойным. И лишь однажды где-то далеко, на западной окраине, резво всколыхнулись и скрестились голубые мечи прожекторов, запульсировали на черно-синем горизонте густые вспышки заградительного зенитного огня. Но вскоре и там все успокоилось — лучи опали, сникли, вспышки погасли.

— Не пропустили, — прошептала Вера.

— Да, сквозь такую горячую завесу им нелегко пробиться... А на отходе наверняка их наши истребители перехватят!

Она подумала: «Он завтра уезжает в часть и, возможно, тоже будет в такую же ночь перехватывать их... Это ж очень опасно!» И зябко повела плечами.

— Говоришь, как на печке, а сама дрожишь.

— Нет, Тим, мне тепло... Честное слово, тепло. Только я очень-очень прошу тебя: пожалуйста, Тим, будь осторожен... там... Понимаешь?

— Все будет, Вера, так, как положено: их надо бить и бить, гнать и гнать, чтоб... — он обнял ее и притянул еще ближе к себе, — чтоб моя любимая Верка никогда больше не сидела ни зимой, ни летом по ночам на крыше.

Она поводила пересохшими от жара губами по его гладкой щеке, а потом шепотом спросила:

— Тим.. а когда их всех-всех перебьют и прогонят, когда кончится война, ты... ты что — и тогда останешься в летчиках?

Он коснулся щекой ее щеки и ответил тоже шепотом:

— Я, Вера, летчик на всю жизнь. Но после войны у меня должна быть авиационная академия... Я, Верка, должен научиться создавать новые истребители — самые бы-

стролетные, чтоб от них ни один заоблачный чужак не смог удрать... Только ты не слушаешь меня. Или не веришь?

— Верю, Тим. Это прекрасно создавать новые самолеты... Честное слово, прекрасно. Но ты... ты опять завтра надолго уезжаешь.

Щекой он чувствовал огонь ее губ, даже у самого во рту пересохло. Потянулся рукой к нетронутому снегу, взял щепотку, пососал. И вдруг вспомнил: однажды в школьные годы, вскоре после их первой прогулки по набережной, после уроков они забрели в Центральный парк культуры и отдыха. Катались на «чертовом колесе», а потом ели вафельное мороженое. Он попросил тогда лотошницу подыскать им вафли с именами «Вера» и «Тимур». Ни того, ни другого имени не оказалось. «А Тимура вообще нет», — авторитетно сказала лотошница, но все же нашла для них «сходные». И сейчас, посасывая снежный комочек, он неожиданно спросил:

— Не забыла, как мы с тобой в детстве ели мороженое с именами?

Она улыбнулась:

— «Тимофей» вместо «Тимура», да?

— «Тимофея» не помню, а «Веронику», как сейчас, вижу... Теперь взгляни туда... — Он поднял руку. — Видишь те две звездочки? Вон те, что поярче, в созвездии Волосы Вероники? Пусть они будут нашими звездами, согласна? Поднимаешься на дежурство, нет-нет да и взгляни на них. Я тоже всегда буду видеть их и помнить... И ты, Вера, всегда помни: я очень люблю тебя.

— Очень?

— Очень-очень!

— Как?

— Как?.. Как мой отец любил мою маму...

В эту их последнюю, безлунную, но ослепительно ясную ночь не только те две, в сущности малоприметные

звездочки из созвездия Волосы Вероники, но и все звезды, что вглядывались в непроницаемую Москву, были звездами Тимура и Веры.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

База 161-го истребительного авиаполка в Момино чем-то напомнила Тимуру Качинский авиагородок, словно тот вдруг оказался обильно засыпанным снегом, а воздух над ним до сизой белизны прокалится морозом. Двухэтажные кирпичные казармы и такие же фундаментальные служебные здания говорили, что летный состав здесь живет не по-фронтовому уютно и пользуется всеми благами устроенного быта.

Выслушав разъяснение дежурного по КПП, как пройти к штабу, Тимур направился по хорошо расчищенной от снега дороге к зданию, перед подъездом которого пофыркивала темно-синяя эмка. Под ногами легонько поскрипывало: «Хрип-храп... хрип-храп...» В какой-то мере он был разочарован: ему хотелось видеть свой боевой 161-й полк размещенным на полевом аэродроме, в землянках — хотя бы в таких, как в Копай-городе, — чтобы, возвращаясь с боевого задания, прозябшие летчики гулко хлопали в ладоши, тянулись к раскаленным печуркам и под мерцание чадающих гильз-светильников рассказывали друг другу о только что проведенных ими воздушных боях.

Дежурный по штабу воентехник поморгал белесыми ресницами на предписание новичка и, осторожно свернув его, простуженно проокал по-волжски:

— Вам, товарищ лейтенант, надо сразу к Бате. Однако ж он сейчас проводит разбор боевого вылета в соседнем классе. — И он указал большим пальцем в слегка

приоткрытую дверь; палец был с синим, прищемленным или отбитым ногтем.

— Я подожду.

Тимур поставил к стене чемодан и медленно двинулся по коридору, с интересом разглядывая хорошо выполненные цветные макеты отечественных и зарубежных самолетов, укрепленных на специальных подставках; в приложенной к каждой модели табличке давался довольно подробный паспорт. Вернувшись к столу дежурного, поинтересовался:

— Кто в полку так мастерски сработал эти модели?

— Не-ет, товарищ лейтенант! — протяжно возразил тот. — Наши мастера могут только мастерски гробить технику, а не срабатывать ее. — Дежурный явно преувеличивал: он был определенно на кого-то зол, может, за непростительную поломку, а то и за пришибленный по чьей-то вине палец. — В данном здании до войны располагалась академия ВВС с персональным аэродромом у самой реки, теперь он наш. Так что все эти игрушки — наследство академиков.

— Понятно, — кивнул Тимур и снова пошел по коридору, с еще большим интересом разглядывая и те макеты, и стены, и окна помещения. «Вот, значит, где мы со Степаном после войны будем протирать штаны, грызя авиационную науку...» У приоткрытых дверей непроизвольно замедлил шаг.

Подле классной доски стоял кряжистый майор с суровым, бугристым лицом и ронял тяжелые фразы:

— ...Всех вас еще в летных школах учили... — Он постукал мелком по сложному чертежу: в разных положениях по черному полю доски, как по ночному небу, белели разбросанные крестики-самолеты, какие-то дуги, пунктирные линии и прямые стрелы. За столами сидели притихшие летчики и старательно срисовывали в свои тетрадки запутанный чертеж, а майор выстукивал: — ...учили воспитывать в себе — что? — чувство, а вернее сказать,

умение рационально распределять внимание в полете. А у тебя, Домогалов, что вчера получилось?.. Отстал! — Из-за крайнего стола подскочил щуплый младший лейтенант с виноватым взглядом.

— Мало того, что отстал. Вдобавок потерял Елисеева, своего ведущего... — Мелок, яростно стукнувшись о доску, брызнул белой крошкой. — Едва не заблудился... — Еще более сильный пристук мелком по крестик-самолету на самом отшибе доски. — Все это могло для тебя закончиться плачевно. Счастье твое, что всех «мессеров» твои боевые товарищи отогнали и рассеяли... Садись.

Щуплый летчик не сел, а, скорее, упал на свое место.

— Но и тем, кто без приказа опережает своего ведущего, я бы напомнил хор-рошую русскую поговорку: не спеши, коза, в лес — все волки твои будут.

Тихо засмеялись. А майор, словно почувствовал на себе посторонний взгляд, повернул голову и успел взглянуть через приоткрытую дверь незнакомого молодого летчика в новом реглане. Тимур отступил на шаг и отошел, упрекая себя за оплошность: «Подумает еще, что специально подслушивал».

Когда из класса, подталкивая друг друга, высыпали летчики и, чиркая на ходу — кто спичками, кто зажигалками, повалили в курилку, Тимур переступил порог:

— Товарищ майор, разрешите обратиться?

— Обращайтесь, — кивнул тот, разминая папиросу и взглядываясь в красивое лицо лейтенанта, который уже докладывал, что он, такой-то лейтенант, прибыл в 161-й истребительный авиаполк для прохождения дальнейшей службы младшим летчиком.

Майор наморщил лоб, а левый глаз полуприщурил.

— Фрунзе, говоришь? — И протянул руку: — Предписание.

Лицо майора еще больше посуровело. Долго он читал всего одну строчку. Собственно, он, бывалый воздушный рубака, Пимен Корнеевич Московец, не читал, а просто

смотрел на нее, на четко отбитую на машинке строку. И так все ясно, но все же спросил:

— Ты что Михаилу Васильевичу Фрунзе однофамилец или... как?

— Он... он мой отец.

— Так, ясно... — И невеселая дума: «Ну что мне с тобой, красень молодец, делать? Быть бы тебе впору при каком-нибудь видном штабном генерале адъютантом — и статью вышел и обличьем... А ты — смотри-ка! — в изрядно потрепанный в воздушных передрыгах полк завился. И кем? Истребителем!»

И еще Пимен Корнеевич думал о том, что душа его, изрубцованная за полгода войны от почти каждодневных утрат и потерь, на пределе. Из жизни уходили отважные хлопцы, отчаянные сыны его — одни не возвращались с задания на свой аэродром, пропадали без вести, другие прилетали, как говорится, на честном слове, подчинив последнему стустку своей воли изрешеченные и изодранные в клочья машины, и умирали от ран, третьи гибли в воздухе и, горя, врезались в землю... И все они были его, Батиными, любимыми детьми, и от каждой такой потери в душе его появлялся новый глубокий рубец.

Сунув за ухо незажженную папиросу, майор вынул из лежавшего на столе планшета химический карандаш, лизнул кончиком языка его туповатый кончик и наискось черкнул в углу предписания: «НСЧ — в пр. 1 эс. М-р М», причем первая строчка — «НСЧ» — вышла жирная, а далее слова постепенно угасали почти до полного затухания последней буквы-росчерка. Но Тимур без труда расшифровал распоряжение командира полка: «Начальнику строевой части — отдать в приказ и зачислить лейтенанта Фрунзе в 1-ю авиаэскадрилью. Майор Московец».

Пока Тимур ходил в строевую часть, майор выглянул в коридор и крикнул дежурному:

— Комэска Кулакова ко мне. Срочно!

Командир 1-й авиационной эскадрильи старший лейтенант Кулаков не заставил себя долго ждать. Он вбежал в здание штаба в лохматых унтах, фасонистых бриджах и в одной гимнастёрке, на которой пламенел орден Красного Знамени.

— Без шинели и застудиться нехитро, — проворчал дежурный и ткнул большим пальцем с синим ногтем на открытую дверь класса.

— Воентехник Дроздыхин, ша! — наигранно сгустил голос старший лейтенант и подмигнул: — Для меня еще не родился мороз!

Комэск Кулаков был подвижен, поджар, с живыми карими глазами, волевым подбородком и великоватым, гоголевским носом. Войдя в класс, собрался было, как полагалось, доложить, но Московец опередил его:

— Паша, тут такое дело... — Вынул из-за уха и прикурил наконец папиросу. — К тебе в эскадрилью я назначил нового летчика. Необстрелянного.

— Очень даже кстати! У меня только одни названия — звенья, а на поверку — летчики-одиночки, ведущие без ведомых. А то, что необстрелянный, дело поправимое, обстреляется.

— Погоди, — поморщился Московец. — Дело не в том. Летчик тот — сын Фрунзе.

Карие глаза Кулакова выразили удивление:

— Михаила Васильевича Фрунзе?

— Вот именно. Сам должен понимать: хотя мы все перед войной равны, как перед законом, но у нас с тобой должен быть и другой закон, вот этого... — Он легонько похлопал кончиками жилистых пальцев по карману гимнастёрки, над которым тоже поблескивали награды: два ордена — Ленина и «Знак Почета». — Закон, так сказать, сердца.

— Понимаю, Пимен Корнеевич.

— Сам там подумай, к кому его ведомым назначить.

— А тут и думать-раздумывать нечего долго — к сибиряку определяю, к земляку вашему.

— К Ване Шутову? Что ж, пожалуй, верно. Летчик он тертый. Не возражаю.

В тот же день Кулаков построил перед общежитием эскадрилью и представил нового летчика. В заключение этой несложной церемонии объявил:

— Младший лейтенант Шутов!

Отозвался правофланговый летчик, с типично русским сероглазым лицом и четким голосом:

— Я!

— Лейтенант Фрунзе — ваш ведомый.

— Слушаюсь.— И про себя: «Вот тебе, Ваня, и кедровые шишки!»

Подметив, как Шутов озадаченно качнул головой, комэск незаметно потряс рукой: не теряйся, мол, сибиряк! Но никто не обратил внимания на то, что командир звена хотя и был годами несколько старше новичка-подчиненного, но по званию оказался ниже его. Впрочем, чему тут удивляться — война есть война, а на войне и полще ситуации встречаются. Не придавал никакого значения такому обстоятельству и Тимур. Для него ведущий, как и все другие «старички» — пилоты полка, был не просто младшим лейтенантом, а воздушным бойцом с фронтовым стажем. Именно поэтому после построения, пока летчики еще не разошлись, Тимур подошел к Шутову и как своему непосредственному начальнику представился по всем правилам устава.

Шутов несколько скованно протянул ему руку, но, ощутив крепкое ответное пожатие и встретив прямой, доверчивый взгляд, приободрился и простецки сказал:

— Будем работать.

Оба разом улыбнулись, и окружившие их летчики отметили своеобразную схожесть между сибиряком Иваном и новичком со знаменитой фамилией — и ростом одинаковы, и оба ясноглазы, и мягкая улыбка пробивалась на

их открытых лицах легко и приветливо — верный признак душевности и простоты. Летчики одобрительно загнули:

— Приметный... в самую пору нашему сибиряку.

— Вот, Иван, и кончилось твое небесное одиночество!

Тимур просто и естественно включился в разговор со своими новыми товарищами-однополчанами, признался, что давно мечтал о такой минуте, когда и в строй станет рядом с летчиками-фронтовиками, и полетит с ними на боевое задание.

Снова зашумели и уже по-свойски расспрашивали Тимура, где учился, на многих ли машинах летал, в каком складе ОВС выдают такие качественные регланы (последний вопрос задал неприметный, щуплый Домогалов); но Шутов быстренько вывел своего ведомого «из окружения» и, на ходу обернувшись, постучал согнутым пальцем по лбу. Поняли: жест адресован Домогалову, неудачливому летчику, но непревзойденному знатоку по части норм и порядка денежного и вещевого довольствия летного состава.

— Ты не слушай Домогалу-вымогалу и гони его с такими вопросиками подальше, — посоветовал Шутов, проходя с Тимуром в общежитие. — Он еще и не с тем может к тебе прилипнуть: парень пробивной, но не там, — вскинул тяжеловатую руку вверх, — а здесь, на земле. Все интенданты и завскладами у него лучшие дружки.

Тимур не знал, что ответить, и только пожал плечами, а Шутов, войдя в одну из комнат, показал на сиротливую койку с жесткой сеткой:

— Твоя... Рядом с моей, — кивнул на соседнюю.

Тимур лишь мельком взглянул на голую койку. Его интересовало другое, более важное:

— А... на аэродром когда пойдём? Хотелось бы поскорее взглянуть на свой самолет.

Едва приметная улыбка, все еще теплившаяся в уголках губ Шутова, сгасла.

— Разве комэск тебе ничего не говорил?

— А... а что он должен мне сказать? — насторожился Тимур.

Шутов сдвинул шапку-ушанку на затылок и потер беспорядочно примятую русую прядку.

— Присядем,— показал глазами на стулья у широкого окна.— Положение таково: самолетов-то пока нет.

— Как нет?! — не успев присесть, выпрямился Тимур.

Шутов потянул его за рукав, ощущая ладонью холодный глянец хорошо выделанной кожи темно-коричневого реглана.

— Садись... Есть, разумеется. Но не у всех. Мы ж в Момино прибыли из пекла, из-под Ельни, на пополнение и замену потрепанных машин новой техникой. Полк будет летать на «яках». Летал на них?

— Летал,— нахмурившись, отозвался Тимур и нехотя опустился на стул.

За окном виднелись однообразные складские постройки, подбитые, как мехом, белыми наметами сугробов. Голос Шутова доносился теперь как бы издалека, будто он сидел не рядом, а находился в дальнем углу просторной комнаты.

— Попутно с пополнением полк наш, понятно, бросают то на штурмовку, то на поддержку...

Вечером Тимура вызвал в канцелярию адъютант эскадрильи (или, как его чаще именовали, начальник штаба) лейтенант Захаренков. Он потребовал фотографию для пропуска на полковой аэродром. Сердце в надежде екнуло: «Самолет дают!» Однако в следующую минуту пришлось разочароваться.

Начальник штаба был предельно краток. Упершись высоким лбом в плотно стиснутый кулак, он сидел за столом и просматривал лист с каким-то графиком.

— До получения машины будете периодически нести

суточный наряд на аэродроме,— непрерываемо объявил он.— На завтра назначаю вас дежурным по полетам. Изучите инструкцию, повторите обязанности.

Лейтенант Захаренков, казалось, с усилием оторвал свой лоб от кулака и сразу же увидел глаза подавленно молчавшего молодого летчика. Тимур в свою очередь, поймав строгий взгляд лейтенанта, отчужденно скользнул по его лицу с крутыми скулами, крепко посаженным носом и старательно зачесанной назад шапкой густых русских волос. Угадав настроение новичка, Захаренков будто маску с себя снял: добродушно улыбнулся, и на подбородке отчетливо обозначилась приветливая ямочка. Переходя на «ты», Захаренков спросил:

— Ты чего скис?

— Радости мало,— прямо сказал Тимур.— Окончил авиашколу в начале сентября — и что же? Уже декабрь на исходе, а я никак не доберусь до боевого истребителя — то переучивание, то что-нибудь другое, то третье... Теперь здесь, в полку, барьер — нет самолетов.

— Чего нет, того действительно нет,— сказал Захаренков и с сожалением причмокнул полными, резко очерченными губами.— У нас «безлошадных» летчиков хватает. Думаешь, ты исключение?

— Я, товарищ лейтенант, думаю только об одном: как можно скорее в самолет и — в бой.

— В бой,— повторил Захаренков, и лицо его приняло прежнее официально строгое выражение.— Будет и у вас самолет. И первый бой будет. А пока... — Он вписал в график напротив очередного календарного числа: «Л-т Фрунзе». — А пока подежурите по полетам. Обязанность, сами понимаете, ответственная. Какие еще вопросы?

Тимур почувствовал нечто похожее на судорогу в скулах. С трудом разомкнул губы:

— Вопросов нет.

Конец 1941 года выдался многоснежным, и самолеты поставили на лыжи, а в действующей армии к тому же их перекрасили в белый цвет, оставив лишь низ прежним, голубым.

Последний «як», взвихрив облако снежной пыли, взмыл в мгlistый от мороза воздух. Выдерживая взлет, истребитель на кругу пристроился к своему звену, и вся эскадрилья потянулась на запад.

«Ушли... все ушли... И ведущий мой ушел...— думал дежурный по полетам. Не в силах оторвать взора от подмосковного окоема, затушеванного сизоватым туманом холода, он все еще смотрел и смотрел туда, где, постепенно мельчая, скрывались гудящие точки.— А я вот стою, провожаю их по очереди по всем правилам и статьям инструкции. И встречать буду по инструкции. Без инструкции дежурному по полетам и шага шагнуть нельзя, и я это отлично понимаю. Но где гарантия, что из первой же партии новых машин одну из них сразу же доверят мне? «Безлошадных» летчиков в полку и в самом деле немало, да и прибыли они пораньше меня... И все же вот так ждать — убийственно тягостно...»

Мимо один за другим в свою приаэродромную землянку ярошли порядком намерзшиеся техники, механики, мотористы. Воентехник Дроздыхин, тот, что дежурил вчера по полку, проходя, приостановился, приложил растопыренные пальцы к шапке (что-то похожее на отдание чести):

— Вижу, вас уже определили...

— Определили,— невесело отозвался Тимур.

— Вы б на КП шли — чего зря на морозе стынуть,— проокал Дроздыхин.— Мы вот,— кивнул на шедшего рядом молоденького сержанта,— в землянку топаем, малость обогреться следует, а то не успеешь теплом подзарядиться — наши соколики вернутся.— Воентехник поморгал

белесыми ресницами и вздохнул обреченно: — Может статься, что продырявленные и взодранные их крылышки латать придется. А латать их надо теплыми руками. Верно говорю, Лукьяненко? — Сержант неопределенно хмыкнул. А Дроздыхин еще раз предложил: — Так что вы погрейтесь, еще есть время.

— Ничего. Мне не холодно.

— Ну-ну... Пойдем, Лукьяненко.

— Мне тоже не холодно, — сказал сержант. — Я постою. — Воентехник дернул свою шапку за одно ухо и топал дальше. — Я с вами постою. Вы не против?

— Наоборот, если действительно не холодно. Даже рад буду собеседнику, — сказал Тимур, внимательно разглядывая сержанта: щеки ввалившиеся, глаза живые, темный пушок на верхней губе. Подумал: «Ровесник мне, а может, и помоложе этот быстроглазый механик. Ему, пожалуй, и в самом деле тепло: одет основательно — ватные штаны, черная стеганка с меховым воротником, валенки-чесанки в галошах...»

— К холоду наш брат механик привыкший, товарищ лейтенант, нас холодом не проймешь! Вот когда фрицы к самой Москве подобрались, вот тогда и вправду знобовато было. Даже в той землянке, куда наш техник почесал греться. А теперь — что! Теперь я так понимаю: мороз — наш союзник. Кинохронику последнюю видели? Ну и ну — во что одеты пленные вояки! У кого на ногах пудовые соломенные лапти, кто полотенцем поверх пилоток уши обмотал, кто бабьи дошки да салопишки на себя напялил — точь-в-точь, как их в газетах Кукрыниксы изображают.

— И все же мороз ненадежный союзник, — возразил Тимур.

— Конечно, — сразу согласился Лукьяненко, — он и для наших хлопцев, особенно пехотных, помеха, но все же для фрицев наш морозец больше чувствителен — добре продирает, до костей.

— До костей их продирает другое — новая боевая техника... на земле, в небесах и на море. Так, кажется, поется? — И не без горечи почти про себя заметил: — Скорей бы и нам побольше «яков» подбросили.

— Вы «безлошадный»? — напрямик спросил Лукьяненко. — Не унывайте, товарищ лейтенант. Мой командир тоже в «безлошадных» с неделю топтался, ругал начальство, плевал себе под ноги, осунулся даже, будто после болезни, а как получил новенького «яка», чудо свершилось: расцвел — не летчик, а мак на снегу! — Помолчав, добавил с мечтательной душевностью; — Гарный у меня командир и отчаянный до невозможности — старший лейтенант Усенко, земляк мой.

— Вы со своим командиром с Украины? Я тоже на Украине родился, в Харькове.

Лукьяненко изменился в лице, опустил глаза и раздавил каблуком галоши подвернувшийся под ноги оледенелый комок снега.

— Украина... Что от нее осталось!..

— Не вешать носа, казак! — приободрил его Тимур. — Погнали от Москвы, дай срок — погоним и с нашей Украины!

И, умолкнув, долго прохаживались взад-вперед. Каждый думал о своем. Вдруг сержант остановился, сдвинул с одного уха шапку.

— Наши возвращаются... Слышите?

Сквозь молочно-мглистую изморозь процеживался отдаленный гудящий рокот, и вскоре начали появляться темные точки.

— Побегу встречать своего командира, — заволновался Лукьяненко. — Хотя бы все в аккурате было, хотя б пронесло... — Отбежав, он спешно вернулся и, снизив голос, серьезно сказал: — Он у меня перед боевыми вылетами никогда не бреется. И знаете, помогает. Примета верная, учтите, товарищ лейтенант! Особенно когда вылет выпадает на тринадцатое число, на чертову дюжину.

Тимур смотрел ему вслед и снисходительно улыбался. А потом, притопывая унтами по скрипучему снегу, пошел к домику командного пункта. Из соседней землянки высыпали разомлевшие в тепле техники и механики. Плотной кучкой они потянулись на стоянку самолетов, к капонирам, где уже одиноко маячила неподвижная фигурка сержанта Лукьяненко.

Вернулись с задания все. В первый год войны не часто судьба баловала советских истребителей таким счастливым исходом боевого вылета. В воздухе еще не было нашего численного превосходства, но когда оно с помощью перегруппировок создавалось на отдельных участках фронта, то даже немецкие асы не ввязывались в открытый воздушный бой.

Сделав запись в книге дежурного по полетам, Тимур доложил начальнику штаба полка о благополучном возвращении эскадрильи. В динамике послышалось одобрительное: «Порядок!» — и Тимур снова вышел на воздух — хотелось взглянуть на своего ведущего.

Летчики малыми группками неторопливо брели от капониров, возбужденно переговариваясь и жестикулируя руками, изображая различные положения своих самолетов в бою. Ивана Шутова Тимур узнал издали. Он шел размеренным шагом таежника и сосредоточенно слушал коренастого летчика, топавшего с ним рядом в слишком низко приспущенных унтах; так и казалось, что в ногах его вьются, мешая идти, две лохматые собачонки. А он будто все время отпшвыривал их пинками и отрывисто выкрикивал:

— ...Так и удрапал, гад! Не принял боя! Эх, ежели б не комэск! Ежели б он не вернул меня — догнал бы... влепил бы... и — хана ему!

Шутов свернул к домику КП.

— Дежурному — привет! — помахал он рукой и потянул к Тимурову летчика в приспущенных унтах. — Усенко,

ты ж отсутствовал на построении, так что знакомься,— мой ведомый.

И тот, оголяя ровные, туго посаженные зубы, широко улыбнулся всем своим по-цыгански черным, небритым лицом:

— Дежурный—дебютант? Смотри, понравится Бате твое дежурство без потерь — сделает, так сказать, штатным диспетчером!

— Такой номер не пройдет! — заражаясь его весельем, отозвался Тимур и крепко стиснул ему руку. «Это ж земляк сержанта! Ничего себе мак на снегу — бутяк колючий!»

В тот же день, когда авиагородок неслышно укрылся подсиненной червотой самой долгой декабрьской ночи, Тимур, давно уже сменившийся с дежурства, сидел у своей неразобранной, аккуратно заправленной койки и думал: «Спать?.. А может, написать письма?» Ни того ни другого делать не хотелось. На соседних койках, пригревшись под одеялами, посапывали намаевавшиеся за день летчики. «Спать?.. Не усну сразу, а просто валяться — пустая трата времени,— все еще раздумывал Тимур.— Да и писать не о чем. Разве что...— безрадостно ухмыльнулся.— Разве что о своей «безлошадности?» Кому? Не Вере же... А может, по-братски поплакаться Тане?..»

Вошел Шутов, кинул на тумбочку планшет и спросил:

— Что, на боковую?

— Пожалуй...— сказал Тимур и подумал: «Верно, лучше все же отбой».

Шутов раздевался медленно, словно раздумывал: тот ли унт — правый или левый — сначала сподручнее сбросить, с того ли рукава — правого или левого — удобнее стягивать гимнастерку? Губы его слегка надулись, а в уголках рта не угасали совсем крохотные, как две пульсирующие звездочки, смешинки.

Тимур быстро разобрал постель, не мешкая, разделся

и, нырнув под прохладную простыню, натянул на себя байковое одеяло.

Сон не приходил. Сдерживая дыхание, минут пять лежали молча.

— Вы не спите? — тихо спросил Тимур.

Шутов шумно заворочился, лег на бок и, встретившись взглядом со своим ведомым, сказал решительно:

— Давай будем проще, а? Ну, без «вы» разных и прочих деликатностей?

— Согласен! — живо откликнулся Тимур, приподнимаясь на локте. — Вот что я хотел спросить: как думаешь, мне сразу дадут «як», когда полк получит новую партию?

— Организуем, Тимур! — без тени сомнения сказал Шутов, впервые называя своего ведомого по имени. — Сегодня крючок закидывал и комэску и нашему эскадрильному комиссару Дмитриеву. Обещали не тянуть.

— Правда?! — еще больше оживился Тимур и, подхваченный возбуждением, сел на койке. — Вот спасибо! Поскорее б мне в горячее дело!

— И-и, Тимур, — протяжно выдохнул Шутов, — горячих дел на нашу с тобой долю хватит. С лихвой. Лишь бы по-дурному не обжечься...

Тимур смотрел в посерьезневшее лицо своего первого боевого командира, и все ему в нем нравилось — и светло-каштановые волнистые волосы, и открытый блеск серых глаз под правильными дугами бровей, и припухлые обветренные губы с неугасаемыми смешинками в их уголках даже и сейчас, когда все лицо тронула тень задумчивости.

«Что он вспомнил, когда сказал: «Лишь бы по-дурному не обжечься?»» — подумал Тимур и спросил тихо, словно тайну выпрашивал:

— Давно на фронте?

— Я-то? С первого дня войны.

— Полгода! — вырвалось у Тимура, и он воудобнее уместился. — Расскажи немного о своих воздушных боях.

— О своих?

— Ну да, если, конечно, в сон не клонит,

— О своих — что... ничего особенного.

И у Тимура вырвалось:

— Сбил хоть один фашистский самолет?

— Сбил, понятно. И не один. Четырех в землю вогнал.

— Четырех? Так это ж здорово!

— Впрочем, и меня дважды подбивали, — признался Шутов. — Раз даже пришлось в госпитале ремонтировать. Так что лично у меня активный счет побед против поражений пока невелик — четыре на два... Я тебе лучше о Бате расскажу. Вот он — настоящий истребитель. Быстрый как молния. Ас!

— А с виду угрюмоватый, неповоротливый.

— Это на земле. По земле, Тимур, и беркут вразвлочку топает. А в воздухе он — бог! — Помолчал, словно раздумывая, с чего же начать. С самого жаркого месяца, разумеется. — В августе наш полк был в деле под Ельней. Там-то и отличился наш Батя, показал нам, молоко-сосам, на каких языках с воздушным врагом разговаривать надобно. Сперва на языке маневра, а потом уж на языке пулеметов и пушек. Сам водил нас в бой и первый поджигал там «бубновых валетов» и «трефовых тузов» с черно-желтыми крестами. Глаз у майора Московца зоркий — потомственный охотник-сибиряк! — Шутов помолчал и добавил уважительно: — И комэск наш не лыком шит. Знатно в воздухе работает.

— По боевому ордену можно судить.

— Это у него старая награда. За Халхин-Гол. Но все идет в нашем полку к тому, что и новые ордена и медали на подлете.

— Честно скажу: всем я вам, летающим за линию фронта, завидую, — простодушно признался Тимур. — Догонять мне вас и догонять...

— Что за разговор — догонишь! А вот завидовать всем не надо,— возразил Шутов.— Домоголову не завидуй, хотя он и летает.

— Почему? Не везет ему, что ли?

— Не в том дело. Он, как я понимаю его натуру, в воздухе трусоват, а на земле нагловат. На месте Бати я, не раздумывая, давно бы отобрал у него машину и передал... ну хотя бы тебе.— Тимур даже поерзал в постели.— Но не такой наш Батя. Раз поднялся в небо, значит, душа от рождения крылатая. Это он так прикидывает. Вот и замыслил зайца в того самого беркута переделать. А он, Батя-то наш, хоть и бог, но такого чуда ему не сотворить. Заяц останется зайцем, хоть воткни ему беркутовое перо в хвост.

Тимур едва не рассмеялся. Сдерживая улыбку, все же возразил:

— А может, у него то совсем не трусоватость? Может, ему не дает развернуться некий «психологический вывих»? В нашей летной группе на Каче был один парень, Котомкин-Сгуров. Самолюбивый, занозистый и слабость ко всяким авиаторским атрибутам имел. До выпуска же летал неуверенно, а совсем недавно, находясь на переучивании, я узнал, что у нашего Сгурича тот вывих исчез и он, успешно окончив школу, получил назначение на фронт.— И мысль Тимура круто повернулась: — Понимаешь, Иван, он позже меня выпущен из авиашколы, а уже воюет.

Последние слова прозвучали тускло, и Шутов ободрил своего ведомого:

— Повеюем и мы с тобой, Тимур. Фронт от авиации далеко не уйдет... — Помолчав, спросил: — А теперь что — отбой?

— Пожалуй, время... Спокойной ночи.

— До утра, а там видно будет.

Тягуче скрипнули пружины; Шутов с минуту поворочался и затих. Тимур еще некоторое время лежал с от-

крытыми глазами и смотрел в мутноватый потолок с буровато-серым подтеком в углу. Сначала подтек был, как и полагалось ему, неподвижен, но вскоре он шевельнулся и оказалось, что то вовсе не подтек, а физиономия Домогалова. Вот и маленькие глазки глуповато сморгнули, а сероватые губы растянулись в нехорошей улыбочке: «А в каком складе ОВС выдают такие качественные регланы?» Вздрогнув, протер веки:

— Фу, дьявол! — И покосился на Шутова: «Спит... Хорошо, что не услышал... Надо же, привиделся кто! Не знаю, трус он или нет, а что дурак дураком — бесспорно: регла-то самый обыкновенный, стандартный, как у всех! Новый только — вот и все его качество...»

Еще, засыпая, он подумал о человеке, что лежал на соседней койке и ровно дышал. Как-то радостно было осознавать, что судьба тебе послала такого замечательного ведущего — сибиряка Ивана Шутова, обстрелянного фронтовика и душевного товарища.

3

Новые самолеты Як-1 появились над подмосковным аэродромом под Новый год. Их перегоняли прямо с завода для передачи только 161-му истребительному авианолку, хотя поблизости находились и другие авиационные части, тоже с нетерпением ожидавшие пополнения и обновления своих авиaparков.

Бело-голубые, прекрасной формы, новенькие машины садились на расчищенную от снега бетонку и расторопно бежали к пустующим, давно приготовленным для их встречи капонирам.

Майор Московец шел праздничным шагом, оглядывая каждый самолет подобранными глазами, приятельски подмигивал приемщикам, остановился, потрогал жесткий каучук колеса и выколупнул ногтем из четкого фигурного углубления спрессованный при пробежке снежный ле-

денец. Заметив идущего навстречу Кулакова, отстрельнул ледышку резким щелчком и еще издали бросил ему:

— Что скажешь, Паша, ну? Красавцы?!

— Красавцы, Пимен Корнейч, и главное — сколько их! Всех «безлошадных» обеспечим!..

А по студеной бетонке в это время бежала темно-синяя эмка и, притормаживая, отыскивала своего хозяина. У дальнего капонира остановилась — выскочил адъютант и, придерживая болтавшуюся на ремешке планшетку, подбежал к командиру полка.

— Что случилось? — теряя оживление и суровая лицом, спросил Московец.

— Важнейшая шифровка, товарищ майор. Начштаба в вашем кабинете... Ждет. Говорит, срочно...

Да, не зря 161-й истребительный авиапункт, входивший в Московскую зону ПВО, на исходе декабря был щедро пополнен истребителями Як-1. Шифровка оказалась и впрямь срочная и важная. Приказом Ставки весь состав полка с боевой техникой и вооружением передавался в распоряжение командующего авиацией Северо-Западного фронта.

Московец со своим штабом стоял у развернутой на столе карты и, очерчивая красным карандашом населенные пункты, пояснял:

— Наши новые хозяева: штаб Северо-Западного фронта — Валдай, штаб пятьдесят седьмой смешанной авиадивизии — Крестцы, там же на аэродроме КП командующего авиацией фронта и наше базирование. Прошу также пометить на картах временный полевой аэродром Мигалово. Нашли? Там кратковременная посадка на дозаправку. И еще. Для возможных при дальнейшем перелете вынужденных посадок промежуточный временный полевой аэродром Выползово... Вылет передовой оперативной группы — первого января.

В гимнастический зал вбежал Шутков и крикнул:

— Тимур!

Тот крутился на лопинге.

— Ваня... еще... не выполнил... норму! — отозвался Тимур.

Шутов широко расставил ноги, сунул кулаки в бока и натужно забасил на весь зал, на новый лад переиначивая стихи Маяковского:

— А ну-ка, слышишь, Солнце, слазь! Метать довольно петли! — И выдержав паузу, торжественно добавил: — Полк получил новые «яки»! Они уже на нашем аэродроме! Твоя «безлошадная» доля кончилась: на один из них ты назначен командиром экипажа!

— Иван... не разыгрываешь?! — Но тут же понял: правда! Рванулся всем телом, описал «полусолнце» и, сдерживая раскачку, высвободился из пут, подбежал к своему ведущему, разгоряченный и взволнованный: — Иван!

Шутов, демонстрируя строевую выправку, подтянулся и все тем же торжественным голосом объявил:

— Лейтенант Фрунзе, приведите себя в порядок, остыньте как следует, замените ваши форсистые сапожки на унты и следуйте за мной на аэродром. Представлю вас вашему экипажу.

Минут через двадцать вышли из авиагородка. Оба рослые, статные, однако у одного шаг был спокойный, основательный, а у другого — легкий, порывистый, неудержимый.

Предъявив пропуски, прошли на аэродром и тут-то оба не утерпели — от проходной зашагали размашисто, словно припаздывали куда-то к назначенному сроку.

У капониров все еще сновали механики, мотористы, оружейники, техники. Одни подтаскивали тяжелые баллоны со сжатым воздухом, другие натягивали на моторы ватные чехлы, третьи... В числе третьих были двое в черных технарских стеганках и замасленных чесанках; выжидательно поглядывая на приближающихся летчиков,

они более или менее старательно охорашивали свою неуклюжую униформу.

— Та бравая пара — твой экипаж, — бросил на ходу Шутов и, подойдя к ним, представил своего ведомого: — Товарищи старшие сержанты, знакомьтесь с новым командиром экипажа — лейтенант Фрунзе Тимур Михайлович.

Пропахшие насквозь тавотом, маслом и бензином аэродромные трудяги подтянулись еще старательнее, и Тимур, приветливый, пышущий здоровьем и молодостью, шагнул к ним — словно все еще опасался: а вдруг его первый экипаж неожиданно исчезнет? — и каждому протянул сильную руку. Они старательно пожали ее, отметив про себя разительное несоответствие между тонкими, мягкими чертами лица лейтенанта и его крупной кистью с бугорками стойких мозолей. Отвечая на рукопожатие, каждый представился:

— Механик старший сержант Менков!

— Моторист старший сержант Аверченко!

Шутов прихлопнул перчатками и почти пропел:

— Вот и организовался экипаж машины боевой! — И следом серьезно: — Товарищ Менков, на завтра подготовьте ваш «як» к вылету, вместо колес поставьте лыжи — облетаем с лейтенантом район аэродрома.

— Есть!

На следующий день, однако, взлететь на своем «яке» Тимур не пришлось: в час, назначенный для облета, его срочно вызвали в штаб полка...

Вернулся в помещение 1-й эскадрильи бледный, нервно покусывая губы. В коридоре пустынно — все на аэродроме, у своих самолетов. Подготовка к перебазированию идет полным ходом. Тимур решительно постучал в дверь канцелярии и узнал голос комиссара:

— Входите, входите!

Войдя, сразу начал, как ему думалось, с главного — попросил разрешения отлучиться в Москву хотя бы на одни сутки.

— Для меня это, товарищ комиссар, очень важно, — добавил он срывающимся голосом.

Уловив в выражении лица молодого летчика разительную перемену, Дмитриев спросил:

— Что с вами? Здоровы ли?

— Я-то... здоров. Но почему... и по чьему ходатайству меня без веских оснований переводят в другой полк?

— А, вот вы о чем, — согласно кивнул Дмитриев, давая понять, что он в курсе. — И это вас так взволновало? А насчет «по чьему» — распоряжение вышестоящих инстанций. Разве вам не объявили об этом?

— Объявили... Дежурный по штабу объявил. Но он не может, говорит... не имеет права отпустить меня в Москву. А все начальство отсутствует.

Дмитриев прошелся от стола к окну и обратно, побарабанил тонкими пальцами по настольному стеклу.

— А зачем вам так срочно понадобилось в Москву? Может, вы полагаете, сможете изменить решение вышестоящих инстанций?

— Даже уверен в этом. Ведь я обо всем уже узнал: весь наш полк передают другому фронту, а по существу только мне... мне одному выражают недоверие... Да-да, не доверяют перегонку «яка» мне, его законному со вчерашнего дня хозяину. Это справедливо?

Дмитриев опять прошелся взад-вперед и напрямик сказал:

— Да-а... сегодня вы не дождетесь не только полкового, но и нашего, эскадрильного, начальства — заняты важным делом.

— Но вы же тоже начальство... Товарищ комиссар, хотя бы на одни сутки!

— В свое время, как нам стало известно, вы просились в часть, воюющую под Москвой. Мы из-под Москвы уезжаем, а вас оставляют... только переводят в другой авиаполк.

— Я должен... я обязан теперь быть там, где будет действовать наш сто шестьдесят первый.

— А вы хоть представляете, куда мы переезжаем?

— Не только представляю, но и знаю — на Северо-Западный фронт.

Дмитриев сел за стол и, выдвинув ящик, вынул бланк отпускного билета. Писал долго, словно не писал, а вышивал те несколько слов, которые нужно было вписать в пустующие графы.

— Держите, — протянул он наконец листок. — За сутки вы ничего не успеете сделать. Отпускаю вас на двое суток... Но это все... вся ваша эта затея — зря. Думаю, что за эти двое суток вы сможете спокойно обдумать...

— Разрешите идти? — нетерпеливо перебил комиссара Тимур.

— Идите, идите. Только хорошенько все взвесьте.

— Благодарю за увольнительную! — И спешно вышел.

На станцию Монино Тимура провожал Шутов, как никогда, опечаленный и молчаливый: не верилось, что Тимур удачи теперь что-либо изменить. И вслух подкрепил свою мысль аргументом:

— Время, понимаешь, сейчас такое — не до частных.

— Время, Иван, сейчас такое, что каждый должен быть на своем месте и до конца, без всяких ничем не оправданных перетасовок.

— А может, Тимур, так нужно?

— Так никому не нужно, и в первую очередь мне.

— А я мысленно ставлю себя на место тех, кто утвердил твое перемещение, и еще не знаю, на чьей бы был стороне — тех или твоей.

— А я знаю. Ты был бы на моей стороне, Иван! — И, уже стоя на подножке вагона, крикнул: — Никому не отдавай мой «як»! Иван, слышишь — я вернусь!

С первых же шагов в Москве не повезло: в Управлении кадров ВВС все тот же полковник спокойно выслу-

шал излишне горячую речь юного лейтенанта и развел руками:

— Не вправе менять распоряжение вышестоящих начальников.

Тимур продолжал горячиться:

— Как в поговорке: без меня меня женили! Но кто, скажите, кто? Я пойду к нему и докажу свою правоту.

— Товарищ лейтенант, а вы нелогичны! — И повторил почти то же самое, что сказал ему Дмитриев, да еще веско добавил: — К тому же учтите, вас переводят в авиаполк, куда зачислен один из ваших товарищей... Как его? — Полковник полистал тетрадь. — Совершенно точно, в пятьсот шестьдесят второй истребительный авиационный полк, где служит теперь лейтенант Ярославский. Это почти тот вариант, который вас всех устраивал, — воевать вместе, в одной части.

Тимур тяжело вздохнул и еще раз упрямо сказа

— Прошу... убедительнейше прошу оставить меня в сто шестьдесят первом. Если же это не в ваших возможностях, дайте совет, к кому мне обратиться, чтобы этот несложный вопрос был решен сразу, без лишних проволочек.

В усталых глазах полковника промелькнуло что-то похожее на теплоту, и Тимуру вдруг показалось, что он прочитал мысли кадровика.

— Так... — тяжело, почти обессиленно вздохнул Тимур. — Мне, как я понял ваше молчание, остается только одно... Никогда не пользовался этим ходом, но... Разрешите идти?

Полковник молча кивнул.

4

Домой нагрянул неожиданно. Лидия Ивановна даже всполошилась, увидев бледное лицо Тимура:

— Тима?.. Что с тобой, Тима?

— Со мной ничего, как в одной арии поется, Лидия Ивановна, а вот с кем-то — определенно «чего».

Лидия Ивановна даже села и невольно коснулась ладонью своей щеки.

— Климент Ефремович сегодня будет дома? — спросил Тимур, прежде чем уйти в свою комнату.

— Не знаю, Тима, не знаю... А вот Танюши не будет, она...

— А минувшей ночью, где он ночевал — дома?

— Нет-нет, в Ставке всю ночь был, это точно, да-да, точно-точно, — бормотала она, испуганными глазами провожая Тимура, а когда дверь в его комнату захлопнулась, вскочила и побежала к телефону.

Ворошилов домой пришел в третьем часу ночи. Чтобы не разбудить хлопотливую Лидию Ивановну, на цыпочках прошел в столовую, снял с тарелки салфетку (бутерброд с сыром и румяные сухарики), приподнял с чайника ватную матрешку-грелку (не помогла краснощекая матрешка — почти совсем остыл, термос надежнее). Присел, пожевал бутерброд и, налив в стакан, отпил несколько глотков тепловатого, но приятного крепкого чая. А вообще-то аппетита не было. День, вечер и ночь выдались предельно напряженными. В Ставку приходили не только добрые вести об успешном наступлении советских войск под Москвой, но и тягостные — о диких зверствах отступающего врага, о сожженных им селах и разрушенных городах, о массовых убийствах мирного населения. Гибло народное достояние, гибли ни в чем не повинные люди — старики, женщины, дети...

Климент Ефремович откинулся на спинку стула, прикрыл затененные усталостью веки. Легкий шорох открывшейся двери отвлек от неотступных мыслей — кто-то вошел. Не размыкая век, почувствовал: он!

О том, что Тимур приехал в Москву, ему доложил

после телефонного звонка Лидии Ивановны порученец. А срочный запрос в 161-й авиаполк объяснил причину столь внезапной его отлучки из части. О чем поведет разговор Тимур, нетрудно было догадаться, и Климент Ефремович обернулся к вошедшему.

— Здравствуйте, Климент Ефремович, я к вам. Можно?

Тимур в этот поздний час стоял перед маршалом не в домашней одежде, а в форме — предельно подтянутый, похожий на подчиненного, явившегося по вызову к своему начальнику. Бледность прошла, и теперь неровный широкий румянец выдавал с трудом сдерживаемое волнение.

— Здравствуй, здравствуй, Тимур, — переместился на стуле Климент Ефремович. — Знаю, что приехал. Но почему не спишь? Спать надо в такой поздний час.

— Мне не до сна, Климент Ефремович.

— Вот как! Что ж, подсаживайся, будем с сухариками чай пить.

— Благодарю, Климент Ефремович, но позвольте ~~мне~~ сначала высказаться.

— Слушаю, Тимур. — И смачно разгрыз сухарик.

— Климент Ефремович, по чьему-то распоряжению меня переводят в другой полк.

— Так... та-а-ак... — неопределенно протянул Ворошилов.

— Я только что получил новый самолет... Я на нем даже ни разу не поднялся в воздух... Мне лишь представили мой экипаж... А кому-то вздумалось меня именно в этот момент... — не могу подыскать иного слова! — убрать из сто шестьдесят первого авиаполка.

— Так... — Ворошилов положил на край блюда огрызок сухаря.

— Из последних сводок известно, что на участке Северо-Западного фронта, куда нас переводят, сейчас самая горячая точка войны. И вот в то время, когда наш полк живет одной мыслью — организованно перелететь к но-

вому месту базирования, мой перевод в другую часть походит на преднамеренный побег от опасностей службы на том участке. Согласитесь, Климент Ефремович, что подобная опека оскорбительна не только по отношению ко мне, но и к памяти отца. Он — и вы это прекрасно помните — никогда не бежал от опасности, не побежит и его сын.

Щеки Тимура уже не сдержанно румянились, а вовсю полыхали огнем. Ворошилов встал, подошел к нему:

— Тимур, ну, право, что ты так разволновался?

— А как мне еще реагировать, когда и в части, и в управлении кадров на мой вопрос «Почему со мной так поступили?» разводят руками и ссылаются на какие-то «вышестоящие инстанции»!

— Вот ты горячишься, а мне, знаешь, понятна позиция кадровиков по отношению к молодым, необстрелянным летчикам. Задача авиационных кадровиков — дать фронту не скороспелых воздушных бойцов, а способных выигрывать воздушные бои, крушить вражеские коммуникации. Чего греха таить, многие наши славные юноши и девушки гибнут из-за своей боевой незрелости, горячности.

Краска отхлынула от лица Тимура.

— Не хотелось верить этому, но я так вначале и предполагал: вы заодно с ними, с кадровиками. — Не зная, как затупить приступ крайнего возбуждения, Тимур сорвался с места, беспорядочно заходил по столовой, словно хотел выйти, но не мог найти двери. Резко остановившись перед опекуном, твердо заявил, нажимая на каждое слово: — Климент Ефремович, если завтра не будет отменено необоснованное распоряжение неведомых мне «вышестоящих инстанций» о моем переводе в другой полк, то я вынужден буду обратиться с письмом в ЦК комсомола, в котором заявлю, что меня преднамеренно оберегают от фронта. — Ворошилов только всплеснул руками. — Поймите же меня, Климент Ефремович. Меня обучили не

голько летать, но и метко сбивать воздушные цели... Смотрите, что делается на фронте! От Москвы фашистов гонят, на севере и юге их бьют и бьют... Я, знаете, чего боюсь? Боюсь, что война может в любой момент кончиться, и это произойдет без моего личного участия хотя бы в одном воздушном бою... Отец бы этого мне никогда не простил. — Тимур перевел дыхание и каким-то незнакомым, отчаянно-ожесточившимся голосом сказал: — Поверьте, Климент Ефремович, я буду бить врага беспощадно, собственной жизни не пожалею!

— Тимур, Тимур! Разве я не верю тебе? Верю, как всегда. — И, взяв его за талию, там, где португеза плотно приторочена к широкому ремню, повел к столу. — Садись и успокойся.

Тимур опустил на стул, Ворошилов присел рядом, потер пальцами свои веки.

— Бояться внезапного окончания войны, дорогой Тимур, не следует. Этому надо было бы только радоваться. Но, к сожалению, конца войне еще не видно — она лишь только разгорается. А насчет излишней опеки, думаю, ты все же преувеличиваешь. Я звонил твоим начальникам и просил их... Значит, не так меня поняли. Обещаю тебе: завтра же с утра позвоню еще раз... — Поципав седой ежик усов, заключил: — Раз ты так успел быстро вжиться в боевой коллектив сто шестьдесят первого авиаполка — служи в нем. А сейчас — спать.

Ночь для Тимура была тягостно долгой и почти бессонной. Еще не рассвело, а он уже был на вокзале и первым же поездом уехал в Момино. В вагоне почувствовал усталость, и сквозь дремоту услышал свой голос: «А вы, товарищ комиссар, сомневались! Суток не потребовалось — и все улажено, потому что правде не возразишь...» И вдруг вспомнил: Вера!

Очнулся сразу, как от сильного толчка. «Даже не позвонил... А в запасе-то были еще целые сутки! Не оби-

жайся, Верка, после ты поймешь — иначе я поступить не мог...»

В Момино поезд прибыл с рассветом, когда тусклое и холодное декабрьское солнце только-только набирало разгон. Над трубами домов стояли белесые столбы дыма, мороз пощипывал уши, щеки, нос. А настроение было не по-зимнему неудержимо радостное, приподнятое. Тимур с удовольствием вслушивался в скрип своих шагов и уже представлял, как новым сообщением огорчит всех...

В штабе, как и при отъезде, никого не было. У столика дежурного с противогозам и пистолетом на боку томился Домогалов. Встретил Тимура улыбочкой непонятного значения:

— Ну, друг, и отмочил ты номер!

— Что такое? — не понимая еще, о чем речь, остановился Тимур. — Начштаба у себя?

— Все на аэродроме. Но — ты! Надо же! Ему столичную службу предлагали, почти дома, а он сам напросился и куда... — Не договорив, он махнул рукой. — А приказ о твоём отчислении из полка отменили, с чем, как говорится, и поздравляю.

— Уже передали?

— Сам телефонограмму принимал и показывал Бате. Так что ты учти и оцени мою оперативность — сто граммов с тебя и яичко!

— Обойдешься! — И протянул отпускной билет. — Отметь время возвращения из отпуска.

Потом Домогалов подошел к окну и, шуря маленькие хитроватые глаза, провожал порывистую фигуру лейтенанта Фрунзе; отметил мысленно: «Не в общежитие пошел... Прямоком к аэродрому зачесал...» Смотрел ему вслед и не понимал: «Все у него как-то наоборот... Даже из отпуска раньше положенного примчался... Быстрый!»

У капониров звена Тимура встретили шумно и восторженно. Шутов по-медвежьи сграбастал своего ведомого:

— Молодец ты, Тимур! По-нашенски, по-сибирски решил свой вопрос! Вместе работать будем, кедровые шишки!

Здесь же крутились старшие сержанты Менков и Аверченко и в один голос заверили командира экипажа, что их «як», как говорится, на полном газу.

— Хоть сию минуту готовый к взлету! — доложил Менков.

— Сию минуту, говоришь?

Это произнес комэск Кулаков, выходя из-за самолета. Когда он приблизился к капониру — никто не заметил.

— Так точно, товарищ старший лейтенант! — подтвердил механик.

Следом вышли Дмитриев, Захаренков и механик комэска старший сержант Шустов. Тимур подтянулся и доложил комиссару, что из краткосрочного отпуска прибыл, замечаний не получил, поставленную перед собой задачу выполнил.

— Знаем уже, знаем! — сказал Дмитриев, пожимая ему руку.

Кулаков тоже поздоровался с ним и неожиданно спросил:

— Как настроение, командир экипажа?

— Как всегда, наступательное! — отозвался Тимур. — За доверие и новый «як» благодарю! — Ни улыбка, ни предательски ясные глаза не могли скрыть его радости.

— А самочувствие каково после блицотпуска?

— Бодрое, товарищ старший лейтенант.

— Лейтенанту и мне шлемофоны! Подготовить машины к запуску.

— Есть!.. Есть! — откликнулись Менков и Шустов.

От капонира к капониру перебросился разговор: «Тимур Фрунзе вернулся, комэск 1 будет проверять его технику пилотирования!»

В сущности, обычное это дело — проверка новичка командиром. Но в данном случае она заинтересовала мно-

гих, и все, кто оказался поблизости, потянулись вслед за двумя «яками» на взлетную.

Передав свою шапку Менкову, Тимур надел шлемофон и старательно застегнул ремешок. Шел и подбадривал себя: «Спокойно, Тимка, все должно быть на высшем уровне!» — однако чувствовал, что волнуется, и не мог понять почему. Такого состояния он не испытывал ни в авиашколе, ни в запасном полку на переучивании. «А может, и меня подсек тот самый «психологический вывих» после вчерашней передряги? Как там ни смотри на этот внезапный эксперимент, а факт остается фактом — оценивать мое летное мастерство будет фронтовик-краснознаменец! И конечно, он желает убедиться: можно ли мне доверить перегон новой машины?»

А рядом, у самого плеча, возник ободряющий полусшепот:

— Ты, товарищ командир, не сомневайся — машина на все сто! Что мотор, что рули, та же аппаратура — все в норме и режиме, лучшего желать не надо.

Нашептывал Менков, и Тимур почувствовал прилив благодарности к этому кряжистому парню с добродушным лицом.

— Тебя как звать-то?

— Дмитрием. Можно и просто Димкой.

— Спасибо, Дима, за теплое слово. Я и не сомневаюсь в машине.

Когда самолеты замерли на предварительном старте, к Тимурю подошел Кулаков и сказал только три слова:

— Вы мой ведомый.

— Понял.

Перед посадкой в самолет Иван Шутов предупредил:
— Будь внимателен: Кулаков постарается оторваться и зайти твоему «яку» в хвост — конек его! Не отставай, повторяй все его маневры. Замешкаешься — проиграешь.

— Все ясно, Иван. И будь уверен, сегодня — именно сегодня! — я постараюсь быть, как никогда, бдительным

и не дать ему зайти в хвост... — Вспомнив качинский эпизод в зоне, улыбнулся: — Один черноморский ас однажды попытался попутать меня — на бреющем уполз восвоиса... — И оборвал себя: «Расхвастался! Смотри, чтоб тебя не посадили на брюхо...»

Стартер отмахнул флажками сначала ведущему — истребитель стремительно взлетел в мглистое небо, а через двадцать секунд ведомому.

Тимур начал выводить обороты до взлетных. «Як» знакомо вибрировал, как бы выражая нетерпение, и начал разбег. Второй бело-голубой красавец устремился вперед и, быстро набрав высоту, пошел по кругу, пристраиваясь к лидеру.

Внизу собравшиеся, запрокинув головы, выжидательно наблюдали за первым полетом Тимура Фрунзе над аэродромом, изредка роняя, как им, наверно, казакам, глубокомысленные реплики:

— Ретиво взлетел.

— Старается!

— Они что — так и будут носиться по кругу?

— Кулаков сейчас покажет ему свой «круг»! — пообещал старший сержант Шустов.

Не успел вспыхнуть смешок, как ведущий истребитель, истошно взревев, полез вверх и потащил за собой ведомого, словно тот был прочно-напрочно приторочен к нему незримыми путами.

— Что я говорил! Кулаков есть Кулаков! — возликовал Шустов.

Все примолкли и, затаив дыхание, продолжали наблюдать за вихревой метелью из двух больших снежинок.

Кулаков с горки, перевернув машину через крыло, устремился вниз, норовя уйти от своего ведомого, но не тут-то было. Тимур в точности повторил маневр комэска и снова оказался у него в хвосте. Иван Шустов в восторге хлопнул по спине механика комэска Шустова:

— Вот так, кедровые шишки! Смотри, старшой, как выписывает вензеля мой ведомый! Так держать, Тимур!

А там, наверху, продолжалась головокружительная карусель. Истребитель Кулакова срывался в пике и с диким ревом выходил из него, вытягивая, словно свою голубую тень, второй истребитель.

Пятнадцать минут не стихала имитация воздушного боя, и возгласы на земле были уже иные:

— Где он учился?

— Качинец.

— А, ясное дело! Оттуда почти все наши асы вылетели.

— Неужели комэск не оторвется?

— Комэск твой уже идет на посадку...

Тимур понял: экзамен выдержан. Хотелось вздохнуть, немного расслабиться, но он не мог сейчас этого сделать — всем своим существом слился с машиной и мчался следом за ведущим напрямую, где впереди на белом фоне глянцеви́то поблескивала укатанная полоса и темнели крохотные фигурки людей. Он отжал ручку от себя и начал привычно отсчитывать метры падающей высоты. Зрение охватило все пространство, и казалось, что не самолет снижается, а белая земля с каждым мгновением приближается, спешит ему навстречу. Теперь ручку надо постепенно выбрать на себя...

Отсчитан последний метр. Тимур еще раз мягонько-мягонько подтянул послушную ручку, и в следующее мгновение колеса коснулись бетонки и покатались, сухо шурша.

Кулаков спрыгнул с крыла, расстегнул ремешок племофона, сбросил на руки Шустова парашют и, заложив руки за спину, стал дожидаться Тимура. А тот, даже здесь, на земле, скопировал манеру прыжка комэска и, подбежав к нему, сияя глазами, вскинул руку:

— Лейтенант Фрунзе полет закончил. Разрешите получить замечания?

Все, кто наблюдал за «воздушным боем», остановились в отдалении, а к ним подошли только ближние — Дмитриев, Захаренков, Шутов.

— Как же без замечаний?! Будут замечания, — сказал Кулаков и, обернувшись, мельком оглядел подошедших. Тимур притушил прилив какой-то новой, неведомой еще ему радости. — Как же так, товарищ лейтенант? Нехорошо. Очень даже нехорошо.

— Что именно... нехорошо?

— Подрывать мой авторитет нехорошо.

«Он что — серьезно?» — пытливо вглядывался Тимур в неестественно озабоченное, с покрасневшим носом, лицо комэска.

— Гляньте туда, — махнул Кулаков на толпу. — Видите, сколько зевак собралось? А вы что делали? Вы, младший пилот, не дали возможности мне, своему командиру эскадрильи, зайти себе в хвост, чтобы я смог прижать вас к земле. — Провел по лицу рукой и — словно смазал всю свою озабоченность — расхохотался. — От души поздравляю: хорошо, красиво летаете! Рад иметь в своей эскадрилье летчика, подрывающего таким манером мой авторитет. — И с чувством стиснул ему руку.

Остаток дней до нового года Тимур несколько раз назначался на боевое дежурство и барражировал, охраняя авиагородок и аэродром полка.

А потом была ободряющая новогодняя речь Калинина, и год сорок первый отошел в историю...

Еще утро нового, 1942 года не наметилось ранним рассветом и восток был по-прежнему синевато-черен, а 161-й истребительный авиационный полк начал свою передислокацию. С аэродрома поднялся первый ТБ-3 и взял курс на север, увозя оперативную группу. Следом улетели другие тяжелые корабли с инженерно-техническим составом и средствами обеспечения: на новом месте надлежало подготовить и организовать прием основной боевой техники — истребителей.

В помещениях эскадрилий стало по-карантинному неуютно — стены опустели, койки стыдливо выставляли напоказ оголенные вдавленные сетки. Летчики, передав свои чемоданы в интендантский воздушный обоз, остались налегке и ожидали команды. Коротая время, подробно изучали карты с маршрутом на Крестцы, вычитывали в сводках Совинформбюро сообщения с Северо-Западного фронта, а перед самым отлетом написали коротенькие, скудные весточки на родину, домой, если, разумеется, родной порог не остался по ту сторону фронта.

Минул день, другой, и повезла неторопливая полевая почта во все свободные и недавно освобожденные города и веси такие необычные и такие уже привычные письма-треугольники, проштампованные черным по белому: «Проверено военной цензурой»...

И все же, как ни медлительна была полевая почта, несколько дней спустя, когда новый военный год с возросшим солдатским упорством зашагал по фронтовым большакам и партизанским тропам, она доставила все эти бумажные треугольники по ближним и дальним адресам.

Первую новогоднюю весточку от Тимура получила и Татьяна Фрунзе. Гордясь братом и все же по-женски тревожась за его судьбу, она торопливо развернула тетрадный листок и прочла несколько строчек, написанных прежним — ровным и уверенным — почерком: «... Все идет отлично. До сих пор боевых вылетов не имел: не было самолета. Сейчас машину мне выдали. Летаю в небе Подмосковья. Но — видимо, ты об этом уже знаешь — не сегодня-завтра перемещаюсь на северо-запад...»

В тот же день точно такой же листок развернула и Вера: «... Думаю, что на «седьмом небе» тебе делать больше нечего, но ты все равно почаще вглядывайся в созвездие Волосы Вероники и думай о... северо-западе — я там».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

... Тимур вел истребитель свободно и легко. Слева впереди все время матово голубел «як» Ивана Шутова. В наушниках щелкнуло, и ведущий спросил:

— Как дела, Тимур?

— Все в порядке! — нажав на кнопку передатчика, ответил он и как-то непроизвольно коснулся ручки настройки приемника — сбил свою волну.

В наушниках возник легонько потрескивающий фон помех и отдаленный женский голос, заглушаемый симфонической музыкой. Не верилось, что где-то, кроме войны, есть еще и другие дела, что кто-то может спокойно читать стихи, водить смычками по струнам.

Колонна истребителей шла вдоль железнодорожного полотна Москва — Калинин; внизу лежал освобожденный Клин. На сплошном белом поле отчетливо видны следы декабрьского разгрома фашистских войск — черные пятна сгоревших танков и самолетов, а в полосе смятой обороны беспорядочный мутно-зеленый накрап «забальзамированных» лютым морозом трупов врага...

Обожгла внезапная мысль: «Ради чего... ради кого они полегли под Клином? Что привело их сюда, где был мир... труд... музыка?»

И вдруг смычковые взлеты мелодии, что все еще звучали в наушниках, прояснились — Чайковский! А стихи — Лермонтова, знакомые еще с далекого детства: «Изведал враг в тот день немало, что значит русский бой удалый...» Женский голос умолк, и диктор густым баритоном начал зачитывать ноту народного комиссара иностранных дел о повсеместных зверствах германских войск на захваченных ими советских территориях. Об этой ноте перед отлетом в эскадрилье комиссар Дмитриев провел политинформацию. Припомнились ожесточившиеся лица летчи-

ков и то чувство закипевшей в груди ненависти, которое накалило желание немедленно поднять свой истребитель и действовать — лететь и крушить.

Вот и сейчас кулак, сжавший чуткую ручку управления, налился свинцом; однако спохватился, поспешил установить свою волну — и вовремя.

— Как дела, Тимур?.. — слышалось в наушниках. — Почему молчишь?

— Нормально! — бодро откликнулся он и мысленно ругнул себя за временную потерю радиосвязи.

— Металлолом видел?

— И не только металлолом...

— А за тех пусть молятся Гретхен и замаливают их тяжкие грехи.

В наушниках возник властный голос:

— Кончай собеседование!

— Есть! — не смущаясь, за двоих ответил Шутков.

«Кулаков подключился», — узнал голос комэска Тимур и огляделся по сторонам. Под крылом медленно проползали прямоугольники коробок полуразрушенных кварталов Калинина. А спустя некоторое время и аэродром.

Треть пути преодолена. После кратковременной посадки на дозаправку эскадрилья Кулакова снова в воздухе, и вскоре тылы Калининского фронта остались позади — эскадрилья втянулась в пространство Северо-Западного...

Неожиданно самолет тряхнуло. Инстинктивно сжал ручку управления, и «як» слегка клюнул носом. «Что такое?» — не понял Тимур, прислушиваясь к оборотам двигателя и оглядывая приборы. И тут он ясно ощутил не- сильные, но частые толчки в моторе.

«Спокойно... только без паники... Что бы это могло значить?» Тимур огляделся по сторонам. Первое, что пришло в голову, — обстрел своей же зениткой. И такое, говорят, случалось. Но внизу сплошной ватно-белый ковер, простроченный двойной ниточкой железной дороги.

И тут-то хлынуло!

Плексиглас передней части фонаря кабины, как при обильном ливне, начало захлестывать мутноватой водой. Никакого ливня, разумеется, не было — за бортом тридцатиградусный мороз, да и остальная часть фонаря оставалась по-прежнему прозрачной.

— Мотор! — вырвалось у него.

Самолет ведущего сквозь завесу хлещущей воды расплывчатым пятном отошел в сторону. Тимур понял, что нарушил выдерживание общего строя колонны.

Нажал кнопку передатчика:

— Что-то неладное с мотором.

— Что именно? — тут же отозвался Шутов.

— Фонарь захлестывается водой, впереди почти ничего не вижу.

— Кедровые шишки! — вполголоса озадаченно произнес ведущий.

— Двигатель работает с перебоями.

И почти сразу раздался спокойный голос Кулакова:

— Что случилось, лейтенант Фрунзе?

Тимур повторил. Недолгая пауза.

— Смотри на карту... Справа от маршрута Выползово и деревня Едрово. Между ними временный полевой аэродром. Помечен?

— Так точно.

— Сворачивай и — курс на него. Сядь на вынужденную. Сядешь?

— Постараюсь, товарищ старший лейтенант.

— Дожидайся там, пришло машиной технарей... Шутов!

— Слушаю, товарищ командир.

— Сопровождай своего ведомого. Как только сядет — самостоятельно на Крестцы.

— Понял.

— Действуйте!

— Есть! — первым откликнулся Тимур и отвалил вправо.

С минуту летели молча. Потом Шутов спросил:

— Все хлещет?

— Поливает, как из шланга, и температура растет.

— Не паникуй, до Выползово вся не выльется.

— И не думаю паниковать.

— Отлично, кедровые шишки! — настраивал Шутов своего ведомого на мажорный лад, а сам думал: «Да где же он там затерялся, этот промежуточный!.. Снегом его занесло, что ли?»

Поселок Выползово и деревня Едрово, как бы маскируясь под наметами обильного снега, жались к Валдайскому тракту. Проезжая часть дороги, однако, видна отчетливо и порой глянцевито поблескивала.

«Наконец-то аэродром!» — рассмотрел расчищенную площадку Шутов и сказал:

— Тимур, под нами Выползово.

— Вижу... Мне сбоку все видно.

— По левому борту — аэродром.

— Вижу.

— Заходи на посадку.

— Есть, на посадку...

Хрипловато стонущий «як» пошел на снижение, и Тимур увидел на снегу бегущую тень своего самолета, которую вскоре настиг у самой земли.

Круживший над аэродромом Шутов облегченно вздохнул: «Сел! Молодчага, Тимур! Ах и молодчага, кедровые шишки!» От продолговатого снежного холмика — должно быть, землянки — к севшему истребителю бежали две черные фигурки. А вот и он, Тимур, соскочил на снег и машет командиру двумя руками. Шутов сделал еще один полный круг, прощально качнул крыльями и, выйдя на прямую, взял курс в сторону фронта.

Механики временного полевого аэродрома деловито осмотрели самолет, и один из них, пожилой дядька с сивыми усами, сочувственно сказал:

— Дэ-э... Дело табак, сынок. Картер пробило.

— Самолет-то новый! — в отчаянии воскликнул Тимур.

— Вижу, что новый! Дэ-э... вот двигатель с дрянцой оказался.

— Ладно, — с горечью махнул рукой Тимур. — Приедут наши механики — что-нибудь придумаем.

— Тут и придумывать нечего, — солидно и грубовато возразил молоденький курносый паренек, силясь придать своему голосу такие же басистые интонации, как у пожилого механика. — Сказано: накрылся двигатель — баста. Только у нас моторов лишних нет. Правда, нет, Петрович?

— Не стрекочи... А ты с какого аэродрома?

Тимур объяснил.

— Новая часть, стало быть. Дэ-э... Что ж, будем дожидаться твоих механиков. Однако, видно по всему, раньше утра их не жди.

— Мало толку, если без мотора притащатся, — вставил молоденький механик.

— Не стрекочи... Давай, сынок, полетный лист диспетчеру на отметку... Отнеси, Петруха. А сам зря здесь не стынь, в землянку пойдём.

«Петрович... Петруха», — отметил про себя Тимур. В другой бы раз улыбнулся, но сейчас не до веселья: опять задержка, опять жди.

В землянке на него дохнуло тепло с примесью запахов машинного масла, бензина, сосновых поленьев, сохнущих портянок и махры. Посреди землянки воинственно гудела железная бочка-печь и, знойно дыша малиновым боком, роняла красноватый отсвет на двойные, устланные самолетными чехлами нары. Вокруг бочки, чадя дюймовыми самокрутками, сидели несколько красноармейцев.

— Здравствуйте... Да у вас тут Ташкент!

— Дэ-э... подсаживайся, сынок, отогревайся.

Тимур присел на придвинутую ему табуретку, вынул папиросы, протянул их красноармейцам:

— Закуривайте, кто желает, а меня угостите махорочкой, — и улыбнулся: — Очень уж она у вас ароматная.

К папиросному коробку потянулись задубевшие от бензина и мороза руки.

— Дэ-э... аромат у нас тот еще — букет моей бабушки, — сказал Петрович и подал Тимуру кисет с вышитым стихотворным восклицанием: «Кури самосад душистый и бей оккупантов-фашистов!»

Один из красноармейцев прыснул:

— Наш Петрович заочный роман с молодой завел!

— Не стрекочи... — смешно засмутился тот, накручивая на палец сивый ус. — Дэ-э... Подарок-посылочку мы, как лотерею, разыграли. Отвернулся один, а я вынимаю из ящика то мыло, то носовой платок, то носки шерстяные и каждый раз спрашиваю: «Кому?» Отвернувшийся, стало быть, называет фамилии... Дэ-э... Кисет мне достался, а небось мастерица, вышивая, думала о таком молодце, как наш Петруха.

Засмеялись, а Петруха тут как тут, легок на помине.

— Все в аккурате, Петрович, отметка сделана. — И он протянул полетный лист Тимуру, а сам припал к уху пожилого механика и стал что-то нашептывать.

— Не стрекочи... Дэ-э... — И вслед за этим «дэ-э», на что Тимур, занятый неумелым, но усердным сворачиванием козьей ножки, не обратил внимания, обращение несколько изменилось. — Тут такое дело, товарищ лейтенант: наш военинженер сейчас на машине выезжает в Валдай. Чтоб механики ваши зазря не мотались, не худо бы...

Петруха перебил его:

— Короче, надо, чтоб оттудова, из штаба, военинженер звякнул в Крестцы — пусть мотор просит ВК-105. Вам не откажут.

— Не стрекочи. Дэ-э... Валдай недалече. Там штаб фронта, и наш военинженер едет туда с бумагой. Скажи-

те ему, в какую часть позвонить, он позвонит насчет мотора.

— Запросто! — воскликнул Петруха. Куда девались его грубоватые интонации — голос был звонок, как валдайский колоколец.

Тимур, затягиваясь едучим дымом, спросил:

— А когда военинженер вернется?

— Дэ-э так... — И посмотрел на Петруху.

— К вечеру в аккурат должен быть.

— В таком случае, я сам бы и позвонил. У военинженера свои дела. Возьмет он меня?

— А и верно! Валдай поглядите. Не бывали? — звенел Петруха.

— Не стрекочи... Чего ж не возьмет — возьмет. В кабине «зиса» места хватит.

Когда довольно потрепанный «зис» мчался по умятому гракту, а Тимур, сидя в кабине с дремлющим военинженером, смотрел на однообразную белую дорогу, в голове мало-помалу события дня затихли, отстоялись. Говорить не хотелось, и он был рад, что соседи его по кабине оказались людьми неразговорчивыми. Грузовик монотонно урчал, водитель с прилипшей к губам сигаркой неотрывно гипнотизировал накатанную колею, а военинженер с обрюзгшим лицом изредка всхрапывал.

Так и доехали до Валдая. Машина быстро проскочила по заснеженным улочкам, обогнула замерзшее Валдайское озеро с мрачноватым монастырем посередине и углубилась в хвойный лесок. Вскоре ее остановили, и водитель бесцеремонно толкнул в плечо военинженера:

— Прибывши!

Тот еле-еле разлепил отечные глаза.

— Угу... Значит, так — ожидай здесь. — Выйдя, показал вооруженному автоматом бойцу какую-то бумагу и махнул ею: — Пойдемте, лейтенант! — Пройдя несколько шагов, неожиданно сказал: — Я вам помогу в большем, чем дозвониться до Крестец. Я ведь специально приехал к

Тимофееву Федоровичу — его резолюция нужна. Вот и попрошу его ускорить ваше дело.

— А кто такой Тимофей Федорович?

— Командующий авиацией фронта. — И заметил наставительно: — Свое начальство надо знать: генерал-лейтенант Куцевалов.

— Нет, нет! Зачем же командующего отвлекать таким пустячным делом, — не согласился Тимур. — Разговор по телефону со штабом сто шестьдесят первого полка — и все.

Военинженер похлопал набрякшими веками, пристально всмотрелся в юное лицо летчика и как-то неопределенно хмыкнул:

— Угу... Ну что ж, пойдете.

Перед домиком дачного типа, окруженным нарядными, в белой парче снега, соснами, свободно миновали еще одну преграду — часового у входа. Тимур пришлось только задержаться в комнатке с окошечком коменданта. Оставляя Тимура одного, военинженер сказал участливо:

— Поскучайте самую малость, я в два счета управлюсь, — и скрылся за дверь.

Входили и выходили военные, большей частью старшие командиры и генералы. Тимур не успевал козырять, а те, озабоченные и поглощенные своими мыслями, почти не замечали его — кто кивал в ответ, кто едва доносил руку к воротнику шинели или бекеша, а большинство просто проходили мимо.

«Командующий Куцевалов... — вспомнил Тимур. — На Каче Куцевалова нам называли в числе прославленных качинцев. Не тот ли?»

— Все в ажуре! — выглянул военинженер, свертывая бумагу. — Проходите, сейчас все устроим.

— Скажите, генерал Куцевалов — Герой Советского Союза?

— И притом довоенный! — многозначительно подчеркнул военинженер.

— Значит, он.

— Он, он! — откликнулся военинженер, хотя и не знал, что имел в виду Тимур.

Сразу же за дверью молодежавый подполковник непрекаемо бросил постовому бойцу:

— Пропустить! — и скрылся в своем кабинете.

Тимур пошел следом за военинженером, и они почти сразу же оказались в комнатке с батареей полевых телефонов. Телефонист монотонно диктовал в трубку какое-то распоряжение.

— Сюда, пожалуйста.

Прошли в следующую комнатку. Перед настенной картой стоял немолодой уже летчик в меховом шлеме, реглане и унтах. На шумок шагов он полуобернулся и, всматриваясь в Тимура, казалось, с трудом разо~~ж~~нул рот:

— Так это вы из полка Московца совершили вынужденную посадку в Выползово?

Тимур, озадаченно глянув на присмирившего военинженера, ответил:

— Так точно, товарищ... — Звания немолодого летчика нельзя было определить, и он запнулся.

— Можете продолжать так: ... генерал, — усмехнулся летчик одними глазами, впрочем довольно холодноватыми и немигающе пристальными. — Что же случилось?

Тимур доложил, объяснив попутно:

— Приехал, чтобы дозвониться до своих: нужен новый мотор... — И тут словно кто потянул его за язык: — ВК-105.

— ВК-105 без моего разрешения не выдадут, — отрезал генерал. — При посадке ничего не подломили?

Сгорая от стыда и уже догадываясь, с кем говорит, Тимур с усилием вымолвил:

— Сел нормально, товарищ генерал.

— Можете возвращаться к своему «яку». Ждите к утру мотор.

— Слушаюсь, товарищ генерал! — И вдруг сорвалось: — Разрешите спросить: вы — генерал Куцевалов? О вас нам в летной школе рассказывали.

— Качинец? — И в глазах, только что поблескивавших льдинками, вспыхнули теплые, озорные искорки. — То-то вижу, не растерялся. Молодец... А меня, значит, помнят?

— Хорошо помнят, товарищ генерал.

— Ну-ну... И я хорошо помню нашу Качу.

Заглянул телефонист:

— Товарищ командующий, телефонограмма передана.

— Добро. — И к военинженеру: — Ко мне больше ничего нет?

— Ваша резолюция разрешила все вопросы, Тимофей Федорович.

— Бывайте! — И генерал быстро вышел.

Возвращаясь к машине, военинженер добродушно щурил отечные глаза.

— Вот видите, все просто.

— Но меня это не совсем радует. Вы, конечно, назвали мою фамилию и...

— Совсем нет! Не успел я рта открыть: со мной-де летчик, севший на вынужденную, как он сам сказал: «Знаю — это сын Фрунзе». — Уже сидя в машине и махнув пухлой рукой с короткими пальцами: «Трогай», военинженер — на этот раз он не собирался дремать — продолжал расхваливать своего командующего: — Это ж, имейте в виду, Куцевалов! Бывает суров. А как же на войне? Иначе невозможно. Он всегда в курсе — непрерывная информация, везде успеваает. Между прочим, его КП в Крестцах, так что ваше начальство сегодня же получит указание.

Проезжая по трактовой, с частыми выбоинами, улице, Тимур обреченно слушал выспавшегося соседа, рассматривал мелькавшие домики старинного русского города и

редких прохожих. На одной из выбоин «зис» забуксовал, и водитель сочно выругался:

— ... лысая резина! Сколько раз просил заменить, а теперь чикайся! — и полез из кабины.

— Результат бомбежки... да и скверно засыпали, — сокрушенно вздохнул военинженер, имея в виду выбоину, и не сдвинулся с места.

Тимур же вышел и вместе с водителем начал подтаскивать под задние колеса охапки смятых, изувеченных хвойных лап, валявшихся здесь же, рядом с выбоиной. Надрывно взывая, отплевываясь комьями снега с зелеными иглами сосны, машина тцилась вырваться из плена.

Тут-то и произошла удивительная встреча.

По тротуару шел военный, на шинельных артиллерийских петлицах — шпала.

«Ну конечно же это он — Цыганов! Не зря ведь кто-то сказал: мир тесен...» И окликнул:

— Константин Иванович!

Военный остановился, на мгновение вопросительно изломал широкие брови, и тут же его неунывающая ямочка на подбородке, точно такая же, как у начштаба эскадрильи Захаренкова, просияла:

— Кого вижу?! Тимур!

Шагнули друг к другу, обнялись.

— Какой же ты стал, Тимур, великолепный! Летчик!

— Летчик-истребитель.

— Значит, мечта сбылась?

— Мечта, Константин Иванович, не сбывается, если она не делается. Я все время делал свою мечту.

— Вижу. Ты ее хорошо сделал, — сказал Цыганов, продолжая прямо-таки любоваться Тимуром. — И где ты, в Валдае?

— Служил под Москвой, теперь в Крестцах буду.

— Знаю такую горячую точку на нашей земле. Ну а вообще как ты?

Тимур согнал улыбку с лица, задумался, повторил:

— Вообще... Вообще, Константин Иванович, трудно-вато только стало в одном: люди ко мне как-то не совсем естественно в последнее время относятся. Узнáют, чей я сын, — и все. Отношение меняется. Я бы даже так сказал: оберегают, что ли. Мешает мне все это. И нехорошо.

— Ничего нехорошего в том я не вижу. Пойми, Тимур, такое отношение к тебе наших людей естественно. Хочешь ты того или нет, а каждый, глядя на тебя, невольно воскрешает в своей памяти образ твоего отца. Для них ты не просто Тимур, а Тимур — сын Фрунзе. Потому и тех, кто тебя оберегает, как ты говоришь, тоже можно понять. Вполне естественно. Такова душа нашего народа.

— Эгей, лейтенант! — донеслось издали. — Закругляйся!

Кричал шофер. «Зис» уже урчал поодаль, прижавшись к тротуару.

— Надо спешить мне, Константин Иванович. Ждут.

— Очень рад, что тебя увидел вот таким — большим, сильным! — Цыганов двумя руками сжал широкую кисть Тимура. — Будь здоров, и подвигов тебе, мой комсомолец!

— Благодарю, Константин Иванович... — И все еще не отнимая руки, спросил вдруг: — А вы из наших «спецов» никого не встречали?

— Как же! Совсем недавно Гербина встретил. Он тоже здесь, на Северо-Западном. Командует огневым взводом!

— Да?! Левка на Северо-Западном?

— И совсем близко от Крестец. Между прочим, тебя вспоминали, — сказал Цыганов и согнал с лица улыбку. — Обмолвился он тогда одной печальной вестью.

— Что такое? — насторожился Тимур.

— Двое из спецшколы погибли. Одного с вами выпуска.

— Кто?! — вскрикнул Тимур.

— Малинин и Раскатов. — Тимур побледнел, а Цыганов еще крепче стиснул ему руку и жестким голосом за-

ключил: — Война, Тимур, жестокая штука. И беспощадная. Будем помнить, Тимур, об этом и мстить врагу за все. За все!

— Только так, Константин Иванович.

А со стороны опять нетерпеливый голос:

— Лейтенант!

Тимур махнул рукой и быстро пошел.

Встреча с бывшим комсоргом спецшколы и недобрая весть взволновали. Уже отъехав, Тимур упрекнул себя: «Нехорошо как-то получилось — даже не спросил, кем же он, Константин Иванович, тут, в Валдае. Или заездом, как я?.. А «спецы»-то наши, старшина и милый молчун, погибли...» И всю дорогу до Выпозово он вспоминал о школьных товарищах. Особенно ясно в памяти проявился тот последний день, когда они расставались после вручения им аттестатов. Молчаливый Раскатов сказал тогда: «Вот и все», а Малинин возразил: «Нет, не все!» И по старшинской привычке скомандовал: «Артиллеристы, ко мне, остальные — на месте!» На месте остались Олег Баранцевич и он, Тимур. И это к ним двоим обратился Малинин с взволнованным напутствием: «Артиллерия любит вас, но и вы любите ее. Грянет бой — чтоб ни одной черной птички не пропустили!» И вырвалось невольно, как стон:

— Пропустили-таки!

— Кого? — ословело уставился на него военинженер: он было опять задремал, но возглас Тимура потревожил его.

— Скорее бы в часть и — в бой! — ожесточенно вымолвил Тимур.

Военинженер понимающе кивнул и прикрыл веки.

Вернулись на аэродром поздно вечером. Мороз прояснил небо, и звездная россыпь яростно изливала холодный кристаллический свет.

Тимур прошел к своему истребителю.

— Стой! — раздался внезапный окрик. — Кто идет?

— Летчик с «яка», — глухо откликнулся Тимур.

— А... товарищ лейтенант! Приехали? — Он узнал голос механика Петрухи. Тот вышел из темноты в тулупе до пят, с винтовкой в обнимку. Пояснил: — Патрулирую. А как... с мотором, выгорело?

Тимура еще угнетала весть о гибели Малинина и Раскатова. Говорить не хотелось. Прошел было дальше, но все же запоздало ответил:

— Насчет мотора спрашиваешь? Понимаешь, сболтул-таки про ВК-105. И знаешь кому? Куцевалову. Оказывается, эти моторы — НЗ. Нехорошо получилось.

— Наоборот, полный порядок! Раз Куцевалову сказали — дело верное. Ну, я пополз пугать потемки.

Неуклюжая, как копенка соломы, фигура его и в самом деле не пошла, а поползла, скрываясь в темноте.

«Як» был заботливо укутан ватными чехлами. «Побеспокоились... Спасибо Петровичу и Петрухе — наверняка они. А может, и прав Цыганов — все вполне естественно. Как он сказал?.. Такова душа нашего народа...»

Тимур вдохнул полной грудью лишивший в носу морозный воздух, запрокинул голову и задержал взгляд на созвездии Волосы Вероники. Заветные две звездочки, окруженные слабой метелью северного полюса Галактики, сегодня блистали довольно ярко. Было такое впечатление, что они, помаргивая, пристально вглядываются и отыскивают на земле кого-то.

«Я тут, Вера! — чуть не крикнул Тимур. А потом начал спокойно думать, обращаясь к ней: — Слышала весть о гибели моих товарищей и напутствие Константина Ивановича? Малинина и Раскатова уже нет в живых, а мне, живому, мой первый комсорг подвигов пожелал... А я думаю так: на войне о подвигах не помышляют. На войне нам надо воевать и побеждать. Бить врага за себя и за павших. Только так, Вера. Иначе нам сейчас нельзя».

Утром приехала крытая полуторка: лейтенант За-

харенков за старшего, а с ним весь техэкипаж недолетевшего до Крестец «яка».

— Аварийная команда, в бою! — полушутя-полусерьезно командовал Захаренков в продрогшим в кузове механикам.

Менков волновался больше всех. Когда же осмотрел двигатель, облегченно вздохнул:

— Производственный дефект. А я уж измаялся: неужто, думаю, прошляпил?

Замена двигателя, да еще в январскую стужу, — дело тяжелое, хлопотное. Стаскивая с полуторки треногу с блоком, Аверченко и Менков, бодрясь, покрывали:

— Теперь двигатель поставим классный!

Захаренков, уходя в диспетчерскую, тоже оптимистически заметил:

— И верно, без волокиты дефицитный мотор получили. Мне такое новое начальство по душе.

Слушая их, Тимур помалкивал и заклинал себя: «Никогда: ни при каких условиях... ни при каких обстоятельствах... даже намеком ты не должен давать повода хотя бы на малую привилегию. Только как все!»

Меняли двигатель два дня, почти без перерыва. Тимур не отходил от самолета и наравне со всеми участвовал в изнурительной работе. Сержантам были по душе сноровка и трудолюбие командира, а Менков даже шутливо похвалил:

— А у тебя, лейтенант, ладно и толково получается!

Тимур, вытирая паклей запачканные тавотом руки, без гордости ответил:

— Еще в летной школе любил с моторами возиться.

— А ты переходи в технари, без работы не оставим! — И засмеялся с добродушной подковырочкой: — Только вот ключи холодные.

— Работой меня, Дима, не запугать, а холода не боюсь... Только моя работа там! — И Тимур махнул в морозную синь неба.

Во второй половине следующего дня Тимур и Захаренков пошли за разрешением на облёт. Получив команду опробовать новый мотор в воздухе, Тимур полузагадочно сказал начальнику штаба эскадрильи:

— Качну крыльями, — значит, все в порядке и...

— Что «и»?

— ...и не беспокойтесь. А то как-то складывается: я доставляю всем много хлопот. Вот вы приехали, оторвал вас от дела.

— Не я, так другой бы приехал: на машине должен быть старшим средним командир.

— Одним словом, не беспокойтесь.

Взлетев, Тимур прочертил по безоблачному небу несколько кругов, пролетел бреющим над своими помощниками и диспетчерской, помахал крыльями и взял курс на Крестцы.

Захаренков покосился на дежурного. Тот, следя за быстро удаляющимся в западном направлении истребителем, укоризненно покачал головой:

— Непорядок... Я ж дал разрешение только на облёт.

— Почему непорядок? — возразил Захаренков. — Двигатель работает отлично, а летчик спешит в свою часть.

— Двигатель-то работает отлично, а вот я, выходит, погано: надо бы не отдавать полетный лист.

Точка превратилась в точку и вскоре совсем исчезла. Захаренков сказал:

— Понимаю его. Ведь вы бы после облёта не разрешили ему сегодня лететь в Крестцы — кончается светлое время!

— С утра бы полетел.

Захаренков тронул двумя пальцами висок под срезом цигейковой шапки:

— С утра у нас другие задачи.

Погрузив в полуторку испорченный двигатель, аварийная команда тут же покинула аэродром,

Самолет над поселком Крестцы появился с восточной стороны. Он облетел его по кривой, прочерчивая незримый след по линии мертвой, ледяной реки, опушки леса, пересек дорогу на Старую Руссу и, круто свернув, вышел на довольно обширную площадку, значительно приподнятую над поселком, — полевой аэродром.

Уже смеркалось, но, увидев виражирующий Як-1, дежурный по полетам приказал выложить посадочный знак, и вскоре истребитель сел. Дежурным оказался старший лейтенант Усенко. В этот день он не поднимался в воздух и по случаю дежурства по полетам был чисто выбрит. Узнав Тимура, Усенко обрадовался и сразу же по секрету выложил:

— Батя жутко переживал твою вынужденную. Успокоился тогда лишь, когда прилетел Иван и рассказал, что ты в полуслепому полете уверенно сел на расчищенный пятачок незнакомого аэродрома. И я отмечу: классно летаешь — сумерки, а посадил свой «як» что надо, на три точки!

Тяготясь и все же радуясь похвале этого, казалось, никогда не унывающего летчика, Тимур поспешил перевести разговор и стал расспрашивать, далеко ли до штаба и в какой землянке расположился Иван Шутов.

— В штаб доложим прямо по телефону отсюда, а насчет землянки разочарую. Землянки отданы в их распоряжение, — махнул он в сторону Лукьяненко и других механиков, которые уже завладели прилетевшим «яком» и затаскивали его под защиту капонира. — А весь летный состав разместился в поселке, в домах местных жителей.

Из диспетчерской землянки Тимур позвонил в штаб полка и доложил о своем возвращении.

Вскоре совсем смерклось, и Усенко, сдав дежурство по полетам, на правах старожила повел Тимура в поселок, повествуя по пути о девушках-бойцах из местного БАО¹:

¹ БАО — батальон аэродромного обслуживания.

— Кого только среди тех красунь нет: оружейницы, медички, парикмахерши, поварихи... Нет, Тимур, что там ни говори, а в Крестцах мне нравится. Тем более что и в названии слышится родное — Крещатик. Чуешь: Крещатик!

Усенко вздохнул и надолго умолк. Миновав аэродромную проходную и притопывая унтами по поскрипывавшему снегу, они спустились по довольно крутому и скользкому уклону. Сразу же вошли в поселок и натолкнулись на патрулей. Один из них, боец в куцей шинельке, колотил кулаком в щелеватую ставню и надсадно кричал:

— Хозяева, а хозяева! Гаси свет аль маскировку, справьте!

На ближайшей улице Усенко остановился у небольшого дома и почти торжественно объявил:

— Запомни свой новый бивак: Западная! Говорящий адресок, не правда ли? Отсюда путь только на запад! Ну, пока! Иван, поди, уже с хозяйкой чай гоняет.

Быстро зашагал, загребая сухой снег приспущенными унтами. Когда его поглотила темнота, Тимур постучал в дверь. Пожилая женщина, подслеповато щурясь, пропустила его вперед и спешно захлопнула дверную створку, чтобы заматавший светлячок площадки, чадившей в сенцах, не вылетел наружу и не рассердил бдительных патрулей.

Тимур вошел в комнату, и сразу же из-за стола, на котором действительно уютно сиял самовар, выскочил Шутов и восторженно загремел:

— Девчата, так это ж Тимур, кедровые шишки! — и, как однажды в Момино, по-медвежьи сграбастал его и даже приподнял. — Прилетел?

Тимур, радуясь встрече и поддаваясь веселому порыву Ивана, тоже балагурно отрапортовал:

— Прилетел... машину приняли... в штаб позвонил... готов выполнять любое новое задание своего ведущего!

— Задание таково: разоблачайся и за стол чаевничать!

«Девчатами» оказались все та же пожилая женщина с добродушным подбородком и печальными подслеповатыми глазами да притихшая молоденькая полнушка в военной гимнастерке с зелеными петлицами, на которых поблескивали медицинские эмблемы.

Шутов с Тимуром минут пять еще шумели в соседней комнате, потом пили чай, и Тимур уже знал, что пожилая женщина — их хозяйка, а притихшая и как-то напряженно поглядывающая на него полнушка — Тоня, медсестра из БАО, прикомандированная к их полку. Оказалась же она здесь по долгу службы: проверяет санитарные условия квартир, в которых разместились летчики нового полка.

Тимур, глядя на строгую складочку у переносья и серьезные глаза девушки, развеселился: «Значит, тебе, хмурый товарищ медик, санитарные условия понравились, коли засиделась за этим великолепным самоваром!» И если бы Тоня обладала способностью читать его мысли, то для нее последнее, что он о ней шутливо подумал, оказалось бы тягчайшим ударом: по рассказам веселого сибиряка она успела создать пленительный образ его ведомого, который почти буквально свалился с неба. И вот он — в сто раз прекраснее! — сидит напротив нее, помещивает в стакане ложечкой, рассказывая о вышползовских злоключениях.

— А больше всего, Иван, мне там понравился один славный дядя-усач, механик. Мудрый мастеровой и обладатель великолепного кисета с убийственно крепким самосадам. А по кисету вышивка-клич: «Кури самосад душистый и бей оккупантов-фашистов!»

Вскоре Тоня заторопилась и наотрез отказалась, чтобы ее провожали. Тут же и они, поблагодарив хозяйку за чай, пошли к себе. Проходя мимо этажерки, Тимур успел нагнуться и мельком просмотреть корешки книжек, стоявших на средней полке тесным рядом, а на верхней

под мерной салфеткой приметить голубой ящик патефона. Подумал даже: «Надо как-нибудь «Орленка» послушать».

— Славная сестричка, — сказал Шутов, когда они вошли в свою комнату. — Серьезная, мало улыбается.

— Может, у нее дом там... за линией, потому и не улыбается.

— Не знаю. Да и спрашивать об этом не стоит. Если и впрямь за линией фронта, спросишь — только рану ворохнешь.

— Пожалуй.

Разобрали постели. Выключили свет. Легли. Слышно было, как Шутов потянулся и неожиданно негромко пропел:

— Живет моя отрада в высоком терему, а в терем тот высокий... — И, оборвав песню, заговорил мечтательно: — Есть на моей родине город Тайга, а в той Тайге действительно терем стоит высокий и живет в нем моя отрада Лина. Симпатичная такая, с лицом сибирячки, той, что в возке сидит на картине «Взятие снежного городка». — Помолчав, пояснил: — Суриков нарисовал, слышал?

— Да. Динамичное полотно. Удалец на разгоряченном коне преодолевает снежный барьер. И возок, кажется, есть, но... сибирячки не помню.

— Как же! Их две. Одна к тебе затылком сидит, а другая профилем. Копия Лина... А может, только мне так кажется. Она сестра моего дружка Сашки, тоже летчика. Вместе летную школу с ним окончили и на пару в часть с назначением укатили. А перед самой войной отпуск нам выпал. Ой, Тимур, как я его, кедровые шишки, знаменито провел! Приду к ее дому, задеру повыше голову — на втором этаже жила, — приложу рупором ладони и напеваю: «Живет моя отрада в высоком терему...» Она выглянет в окно и кричит: «Выхожу!» Тимур, не слышь?

— Нет.

— Так тебе, наверно, неинтересно?

— Очень даже интересно.

— По утрам ее в школу провожал: в десятом классе училась. А к концу занятий я снова у школы. Дожидаюсь. Раз как-то заглянул с улицы в окно их класса, а на доске вместо геометрии самолет нарисован. В кабине военный летчик, смахивающий на меня, а на хвосте моя отрада сидит, и, чтоб не было, как я понял, кривотолков, в хвост направлена указательная стрелка с надписью: «Это Линка».

— А потом? — поощрил примолкшего Шутова Тимур.

— Потом кончился отпуск и мы с ее братом уехали в часть. Однако ж я с отрадой моей договорился: сразу же после выпуска собирай чемодан — и ко мне. И что ж ты думаешь? Однажды получаю телеграмму: «Приезжаю двадцать второго июня. Встречай». Представляешь, что за день выпал на то число?! Вот ты не раз говорил, что тебе не везет в нашем полку. Это мне не повезло.

— Не приехала?

— Она-то приехала, но полк наш в тот день утром по тревоге поднялся в воздух и — кедровые шишки! — на границу резанул. А границы-то уже нет — смята граница. После уже узнал, когда списались: на четыре часа она опоздала, а то бы встретились.

— Вернулась в Тайгу?

— Пишет, поступила на курсы авиаспецов и обязательно, мол, добьется направления в БАО поближе к нашей части. Вчера ей новый адрес сообщил. А то в Монино будет проситься. Она такая — добьется!

— Хорошая у тебя девушка, Иван. Помыслы у нее благородные, высокие.

— Я ж говорю, что... — И снова напел: — Живет моя отрада в высоком терему... — После небольшой паузы спросил: — А у тебя есть... отрада?

— Волосы Вероники.

— Как, как? Ты сказал — волосы?

Тимур тихо засмеялся.

— Это вроде нашего пароя. Живет она в Москве, тоже в «высоком терему», учится в институте, а по ночам сидит на крыше того терема и ждет, когда упадет фашистская зажигалка. По-моему, теперь ей не дожидаться... Сколько ни сбрасывали тех зажигалок, тоннами, наверно, — не помогло: Москва как стояла, так и стоит, несломленная духом, целехонькая. — Помолчав, почти вне связи закончил: — И были у нее чудесные бело-золотистые косы. Началась война — отрезала. Мешают, говорит. А жаль.

Шутов подождал немного, осторожно повернулся на бок и затих: «Вспоминает волосы... Как он ее назвал?.. Вероникой, кажется? Сочувствую — вспомнил и загрустил... Погрусти, погрусти, друг, мешать не буду, может, во сне привидится, и не стриженная, а с бело-золотистыми косами...»

3

Проснулись затемно. Наскоро умылись, оделись и пошли в столовую. По пути догнали Усенко, и тот, здороваясь, крикнул:

— Как, братцы славяне, нынче морозец?

— Лютоватый, но терпимо, — сказал Тимур.

— Звир-р-рячий! — дурачась, зарычал Усенко.

— Э-э, кедровые шишки! Раз пригласили к себе нас, чалдонов, — привыкайте к сибирским порядочкам! — рассмеялся Шутов. — Это мы с Батей к вам в Европу зеленую стужу привезли!

После завтрака Шутов сказал Тимуру, что Московец собирает комэсков и командиров звеньев, а всех остальных на аэродром доставят машины.

— Машины? — удивился Тимур. — Здесь же близко! — И пошел. До проходной добрался вчерашней дорогой.

Его остановил строгий звонкоголосый окрик:

— Пропуск!

В синеватом свете тусклого фонаря, упрятанного под надежный козырек, Тимур увидел девчушку в куцем ватнике, защитного цвета юбчонке и великоватых сапогах; голову воинственно венчал авиационный шлемофон. Мордашка с тоненькой шейкой поблескивала двумя пуговками круглых, подозрительно разглядывающих его глаз.

— Ты кто такая?

— Я на посту — дневальная, — бойко отчеканила она. — А вот ты кто? Чой-то я такого не видала у нас, даже среди новеньких. Пропуск есть?

— Еще нет, — улыбнулся Тимур: его забавлял безбоязненный вид этой девчушки. — Но я здешний летчик. Честное пионерское.

— Говори! Летчиков у нас на машинах привозят.

— А я люблю пешком ходить.

— Чой-то не знаю среди наших таких любителей, — не сдавалась та и понялась к телефону. — Пропуск или...

— Не думаешь ли ты, что я лазутчик? — рассмеялся Тимур. — Ладно, зови дежурного, объясню ему.

— Больно быстрый — дежурного! Нет тут дежурного, на завтраке он. Я сейчас главная! — И сняла трубку.

В это время послышалось урчание мотора, подъехала машина, и в будку вошли. Оглянувшись, Тимур обрадовался: узнал медсестру.

— Товарищ бдительный дневальный, вот кто может подтвердить, что я не злоумышленник.

— В чем дело, Григорьева? — холодно спросила Тоня, и бровки ее строго соединились.

— Ой, Антонинка, как хорошо — хоть ты подросла! Без пропуска... — И, подойдя близко к медсестре, торопливо шепнула: — Подозрительный, летчиком прикидывается, а глянь на обличье — вылитый фриц-ариец: дылда, зенки голубые и прядка из-под шапки белая торчит. Кто там приехал, зови.

— Не мели ерунды. Это из нового полка летчик. Тот, что в Выползове на вынужденную сел.

Тимур стоял, смотрел на этих молоденьких девчат и улыбался: ему казалось, что все они трое играют в какую-то полусерьезную игру. Дневальная прижала ладони к своим вспыхнувшим щекам:

— Ой, чо ж ты сразу не сказал! Ты — Тимура, да?

Он не выдержал и громко рассмеялся:

— Ну что ж, пусть будет так — Тимура.

Тоня, окинув их недобрый взглядом, перебила:

— Григорьева, сколько можно ждаться — пропускай санитарную машину!

— Ой, чой же это я! — И девушка выбежала, топоча тяжелыми сапогами.

Тимур, все еще смеясь, сказал:

— Вот спасибо вам, выручили, а то — хоть караул кричи.

— В самом деле, как вы оказались здесь? Ваша машина еще у столовой.

— Вот видите! Мой ногомобиль более скороходный. Я, Тоня, пешочком. Ужасно люблю этот вид транспорта. Надеюсь, что это не тяжкое нарушение — рукой ведь подать!

— Неосмотрительно с вашей стороны. Сегодня мороз минус тридцать! Не обморозили щеки? — И она профессионально оглядела его пылающее широким румянцем лицо. — Как будто нет... Однако не рекомендую.

Вбежала дневальная:

— Антонинка, врачиха тебя дожидается!

Тоня недовольно подобрала пухленькие губы и пошла. Но, открыв дверь, менторски бросила:

— Григорьева, после дежурства не забудь — занятие. Подготовься как следует.

— Чо ты, Антонинка?! Как можно забывать? — И к Тимуру с достоинством: — Это у нас курсы медсестер. А вообще-то я в БАО.

Тоня вышла, неохотно закрыв дверь. А Тимур продолжал смотреть на кукольное создание в шлемофоне и чувствовал, как в груди возникает что-то жалостливое, трогательное.

— Григорьева, сколько ж тебе лет?

— Пятнадцать... Но уже пошел шестнадцатый!

— А зовут тебя как?

— Нюрой... А лучше Аней зови.

— Я тебя буду называть Анкой. Не возражаешь?

— Ой, как в «Чапаеве»! Меня еще никто так не называл.

— А я буду. И что ж ты делаешь в БАО?

— Я... парикмахер.

— Вот и отлично! Я к тебе приду стричься, а то зарос, как дикобраз! Ну, пока, Анка.— Хитровато улыбнулся: — Значит, можно без пропуска?

— Ой, о чем говоришь, Тимура, проходи!

Аэродромный простор чувствовался и в темноте: куда только доставал взор, везде лежало ровное, без теней, темно-синее поле, сливавшееся там, где должен быть горизонт, со сплошной стеной непроглядной дали. В морозном воздухе висел густой рев прогреваемых двигателей.

Напряженно вглядываясь в темноту, Тимур не без труда отыскал капонир, укрывавший его «як». Вплотную подошел к Менкову, и механик, как положено, взял руку под козырек и о чем-то доложил. А что сказал — невозможно было понять, и Тимур громко выкрикнул одно лишь слово:

— Как?

Тот понял, поднес к лицу командира — чтобы лучше разглядел — большой палец и потер над ним пальцами другой руки: на большой с присыпкой! Но Менков не удовлетворился языком немых и прогорланил:

— Мотор — дай бог каждому такой!

Вскоре подъехали машины с летчиками. Шутов и Усенко, проходя мимо, остановились.

— Лейтенант Фрунзе! Ты здесь? — окликнул Иван, Тимур услышал и шагнул навстречу:

— Так точно, товарищ командир!

— Я только что от Бати! Учти: сегодня он с тобой будет летать!

— Новый экзамен?!

Вмешался Усенко:

— А как же! Через Батин «фильтр» мы все прошли!

— А сейчас, — снова крикнул Шутов, — бери свой экипаж и шагайте в хозяйственную землянку нашей эскадрильи!

— Понял! А что там?!

— Политинформация! Комиссар будет вводить нас в курс обстановки на Северо-Западном фронте.

В землянке техсостава 1-й эскадрильи светло: лампочка подключена к аккумулятору и ярко освещает прилаженную к бревенчатой стене карту. Комиссар Дмитриев, теребя в руках тетрадку, оглядел собравшихся. Летчики, техники и механики, теснясь, разместились на нарах, ящиках, а то и просто на полу, у самой карты. Тимур пристроился с Менковым и Аверченко у дощатого столика, на котором комиссар разложил несколько газетных вырезок с жирно подчеркнутым кое-где текстом.

— Внимание, товарищи! Сегодняшнюю политинформацию мы посвятим нашему фронту... — Дмитриев вынул из полевой сумки толстый красно-синий карандаш и провел им по карте по линии Новгород — Старая Русса — Демянск. — Попытаемся выяснить, кто же противостоит нашим войскам на северо-западе, ибо, чтобы наверняка бить врага, надо его знать.

Тимур почувствовал, что сзади к нему кто-то склонился, и тут же услышал торопливый шепот:

— А мы и так знаем: враг тот, кто прет «дранг нах остен». А посему — били, бьем и будем бить!

Тимур невольно улыбнулся: «Неугомонный Усенко!» А Дмитриев продолжал:

— Потерпев неудачу под Москвой и пугаясь возможности повторения московского варианта на севере, немецко-фашистское командование вознамерилось во что бы то ни стало удержать позиции по всей линии фронта от...— карандаш комиссара ткнулся в синее кольцо, охватившее город на Неве,— от Ленинграда до захваченных Новгорода, Старой Руссы и южнее. Третьего января текущего года Гитлер издал приказ. Суть его сконцентрирована в одной строке: «Цепляться за каждый населенный пункт!»

Сдержанно прошелестел шумок, а чей-то голос в глубине землянки выкрикнул:

— Крючков не хватит ему, чтоб за каждый зацепиться!

Вспыхнул смех. Дмитриев предупредительно поднял карандаш:

— Смех смехом, а вы послушайте дальше. К началу нового, сорок второго года наиболее мощные узлы группы вражеских армий «Север» находились именно под Ленинградом, именно в районах Новгорода и именно восточнее Старой Руссы, у Демянска...— С каждым нажимом на слове «именно» Дмитриев у называвшихся населенных пунктов делал карандашом энергичные круги.— Именно в район Демянска фашистский генерал Буш втянул значительные силы своей шестнадцатой армии. И, что для нас особенно важно в смысле информации, там же сосредоточилась и поныне действует вражеская авиадивизия «Рихтгофен» из отборных германских асов, которых, учтите, пестовал и воодушевлял сам Герман Геринг. Вот тут-то, я бы сказал, нам не до смеха.

В землянке действительно на этот раз не то что смеха, но и голоса чьего-либо никто не услышал. Полнейшая тишина. Только кто-то неловко переместился на ящике, и доски жалобно скрипнули. Тимур слушал комиссара и думал: «Веско он про асов авиадивизии «Рихтгофен» сказал. Это чтоб мы нос и хвост не задирали. О том же мне в последний раз и Климент Ефремович напомнил. Как он

тогда сказал? Ну да, он сказал, что многие наши славные ребята гибнут из-за своей боевой незрелости, горячности...» А Дмитриев уже с воодушевлением размахивал карандашом, показывая то один фронт, то другой:

— Ставка советского Верховного Главнокомандования перед войсками правого крыла нашего, Северо-Западного фронта поставила задачу: взаимодействуя с северными соседями — Ленинградским, Волховским фронтами и Балтийским флотом, разгромить группу армий «Север» с последующим прорывом блокады Ленинграда. Именно в эти дни, когда наш полк был переброшен в Крестцы, войска одиннадцатой и тридцать четвертой армий нашего фронта перешли в наступление на старорусском и демянском направлениях. Прорвав оборону противника, войска правого крыла фронта, поддержанные активными действиями старорусских партизан, к исходу вчерашнего дня продвинулись на пятьдесят километров и завязали бои за Старую Руссу!

В землянке снова оживились, и все тот же голос в глубине не выдержал, выкрикнул:

— Так его, этого самого Буша!

Усенко на этот раз во весь голос ядовито заметил:

— А фашистский генерал Буш услышал моего механика Лукьяненку и драпанул с северо-запада без оглядки!

Даже серьезный Дмитриев не смог удержаться — смеялся со всеми вместе, а потом постучал по столу карандашом:

— Тихо, товарищи! Что ж, пока дела на нашем фронте идут хорошо, наступление продолжается, а армия того самого Буша под угрозой окружения в районе Демянска. Наша с вами задача: помочь с воздуха развить наземным войскам наступление на Старую Руссу, а также содействовать окружению и уничтожению демянской группировки противника. Вот и все на сегодня. Какие будут вопросы?

— Вопросов нет, картина ясна!

— Ясна? И все же еще раз хочу напомнить об асах дивизии «Рихтгофен»!

Из землянки высыпали дружно и заспешили к своим капонирам. Над аэродромом тьма уже рассеялась и небо синело в предвестии рассвета.

Не успел Тимур сесть в кабину и осмотреть приборы, как низкий луч солнца, пробив темную полосу дальнего леса, прочертил все поле аэродрома, ворвался в капонир и веером искр заиграл на прозрачном фонаре «яка». А тут и команда подоспела:

— Лейтенант Фрунзе, на взлет!

Майор Московец на крутом вираже увидел, как к нему пристроился «як» Тимура. С час он летал в паре с молодым летчиком, приглядываясь к манере пилотирования и реакции своего временного ведомого. «Неплохо выдерживает... И все же пусть сначала побарражирует над домом родным», — подумал он, а на земле, покрутив пальцем над головой, скупно сказал:

— Пообвыкни здесь. Туда — успеешь.

А к полудню сам повел «туда» большую группу истребителей из комэсков и командиров звеньев.

На аэродроме остались только ведомые. Одни отсиживались в землянке, другие с механиками возились у своих самолетов, третьи попеременно несли боевое дежурство — в одиночку и парами патрулировали над аэродромом.

Тимур сидел в кабине своего «яка» с книжкой в руках. Сегодня он дежурил по первой готовности. Привалившись к спинке, просмотрел оглавление. Потрепанную эту книжечку он из дому прихватил, на хозяйской этажерке еще вчера с вечера заметил «Путешествие из Петербурга в Москву». Когда-то читал, не особенно понравилась, однако утром припомнил, что Радищев и про эти самые Крестцы в ней писал. Вот и решил восстановить в памяти.

«Да тут не только Крестцы! Вот: «Крестыцы.. Вал-

даи... Едрово...» А Выползово нет — мимо промчался». Перелистал, остановился на странице «Крестыцы» и совершенно по-новому прочитал удивительную главу о правоучении крестецкого дворянина своим сыновьям, уходящим «в службу» — в армию, надо понимать: «Научил я вас и варварскому искусству сражаться мечом. Но сие искусство да пребудет в вас мертво, доколе собственная сохранность того не востребует».

— Востребовала!

На крыле стоял Менков и приник к фонарю:

— Ты окликал?

Тимур отодвинул прозрачный козырек и прочитал вслух это место. Менков глубокомысленно почесал пальцем затылок. Тимур пояснил:

— Так сто пятьдесят лет тому назад сказал некий житель Крестец своим сыновьям. Я теперь эти слова понимаю так, Дима: собственная сохранность всего нашего народа востребовала мечом нашего «яка» попытаться сегодня подловить, охотника «Рихтгофена» и... — Он дотронулся рукой до гашетки, затем, перекинув страницы на главу «Валдай», сказал: — Теперь припомним, что здесь про нашу фронттовую столицу сказано...

Но дальше путешествовать по радищевскому тракту Крестыцы — Валдай — Едрово не пришлось, объявили:

— Лейтенант Фрунзе, взлет!

Тимур захлопнул книжку.

— Будем, Дима, действовать по крестецкой главе — нас востребовали!

В воздухе он вернулся к мысли об охотниках из авиадивизии «Рихтгофен». Эти асы болтаются где-то за облаками, вблизи наших аэродромов, и поджидают возвращения советских самолетов, зачастую обескровленных — и горючее на пределе, и боезапас расстрелян, — а то и едва-едва ковыляющих к своему аэродрому на изрешеченных крыльях. Вот тогда-то и случается беда: из-за облаков внезапно вываливается пикирующий охотник, под-

жигает первую подвернувшуюся машину и, не вязываясь в бой, на предельной скорости удирает в свое логово.

«Вот бы сегодня такой заоблачный смельчак выскочил, когда Батя со своими возвращаться будет,— перехватил бы, далеко б не удрал!» — кружа над аэродромом и страстно желая личной победы, думал Тимур. И всякий раз, когда он огибал западную окраину вверенного ему пространства, пристально вглядывался в даль. На пятом заходе отметил: «А вот и наши!.. Возвращаются...»

Со стороны Старой Руссы шла колонна самолетов. Зрение обострилось, быстро пересчитал машины: «Все... все целы! А ну, охотник, где ты там маскируешься, покажись!» Оглядывая облака, Тимур продолжал барражировать на западной окраине аэродрома. Пропуская мимо себя группу Московца, он поприветствовал ее покачиванием крыльев. В ответ каждый «як», начиная от ведущего, Московца, махнул ему крылом. И так хорошо стало на душе, так радостно, что возникшая в груди теплая волна подкатила к горлу, омыла лицо и коснулась глаз. Вот оно, оказывается, какое фронтовое счастье — чувство плеча боевого друга, однополчанина. Но охотник так и не появился.

На следующий день Тимур снова летал над аэродромом в надежде встретить охотника, но небо и на этот раз было скучновато-спокойным, по-тыловому бело-голубоватым. Как никогда, боевое дежурство показалось ему утомительно однообразным, бледным.

Приземлившись и зарулив к капониру, Тимур безотрадно взглянул на подбежавшего Менкова. Механик, подав ему реглан, спросил:

— Что такой скучливый?

— Дневалить, Дима, надоело,— признался Тимур, накидывая на плечи поверх комбинезона реглан.— Сколько ж можно! Разве это боевое дежурство... без боя?

— Петька говорил Чапаю, а я скажу тебе: непостижимый ты для моего разума человек. Другим бы всю

войну подавай такое боевое дежурство, а тебе, вишь, уже надоело... В огонь как магнитом тянет.

— Кому ж это другим? Не наговаривай зря, Дима.

— Кому? Да хотя бы ему! — махнул он рукой на летчика, споровисто выпшагивавшего от проходной с каким-то полным военным в шинели.

Когда двое подошли ближе, Тимур узнал Домогалова; второго, старшину, он видел впервые. Домогалов что-то быстро говорил. Тимур расслышал последнюю, негромко оброненную фразу:

— Тот, в новеньком реглане, лейтенант Фрунзе.

— Разрешите обратиться, товарищ лейтенант? — подкатился к нему плотный, как боровик, старшина и, не дожидаясь ответа, сказал: — Прошу после боевого дежурства заглянуть на склад ОВС. За новым комбинезоном. Накладную только, пожалуйста, в вещевом отделе получите. Там в курсе.

— Новый? Это какая-то ошибка, — возразил Тимур. — Мне еще не положено получать новый комбинезон — срок носки не вышел.

Заинтересованные разговором, от соседних самолетов подтянулись механики, подошел воентехник Дроздыхин. А старшина тихо-тихо:

— Никакой ошибочки... Это, так сказать, из особой категории — из союзнического подарка.

— И что, эти «особые категории» всем летчикам расписаны?

Вмешался Домогалов, недовольно поглядывая на «сторонних», разъяснил:

— Таких спецкомбинезонов — раз, два и обчелся. — Подойдя к Тимуру вплотную, тоже снизил голос: — Но учти, начальнику ОВС за тебя я голос замолвил, а то бы не догадался... И просьба к тебе: будешь получать накладную, скажи нашему тряпичнику — пусть и мне выишет. Тебе он не откажет,

Тимур смотрел в лицо Домогалова и болезненно думал: «Мне он не откажет... Где я еще слышал такое?.. Ведь слышал же, точно помню! — И вдруг обожгло: — Петруха так сказал: мне, мол, в моторе ВК-105 не откажут! Да сколько ж так может продолжаться!»

Механики негромко переговаривались. Дроздыхин им что-то густо окнул, и те примолкли. Тимур, подавляя непривычный приступ ярости, неестественно спокойным голосом спросил:

— Чего это у вас голосовые связки осели — как-то загадочно шепчетесь? А теперь, Домогалов, ты скажи, только сразу и на полный голос: ты — человек честный?.. Ну, отвечай, долго не раздумывая, — здесь все свои, боевые товарищи по эскадрилье.

— Как... это? — пролепетал тот и зыркнул на старшину.

— А так — честный или хапужник? — Маленькие глазки по-куриному сморгнули, к тонким губам прилипла кривая улыбочка. Домогалов онемел, а Тимур повернулся к старшине: — На склад я приду за «подарочным», когда их распишут на всех ведомых полка.

Старшина смотрел на этого непонятного ему молодого летчика и смущенно бормотал:

— Так я пойду, товарищ лейтенант. Разрешите идти?

Домогалов пришел в себя, осуждающе покачал головой: «Эх ты, такую возможность упустил!» — и поспешил догнать старшину.

4

Из свободного полета вдоль линии фронта Домогалов, летавший в паре со своим ведущим, лейтенантом Елисеевым, вернулся один. Маленький, щуплый, с позеленевшим лицом, он, словно никогда этого не делал, немело спрыгнул с крыла. У самой земли потерял равно-

весие и упал на сухой примятый снег. Первыми к нему подбежали механики и, подхватив под руки, приподняли, поставили на ноги, спрашивая:

— Младший лейтенант, ты ранен?

— Почему один?.. Где Елисеев?

Домогалов бессмысленно переводил с одного на другого взгляд круглых, обесцвеченных страхом глаз, беззвучно шевелил землистыми губами, обметанными чахлым рыжеватым пушком небритого лица.

Неподалеку готовилась к вылету группа Кулакова. Впервые с этой группой на линию фронта вылетал в паре со своим ведущим и Тимур. Неожиданно для всех с группой Кулакова решил лететь и командир полка. Такому решению предшествовал его разговор с лейтенантом Фрунзе, который накануне подошел к нему и, сдерживая рвущееся волнение, попросил разрешения обратиться. И когда Московец сказал: «Слушаю», Тимур заявил, что у него складывается впечатление, что его оберегают от переднего края, а назначают лишь на барражирование. Слушая Тимура, Московец в уме подсчитал часы налета молодым летчиком при барражировании, вспомнил, что еще в Момино его основательно проверил Кулаков и восторженно отозвался: «Держу пари — будущий ас!» Да и при перелете в Крестцы он не растерялся. Потом Московец сам с ним полетал, посмотрел и убедился: «Паша прав — отменно пилотирует...» «Что ж, сынок, полетим на тот передний...»

Уже была поставлена общая задача, прочерчен на картах маршрут, выработан план согласованных действий, и тут-то произошла заминка — низко с ревом пронесся одинокий истребитель, а вскоре предстал перед командиром полка и группой Кулакова сникший, потерянный Домогалов.

Суровое лицо Московца помрачнело. Скулы взбугрились от предчувствия недоброго.

— Докладывай.

Домогоалов, сухо сглотнув, выдавил из себя:

— Бой вели... неравный.

— Что с Елисеевым? — хрипло оборвал его Московец.

— С... сбит.

— Где упал?!

— Там... у них... — И, сжимаясь под тяжелым взглядом командира полка, заторопился: — Их было много... Я все боеприпасы расстрелял.

Летчики подавленно молчали. Первым взорвался Усенко:

— Отомстим хыжакам за Елисеева!

— Иди отдыхай, — сказал Московец и повернулся к группе: — По машинам!

Взлетев, пошли попарно пеленгом. Впереди — командир полка. На полпути все заметили «яка». Он низко тянул со стороны фронта на Крестцы.

«И этот возвращается один, — подумал Тимур, загораюсь яростью. — Из соседнего полка, должно быть... Впрочем, у них не «яки», а «лавочкины». В наушниках из чащобы помех прорвался голос Шутова:

— Тимур, будь внимателен, без команды не отрывайся.

— Понял.

Под крылом простирались сосновые леса: сверху они, заснеженные, напоминали вспененное море. Тимур оторвал взгляд от утомительно однообразной местности и сосредоточился на поставленной задаче. В сознание вселилась холодная логика расчета: максимум внимания до боя, а в бою — мгновенный маневр и, если выпадет счастье, сокрушающая атака...

Головной истребитель покачал крыльями: внимание! Каждый ведущий повторил Батин сигнал. Шутов и по рации продублировал:

— Внимание, Тимур! Фронт!

Московец свернул влево и повел группу вдоль изогнутой, едва различимой на снегу двойной неровной поло-

сы траншей и огневых позиций. То тут, то там возникали темные всполохи дымков. Велась оружейная перестрелка. Движения перед передним краем не было; только в тылу изломанных тупыми углами ходов сообщения да на пятачках огневых позиций у черточек-орудий по-муравьиному суетились точки-бойцы.

«Давай, пушкари! Нажимай! — мысленно подбодрил свою сторону Тимур и вдруг подумал: — Может, там и Левка Гербин громыхает своим огневым взводом? Давай, Лева, круши захватчиков огнем своих пушек!»

Все посторонние мысли оборвало предупреждение: «Внимание! Впереди снизу слева «мессеры»!»

Тимур увидел их сразу. Четверка Ме-110 приближалась со стороны Старой Руссы, нацеливаясь прочесать передний край советских войск. Задача ответных действий ясна. Она определена еще на земле: сейчас Батя поведет звено Усенко в атаку, а Кулаков будет руководить остальными, прикрывая атакующих от возможного нападения на них вражеских истребителей.

Произошло все так, как и предусматривалось, словно воздушный бой был заранее расписан и рассчитан за себя и за противную сторону: сначала Усенко со своим ведомым вслед за Московцом бросился в пики, а потом на линии нейтральной полосы «яки» рванулись на «мессеров» в лобовую и помешали им выскочить на наш передний край. Опасаясь столкновения, вражеская четверка отвернула и, огрызаясь пушечно-пулеметным огнем, метнулась в сторону. Разобравшись в обстановке и перегруппировавшись, она теперь намеревалась принять воздушный бой.

Прикрытие четверки не заставило себя долго ждать. Еще два «мессершмитта» выскочили откуда-то сбоку и устремились на атакующих. Тут-то Кулаков и бросил две пары «яков» им наперехват, оставшись со своим ведомым и парой Шутова господствовать в верхнем ярусе.

Развязка наступила быстро. Один Me-110, выбрасывая мазутно-черные клубы дыма, косо устремился к земле, и через несколько секунд на белой нейтральной полосе возникло косматое облако взрыва; остальные из четверки разошлись в разные стороны и бреющим полетом ушли в глубину своей стороны; за ними, петляя и изворачиваясь, поспешила и пара «мессеров» из их прикрытия.

Тимур все время носился за своим ведущим, чувствуя себя в положении связанного по рукам и ногам. «Ну почему... почему не приказывают преследовать!» — нетерпеливо думал он, не снимая пальца с гашетки. Особенно разгорячило его мгновение, когда один из «мессеров», уходя от преследующего «яка», взмыл вверх и оказался совсем близко, ослепив черными крестами. Выпустив короткую очередь, Тимур от отчаяния даже скрежетнул зубами: «Мимо!»

И вот все кончено. Как и не бывало разъяренных «мессеров» — улетели. Лишь внизу по-прежнему продолжалась артиллерийская дуэль, да на нейтральной полосе все еще дымился сраженный стервятник. А в небе — куда ни глянь — спокойная синь.

Все «яки» вернулись на верхний ярус и восстановили нарушенный боем строй. Группа воздушного прикрытия снова господствовала над своей линией фронта. А вскоре со стороны Крестец появились «лавочкины» соседнего истребительного авиаполка. Смена «воздушного караула» была произведена под неумолкающую пушечную канонаду, которой никто из летчиков так и не услышал. Московец развернулся и повел «яки» на свой аэродром.

Тимур возвращался возбужденным. Хотя и не дали ему развернуться так, как бы хотелось, но острое чувство причастности к только что завершившемуся победой воздушному бою вселило уверенность в свои силы и возбудило жгучее желание быть на месте тех ведомых, которые действовали сегодня в нижнем ярусе.

«Мессера» сбил Московец. Это узнали, когда приземлились и зарулили на стоянку. Но поздравить его не успели. Всех ошеломила неожиданная и, казалось бы, в общем-то радостная весть. Дежурный по полетам доложил: — Лейтенант Елисеев вернулся. Машина — на пределе. Сам тяжело ранен.

— Не погиб — вернулся! — Сначала лицо Московца посветлело, но тут же на нем забушевали краски гнева, щеки изрезали морщины, и он нервно повел головой в одну сторону, в другую, отыскивая кого-то.

Дежурный продолжал:

— Перебиты ноги. Посадил машину и потерял сознание. Тоня наскоро перевязала и увезла в госпиталь.

Слушая, летчики вспомнили про одинокий «як», едва тянувший с фронта. Вспомнил о нем и Московец: «Значит, то был мой Елисеич... Ноги перебиты, истекает кровью, но не садится где попало — тянет домой...» И тяжело обронил:

— А этот... где он, этот?

Поняли: ищет Домогалова.

Усенко беспощадно напомнил:

— Вы ж его, товарищ майор, отпустили... отдыхать.

Московец механически кивнул и уставился на дежурного.

— В штабе полка он. У комиссара.

Вскоре полк знал все подробности преступления Домогалова. При первой же встрече с парой «мессершмиттов» он покинул своего ведущего, который, как ему почему-то показалось, был сбит.

Раненый Елисеев все же сумел вырваться из огненных клещей: сам поджег одного «мессера», теряя силы, ушел и посадил искалеченный истребитель на своем аэродроме...

Домогалова судили. Когда зачитывали приговор, он стоял перед летчиками полка жалкий, опустошенный. Его

разжаловали, предоставив возможность смыть свой позор кровью в бою.

Многие летчики зашумели — приговор их не удовлетворил. Неожиданно спросил слова Московец:

— Ходатайствую перед трибуналом и командованием дивизии оставить осужденного отбывать наказание в полку. — И пояснил: — Пусть каждый день видит нас, а мы его. Обоюдная польза.

Просьбу командира полка удовлетворили.

Тимур, потрясенный трусостью сослуживца, подавленно молчал. В голове не укладывалось: как мог наш советский человек дойти до такой степени падения — в бою предать товарища... тем более своего командира? И еще он не мог понять, как вообще тот стал летчиком-истребителем? Что потянуло его в небо?..

— Тимур, ты куда? Нам налево: перед дежурством невредно отдохнуть.

— Я, Вапя, не могу сейчас сидеть дома. Поброжу.

— Без ведущего?

— Увы, сейчас у него будет неразговорчивый ведомый.

— Устраивает. И я хочу помолчать. Но не один. Одному молчать скучно. — И сплюнул: — Ну его к богу, этого сморчка! Всею полку настроение испортил.

Минуя Западную улицу, они пошли по Большой Садовой, не зная, что ей суждено в недалеком будущем навечно принять имя одного из них.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Северо-запад одновременно студенел и пылал. Наступающие дивизии шаг за шагом, метр за метром отвоевывали новгородскую землю, за которую враг, как и

было ему приказано, цеплялся всеми силами, до последней возможности.

Обоюдные потери не ослабляли ни порыва наступающих, ни обреченного упорства обороняющихся.

После первого боевого вылета к линии фронта Тимур еще дважды назначался на сопровождение своих штурмовиков в составе эскадрильи. Кулаков, не забывая предупреждения командира полка, надежно обеспечивал взаимное прикрытие всей группы от возможных массированных встреч с изворотливыми ястребами дивизии «Рихтгоффен».

Успех не обходил 1-ю эскадрилью. С начала действий под Старой Руссой на счету кулаковцев было уже восемь уничтоженных самолетов противника, в том числе один из них в последнем бою сбил Иван Шутов. Тимур искренне радовался за своего ведущего и в то же время горел желанием приумножить успех их пары личным вкладом.

В тот день, когда меткая пулеметная трасса Ивана прошла взмывшего перед ними «мессера», Тимур тоже успел дать очередь из своей пушки. Но то уже была, как он сам понял, стрельба вдогонку. И все же его маневр и очередь на этот раз были отмечены Кулаковым. Комэск на разборе назвал его имя в числе тех, кто в групповом бою уничтожил и способствовал уничтожению вражеского самолета.

Хотя такая форма оценки действий летчика-истребителя и была принята (уничтожил в групповом бою), однако Тимур понимал: то всего лишь ободряющая натяжка, некий аванс на действительную личную победу. В данном случае сбил самолет — считал он — только Иван, и никто другой. И когда в тот же день, возвращаясь домой в компании Шутова и Усенко, он высказал свое мнение и заявил, что комэск радовато его похвалил, Усенко возразил:

— От похвалы зубы еще ни у кого не болели. Не

заболят и у тебя. Похвала же комэска верная и своевременная.

— Заслуженная,— добавил Шутов и предположил: — Один из твоих снарядов, возможно, и доконал «мессера».

— А если и нет,— продолжал Усенко,— не журишь! В групповом бою, как на футбольном поле: короткие пасовки и длинные прострелы многих завершаются точной передачей одному бомбардиру, который и поражает ворота. Так и нынче. Если б мы Ивану того «мессера» аккуратноенько не подбросили, еще не известно, кто бы штопорнул вниз.

Шутов, придерживая Тимура за плечи, пообещал:

— Не всегда ж ты у меня будешь сидеть на хвосте...— И ободряюще подмигнул ему: — Выпустят нашу пару в свободный полет, дам и тебе развернуться.

И час такой настал.

15 января эскадрильи полка весь день летали на прикрытие своих наступающих войск. Потерь с утра не было, но многие самолеты возвращались поврежденными и временно выбывали из строя. А Усенко на своем «яке», как сам потом уверял, «на честном слове» дотащился до аэродрома. Изрешеченный, он без захода, с прямой, пошел на мерзлую посадочную полосу. Его механик Лукьяненко, став белее снега, застыл в оцепенении. А когда истерзанный «як», взвихрив облако морозной пыли, приземлился и закончил пробег, бурно возликовал:

— Пронесло!

Бренча ключами и отвертками, болтавшимися в широченных карманах спецовки, он кинулся встречать своего командира-земляка.

Вслед за ним усталым шагом побрел Дроздыхин. Военный техник, взглядываясь воспаленными глазами в опекаемый им истребитель и его пилота, втайне радовался, что этот бесшабашный Усенко вернулся живым и невредимым, однако для вида поворчал:

— У других, посмотришь, машины, как огурчики, а у нашего небритого не «як», а решето... Где его только ведьмы терзали!

К истребителям, вышедшим из боя неповрежденными, спешили бензовозы, механики волокли баллоны сжатого воздуха, а летчики, срыгнув на землю, разминали затекшие ноги, плечи, онемевшие от напряжения мышцы спины. Тимур и Шутов пока не вылетали. Но перед полуднем их пара готовилась пополнить группу, уходящую на прикрытие. Прохаживаясь у своих машин, Шутов вдруг остановился и кивнул в глубину аэродрома:

— По-моему, сам сюда идет.

— Кто? — не понял Тимур.

— Наш командующий.

«Да, это он», — узнал Тимур генерала Куцевалова.

Кто-то из старших летчиков уже надрывал голосовые связки:

— Вни-и-ма-ние! Ир-рна!

Куцевалов энергично рассек воздух рукой, остановив собравшегося бежать к нему с рапортом. Подойдя к притихшим летчикам, командующий оглядел всех пытливыми глазами и спросил:

— Жарко?

Ответили без бахвальства, как оно было.

— Жарковато — даем друг дружке чесу!

Взгляд Куцевалова остановился на Тимуре — вспомнил молодого летчика.

— Как теперь двигатель?

— ВК работает на сто пять, товарищ генерал, — ответил Тимур и сам подивился игре слов.

— Добро. Следует понимать, и вы втянулись в работу на все сто пять?

— Я-то втянулся, товарищ генерал, — еще больше осмелел Тимур, — только меня, считаю, маловато втягивают.

— Поясните, — коротко бросил Куцевалов.

Тимур рискнул: «Была не была! Представится ли еще случай вот так, прямо, высказать все командующему?» Он заявил:

— Считаю, что меня ограничивают в боевых вылетах. Очень бы просил вас повлиять на позицию моих прямых начальников — не делать для меня исключений и посылать наравне с другими летчиками полка непосредственно к линии фронта.

Летчики, стоявшие рядом и поодаль, переглянулись, зашутукались. Им понравилось все — и легкость, и сдержанность, и решительность, и естественность тона в разговоре Тимура с командующим. Заинтересованно ожидали: как же отреагирует генерал?

— Что значит «непосредственно»? Разве вы еще не летали на передний край? — спросил Куцевалов.

— Летал, но — и это очевидно всем! — меньше других.

— Сколько у вас боевых вылетов?

— Не считая барражирования над аэродромом, только три... Сегодня, правда, намечен четвертый.

— А вы считайте. Да-да, считайте и барражирование над аэродромом полновесным боевым вылетом. — И ко всем: — А ну, кого из вас на подходе к аэродрому подкараулили охотники «Рихтгофена»?

Подошедший позже Кулаков подал голос:

— В первой эскадрилье такого не бывало.

— А в полку? В вашем полку двоих, как глухарей на току, подловил фашистский охотник. Или вам за полк ответ не держать? Что, старшой, глаза отвел? Был же такой случай в полку? Был. А барражирующий, спрашивается, куда смотрел?.. Вот так, товарищ лейтенант Фрунзе, начиная от капониров и до передовой — здесь везде фронтовое небо. Кто ваш ведущий?

Иван сделал шаг вперед и приложил к шлемофону руку:

— Младший лейтенант Шутов!

Куцевалов несколько раз перевел взгляд с ведущего на ведомого: как на подбор — молодые, рослые, красивые! Иронически прищурился, спросил неожиданно:

— Как чувствуешь себя, младший лейтенант, в роли командира? Не хлопотно командовать лейтенантом?

— Никак нет, товарищ генерал. Мы с ним слетались. А разглядывать кубари друг у друга недосуг. Да зимой их под комбинезоном и не видно.

Жесткие губы командующего тоже шевельнулись слабой улыбкой.

— Так и надо, — одобрительно заметил он. И, согнав с лица оживление, сурово закончил: — Не в звании сейчас суть. Звание придет. Побеждайте почаще! — Оглядел всех. — А побеждает тот летчик, который в бою умеет не только путево действовать ручкой, педалями и гашеткой, но и видеть на минуту вперед.

— Всего лишь? — вырвалось у кого-то.

Куцевалов посмотрел в сторону возгласа и напомнил внушительно:

— В минуте шестьдесят секунд!

Брызгая красными искрами, взвилась ракета — очередную группу истребителей вызывали на взлет.

— Это нам, товарищ генерал. Разрешите идти? — за всех спросил Кулаков.

Куцевалов ободряюще взглянул на Тимура, а всем громко сказал:

— Победы вам! — и зашагал к землянке КП полка, откуда, сутулясь, спешно выходил майор Московец.

Командир полка и командующий обменялись рукопожатиями и на минуту замерли, следя за второй взмывшей ракетой и незамедлительным взлетом истребителей. «Яки», возглавляемые Кулаковым, совершили круг над аэродромом и взяли курс на Старую Руссу.

Внизу, вдаль и по сторонам расстился все тот же, ставший привычным, напоминающий беспокойное море простор заснеженных лесов.

Кулаков на коротком подходе к переднему краю вел всю группу уверенно и заранее прикидывал возможные варианты предстоящего боя. А его не избежать. Наземные войска 11-й армии наступают, и противник остервенело контратакует их с земли и воздуха.

А вот и передний край. По сравнению с прошлым разом он изменил очертания. Глядя сверху, теперь нетрудно было заметить, что восточная линия то тут, то там непрерывно выгибалась крутыми дугами, норовя дотянуться до неподвижной, огненно пульсирующей западной черты.

«Захлебывается атака», — понял Тимур, и неудержимое желание ринуться на штурм непробиваемой обороны овладело всем его существом. Но тут же мгновенная мысль напомнила: через минуту-другую предстоит не штурмовка наземного врага, а реальная схватка с его воздушной поддержкой. Да вот и легка она на помине: слева, из глубины обороны противника, приближалась стая безукоризненно выдерживающих острый угол «юнкерсов»; справа, кружа над нашими войсками, висел корректировщик «Хеншель-126».

Мгновенно оценив обстановку, Кулаков приказал Шутову с ведомым обезвредить «хеншель», а сам повел всю группу на бомбардировщиков.

— Тимур, за мной! — скомандовал Шутов и отвалил вправо. — Атака!

— Понял!

«Хеншель», не мешкая, огрызнулся: огненный пунктир пулеметных выстрелов, скользя над сверкающей в лучах солнца кабиной Шутова, как бы замедленными наплывами протянулся по левому борту «яка» Тимура.

Спеша на выручку корректировщику, со стороны солнца вынеслась пара «мессершмиттов».

— Тимур, руби «хеншель», я прикрываю!

«Наконец-то свобода действий!» И Тимур откликнул-

ся так громко, что заглушил все помехи бормочущего, потрескивающего, наигрывающего эфира:

— Понял! Выполняю!

Спикировав и тут же взмыв по выгодной кривой, Тимур расчетливо вывел истребитель в хвост «хеншеля», но поймать его в перекрестие оптического прицела оказалось не так-то просто. Немецкий пилот был, видимо, опытным: увернувшись, сам послал пулеметную очередь. Светящаяся трасса почти вплотную прошла над фонарем «яка».

Тимур поднырнул под брюхо «хеншеля» и, резко потянув ручку на себя, бросил истребитель вверх, на крутой горке накрыл фигурку корректировщика перекрестием, как сетью.

Вот он, враг!

В бесстрастном стеклышке прицела фигурка «хеншеля» постепенно увеличивалась, разбухала...

«Не торопись, Тимка, ближе... ближе...» Размах крыльев готов был выйти за пределы линзы — и всей силой больших пальцев истомившихся рук нажал он на гашетку.

«Хеншель» вспыхнул мгновенно. Сияясь удержаться, в отчаянном рывке попытался сбить еще слабые языки огня, но Тимур развернулся и повторил атаку.

В прицеле горит, но не падает хищная птица.

— Врешь, упадешь! — И в руке с новой глухой силой отдалось: «Дук-дук-дук-дук-дук...»

Кончено. Косматое облако черного дыма вырвалось из свалившегося на крыло «хеншеля», и вся его потерявшая опору в воздухе машина беспорядочно устремила вниз.

Первый возглас был не торжеством одержанной победы, а вскриком острого беспокойства:

— На помощь к Ивану!

Бой истребителей шел на вертикалях. Пара «мессеров», казалось, в беспамятстве носилась за остроносым

«яком», не в состоянии ни поразить этот верткий истребитель, ни оторваться от него, чтобы не быть самим пораженными.

Тимур с лета разорвал незримую нить замкнутой кривой, разрушив тем самым заданный немцами ритм их безуспешной карусельной погони за «яком». Обнаружив на своем пути второго противника, «мессеры» тут же поспешили удалиться, видимо, поняв: корректировщик сбит, бой ими проигран.

Группа Кулакова вернулась без одного самолета: «як» ведомого комэска был поврежден и сел, едва дотянув до позиций своих войск. Зато в актив эскадрильи записали «хеншель» и двух «лапотников», как насмешливо прозвали фронтовики Ю-87 за их неубирающееся шасси с громоздкими обтекателями.

Только приземлившись на своем аэродроме, Тимур осознал, что в его боевой биографии свершилось главное — им одержана первая персональная победа. Летчики окружили его, поздравляли с жаром и товарищеской искренностью. Кулаков долго тряс ему руку, приговаривая:

— С первым личным трофеем!.. Не сомневался!.. Горжусь!..

А Иван, обнимая и тиская его, напештывал в ухо:

— Снайперски, ей-ей, снайперски! Свалить «хеншеля» — это ж, кедровые шишки, не сигарку выкурить!

Подоспевший комиссар эскадрильи Дмитриев, пробившись в тесный круг, объявил:

— С КП наземных войск только что радировали Куцевалову: благодарят от лица всех окопников за сбитый корректировщик, успевший намозолить глаза и натворить немало бед.

На шум вернувшихся с боевого задания истребителей поспешила медсестра. Выпрыгнув из укрытой под навесом крайнего капонира санитарной машины, Тоня на ходу оглядывала возбужденных летчиков и взволнованно думала: «Где же он? Что-то его не вижу...»

Всей тесной группой двинулись на КП полка, к Бате. И тут-то она увидела его, смущенного, в расстегнутом и сбитом на затылок шлемофоне, с выбившейся на чистый лоб пшеничной прядкой и с оголенной белой шеей, на которой у горла атели два надавленных кружочка — следы от ларингофонов.

Прошли мимо, он скользнул по ее лицу обидно невидящим взором. И только кто-то из задних запоздало оглянулся и крикнул:

— Привет, Тонечка! Отбой твоему хозяйству! Потери — один «як»-подранок. Но не пугайся — пилот цел и невредим, на попутных доберется!

Тоня опечаленными глазами смотрела им вслед, а когда они скрылись в землянке, рассеянно вынула из кармана шинели матерчатый комочек, развернула его. Кисет с недоконченной вышивкой. Даже игла с красной ниткой воткнута в последнюю букву: «Тимур, живи и победж...» Она вернулась в машину, подседа к окошку и продолжила вышивку. Под иглой постепенно выписались еще три буквы: «...дай».

Дверь открылась, вошла женщина-врач. Тоня быстро свернула и спрятала кисет в карман.

2

Приближался обед. Машина привезла свободных от боевого дежурства летчиков в поселок. Тимур, прежде чем зайти в столовую, прошелся по улице, все еще находясь под впечатлением своего первого успешно проведенного воздушного поединка. «А ведь здорово я его снял! — Но сразу же приструнил себя и даже остановился. — Что за телячий восторг!»

И тут на Большой Садовой, у дома № 12, его неожиданно окликнули:

— Тимура! — У калитки стояла Анка, и в ее глазах

светилась радость.— Когда ж придешь стричься? Обещал же!

Все стало на свои места: он после возвращения с задания приехал в столовую; она, Анка, напоминает о своих пожницах парикмахера. Подошел и пожал ее по-детски маленькую ручонку.

— А хоть сейчас!

— Ой, так пошли же! Только что подстригла своего командира, и тебя, Тимура, замечательно подстригу!

Пока входили в дом, она успела сообщить, что здесь, у местных Лобачевых, разместились «на пожитье и работу» инженеры и техники БАО. В одной из комнат, куда они вошли, за тесно сдвинутыми столами сидели штабные работники батальона, занятые своими гроссбухами и ведомостями.

— Проходи в ту комнату, Тимура, я сейчас.— Она кивнула на смежную дверь.

В соседней комнате Тимур присел на скрипучий венский стул, осмотрелся. Некогда царивший здесь провинциальный уют нарушен казарменным строем нескольких коек, по-армейски застланных серыми одеялами. О былом житье напоминали лишь горшочки с геранью и резедой да незатейливая симметрия рамок с семейными фотографиями на стенах.

Тимур почувствовал на себе чей-то взгляд и обернулся. В дверях стояла женщина в валенках и наброшенном на плечи платке и вопросительно смотрела на незнакомого летчика. Тимур встал:

— Я Анку дожидаясь...— и провел рукой по волосам.

— А-а... Наша Нюрочка мастерица...— И вздохнула глубоко.— Совсем девчужка, а видите — при настоящем деле. Сирота она.

— И давно? — непроизвольно вырвалось у Тимура.

— Нюрина мать померла еще до войны, а отец совсем недавно погиб под Старой Руссой. Рядовым бойцом воевал...

Анка вошла порывисто, весело объявив:

— Следующий!

Без шлема ее головка с аккуратно причесанными волосиками показалась еще более детской и незащитной.

— Покажи, Нюрочка, лейтенанту, на что способны твои талантливые руки! — Женщина матерински улыбнулась ей и вышла.

— Хозяйка наша... — сказала Анка. — Прошу, Тимура, снимай реглан и садись поближе к окну.

Сидел смиренно и смотрел на сказочный лес, нарисованный морозом на оконных стеклах, а ножницы ценькали над его головой, сбрасывая на пол светлые прядки волос.

— Вот и все, Тимура! — Она осторожно сняла полотенце, протянула крохотный кругляшок зеркальца, а сама пошла за веником.

— Анка, да у тебя и в самом деле талант! Быть тебе...

— Не, не, Тимура! — появляясь в дверях, протестующе замахала она веником. — Стрижка-брижка — временно. Меня Тоня медицине обучает.

Потом они оделись, вышли на скрипучую под ногами морозную улицу, и он неожиданно заговорил о ее будущем:

— Кончится война, пойдешь учиться, Анка. Тебе по душе медицина? Это замечательно! А пока воюем, крепись, не унывай. Рядом с тобой твои товарищи, боевые друзья. И помни, Анка, за твоего отца мы отомстим.

Она слушала, смотрела на него большими глазами и согласно кивала.

— Теперь, Анка, пойдём. Буду расплачиваться.

— Ой, чо ты, Тимура?! Такое скажешь! Никаких расплачиваний!

— Я еще не обедал, а мне кое-что вкусное полагается на третье. От угощения не отмахиваются!

Но в летнюю столовую войти она наотрез отказалась, и он погрозил ей пальцем:

— Минутку, только смотри не удери! — и, хлопнув дверью, скрылся. Ему хотелось сделать что-нибудь приятное этой обездоленной войной девочке.

Минуту спустя он вышел, держа в руке и протягивая ей шоколадку в голубой обертке. И тут-то их перехватил Иван Шутов:

— Вот ты, оказывается, где пропадаешь — в компании с дамой! А я с ног сбился — ищу. — И к Анке! — Он у нас сегодня именинник — фашиста сбил! А в такой день я без своего напарника просто не могу.

— Ой, Тимура! Все время про мою учебу говорил, а про свою победу ни словечка — честно, да?

— Иван, знакомься, — смеясь, сказал Тимур. — Анка-золотые руки! Смотри и оценивай ее работу! — Сняв шлем, повел головой вправо-влево.

— Мастерски! — похвалил Шутов и хотел немедленно набиться в клиенты, но подъехавшая санитарная машина прервала их разговор.

Из кабины выглянула Тоня. Столкнувшись глазами с Тимуром, вспыхнула, отвела взгляд и начальственно окликнула:

— Григорьева! Вижу, заговорила. Садись — подвезу, а то опоздаешь!

— Ой и правда! — всплеснула руками Анка. — Сегодня ж в госпитале у нас занятие — практика... Перевязка! — Помахала рукавичкой и побежала к машине.

После обеда Иван спросил:

— Куда двинемся? До ночного дежурства Кулаков поощрил: можем дома выспаться, можем погулять.

Вспомнились морозные дебри на оконном стекле, и Тимур предложил:

— Пока светло — махнем в лес? Здесь очень красивые леса должны быть. И совсем близко.

— Ну что ж, шире шаг! Сверху они не хуже наших, сибирских.

Лес начинался сразу же за окраиной. Проваливаясь чуть ли не по колени в снег, они пробирались в сторону от накатанной колеи. Чем глубже уходили в чащу, тем живописнее открывались зимние пейзажи кондовой пуши: могучие корабельные сосны перемежались с вековыми островерхими елями, а между ними то тут, то там снежно белели стволы уснувших берез.

— Не знаю, какой лес в твоей Сибири, здесь же он великолепен!

Шутов придиричиво оглядел стоявшие перед ним исполинские сосны, согласился:

— Что и говорить — красавцы! Однако после войны я тебя обязательно повезу на свою родину. Сам посмотришь и сибирский кедр и кедровые шишки!

— Согласен! — рассмеялся Тимур. Выйдя на небольшую, промерзленную следами зверьков белую поляну, добавил уже серьезно и задумчиво: — Давно решил, первый же служебный отпуск проведу там. Особенно в тех местах, где пришлось побывать отцу. Война все карты спутала, а то бы... — Голос осекся, и он воскликнул: — Смотри!

Справа, у самой опушки, огромная береза, переломанная выше основания, лежала и прятала нижние ветви в глубоком снегу. Двухметровым столбом торчал над землей белесый, расщепленный на сломе пень. Подойдя ближе, поняли: срублена большим осколком. Следы осколков заметны и на других деревьях. Рядом врылась в землю обширная, приглаженная снегом воронка. Тимур стал у ее края:

— Какой смысл бросать здесь бомбы?

— Помешали лететь дальше. Или бомбить наш аэродром. Вот и весь смысл.

— Пожалуй, — согласился Тимур и медленно пошел по краю воронки. Замкнув округность, взглянул на Шутова: — Знаешь, о чем я сейчас подумал?

— Какой мощности фугаска?

— Нет, я подумал о другом: рухнула береза, но лес живет!

Тимур подошел к торчавшему березовому обломку, погладил его холодное, мертвое тело и, откинув полу реглана, вынул из чехла кортик. На белой коре, выкрашивая кончиком острия мелкую стружку, сделал один надрез, другой... Вскоре линии соединились, и отчетливо вырисовались контуры самолета. А когда на крыльях появилось нечто похожее на усеченные кресты, Иван догадался:

— Твой «хеншель»!

Тимур отошел подальше и, вскинув именной пистолет, прицелился. Сухой выстрел поглотился стеной угрюмо молчавшего леса.

— Попал, кедровые шишки! Вижу пробоину! Прямо в тупое рыло «хеншеля» врезал! — вскричал Шутов восторженно.

3

Боевые будни в полку омрачились: погиб командир 2-й эскадрильи. А на следующий день из той же эскадрильи не вернулось с задания звено истребителей: мстили за командира беспощадно, но и сами полегли. И в тот же день один из «яков» 1-й эскадрильи на обратном пути с переднего края был подожжен вывернувшимся из-за облаков «мессером».

Шутов и Тимур вернулись домой поздно предельно усталые. По плану полетов их пара дежурила на аэродроме. Перед вечером они поднялись по тревоге и устремились в погоню за фашистским истребителем, который периодически появлялся в округе Крестец, но, еще издали заметив приближающихся «яков», он бесследно исчез в высоких облаках. Подавленное настроение сглаживалось одной лишь ободряющей надеждой: получили для своей пары на завтра, 19 января, задание подняться в свобод-

ный полет — пройти от Крестец до переднего края и обратно.

— Каждое облачко обшарим и найдем этого любителя заоблачных засад, кедровые шишки! — кипел Шутов.

Казалось, стоит донести голову до подушки — и сон обрушится, придавит тебя мягко-мягко, погружая в невесомость. Но сон не приходил. Сначала негромко переговаривались о предстоящей охоте, потом разговор незаметно переключился с фронтовых воздушных дорог в глубокий тыл. Иван мысленно возвращался в прошлое, снова вспомнил свою «отраду», а Тимур мечтательно говорил о будущем.

— Время наступит такое, Ваня, что летать вам с тобой просто так определенно будет мало.

— Поясни, как сказал тебе однажды Куцевалов.

— Поясню, но сначала вопрос: кем будешь после войны?

— Я? У меня все ясно — служить в ВВС.

— Это понятно. Я тоже в ВВС. Но конкретно?

— Программа минимум: командовать эскадрильей, как наш Кулаков, а там и полком, как майор Московец. Есть и программа максимум. Но о ней пока помолчу. Главное же, понятно, летать.

— Летать... И у меня главное — летать. Но я, Ваня, хочу летать не так, как сейчас летаем мы... Сегодня, к примеру, погнались за «мессером», а его и след простыл. Не догнали.

— Догонишь такого, кедровые шишки! Скорость-то!

— Вот! — горячо воскликнул Тимур, приподнимаясь. — А надо создать такой истребитель, чтобы ни один стервятник не смог от него удрать.

— Ты хочешь потом делать новые военные самолеты?

— Сначала и я хотел только летать, но у меня есть один самый близкий друг — Степан, тоже летчик-истребитель и тоже уже воюет, — так это он первый об авиацион-

но-инженерной академии заговорил. Я сначала даже смеялся над ним, но потом все же решил: надо и летать и конструировать, как когда-то Нестеров.

— Сложно. Да и шарики должны в этом направлении работать.

— Шарики! Будем учиться, только по-настоящему, — и заработают шарики!

— Заманчиво.

— Давай, Иван, после войны вместе пойдем в авиационную академию. И, если захочешь, будем на пару создавать сверхскоростной...

— Сверхскоростной? Это хорошо — сверхскоростной... Но у меня, Тимур, не получится с этим делом ничего толкового. Я — просто летчик. И хочу быть хорошим летчиком. Одним словом, хочу — была не была, раскрою свой максимум! — стать летчиком-испытателем. — Помолчав, весело предложил: — Договоримся так: авиаконструктор Тимур Фрунзе построит свой послевоенный сверхскоростной самолет, а летчик-испытатель Иван Шутов даст ему, кедровые шишки, дрозда по всем статьям испытательной программы!

— Ты, Шутов, шутишь, а я серьезно.

— Что ты, Тимур, хотя я и Шутов, но какие тут шутки! У меня просто такой смешливый голос. А я серьезно.

— Будем спать, Иван.

— Спокойной ночи, Тимур, — сказал Шутов. Через минуту добавил: — В последнее время я вижу во сне только самолеты — и наши, и их, с крестами. А теперь, чувствую, будет мне снится и твой сверхскоростной.

— Мой ли... другого ли, а сверхскоростные обязательно будут — это яснее ясного. Только вот завтра как бы нам с тобой фашистского аса догнать?

— Догоним, догоним, кедровые шишки! Лишь бы не отменили свободную охоту!

Утром мороз обжег лица.

— Ну и пробирает, кедровые шишки!

— По-сибирски ж! — поддел Тимур.

— И-и, куда там Сибири... По-якутски, скажи.

После завтрака Тимур и Иван спешили к своим истребителям.

В крытой полуторке летчики курили, перебрасывались шутками, поругивали «небесную канцелярию».

— Это уж не крещенские морозы, а... крестецкие, чтоб они выдохлись!

— Градусов эдак под сорок, а то и более!

— Как там мой механик? Всю ночь ему пришлось латать плоскость да прогревать двигатель!

Из тесной глубины кузова, озаряемой короткими вспышками папиросных затяжек, выплыл голос Усенко:

— Твоему механику следует перенять опыт у моего Лукьяненки. Он как прогревает? Нагонит градусы, захелит, а сам под чехол — ляжет на капот «яка» и спит, как на печке, а начнет замерзать, — значит, снова пора прогревать. И двигатель не замерзнет, и сам в тепле. Смекалка, находчивость!

На КП полка дежурный сказал Шутову:

— Открывайте планшеты.

— Задание ж не меняется?

— Малость подправлено. Смотрите на карты. Маршрут тот же, но... — Шутов и Тимур расстегнули планшеты и нацелились карандашами на карту. — Свободная охота отменяется. Летите парой до переднего края северо-восточнее Старой Руссы: деревня Медведно, Бологийский лес включительно. Прикрываете перегруппировку сто восемьдесят второй дивизии, взаимодействующей с бригадами старорусских партизан; штаб дивизии расположен в названной деревне. По данным разведки, на этом участке фронта затишье и с утра могут быть лишь частные случаи аэрофотосъемки и работы коррективщика. Ваша задача: отогнать самолеты противника от переднего края, а при выгодно сложившейся ситуации уничтожить. Ваши

позывные: «Двухсотый», «Двести первый». Сменит вас группа «яков» второй эскадрильи. Все. Вопросы?

— Задание уяснил,— суховаато сказал Шутов, застегивая планшет.

Тимур понял: Иван недоволен изменением задания. Дежурный пожал им руки:

— Успеха!

Рассвело. В небе ни одного облачка. Солнце, выкатившись из-за валдайских лесов, засияло так ослепительно, что невозможно было долго смотреть не только на него, но и под ноги, на скрипевший под унтами снег.

Взлетев, легли на курс. Солнце осталось за спиной, и глаза теперь отдыхали. В наушниках возникли таинственные шорохи и голос ведущего:

— Тимур, как настроение?

— Нормально, командир!

— А жаль, что отменили охоту.

— Жаль, командир.

— Ты что так официален сегодня?

— Порядок есть порядок.

— Может, еще в пути перехватим рихтгофенского ястреба?

И вдруг привычные радиопомехи неожиданно протаранил четкий басок:

— «Двухсотые», я — «Земля». Прекратить посторонний разговор! До Бологижского леса — две минуты.

Они знали, связь между улетевшими на задание самолетами и землей только-только вводилась. Потому-то в полете почти всегда обходились без позывных. Перебрасывались сами короткими фразами, командами, а то и вообще забывали о радиии и пользовались испытанным авиакодом — эволюциями самолета. И вдруг — этот строгий окрик земли. Не зря, выходит, дали им позывные. Шутов на всякий случай отозвался:

— «Земля», «Двухсотые» вас поняли.

В ответ донесся щелчок выключенного передатчика, утонувший в хаосе посторонних звуков. Дальше, до самого Бологжского леса, летели, не проронив ни слова.

Передний край протянулся неровной полоской от пустынного, закованного сизоватым панцирем льда озера Ильмень к югу. Пересекая железнодорожное полотно на Бологое, он подступал к восточной окраине Старой Руссы. Забирая от лесного массива влево, в сторону деревни Медведно, Шутов коротко заметил:

— Внимание. Подходим к фронту.

— Вижу.

— Все пока спокойно. Нет движения.

— Хорошо замаскировались.

— А вообще-то вон она линия фронта. От леса горбом дуги к западу вытянулась.

— Наши хорошо поднажали, вплотную к Старой Руссе подошли.

— Опять мы с тобой разговорились.

— Молчу, командир.

Несколько раз пронеслись над излучиной переднего края. В воздухе спокойно: пока — ни одного вражеского самолета, даже предполагаемых аэрофотосъемщиков и корректировщиков не видно. И только внизу противная сторона вела редкий беспокоящий артиллерийский огонь: над линией обороны то тут, то там взвизывался синевато-пепельный туман да в наших боевых порядках возникали одиночные всполохи разрывов.

Слепящее солнце поднималось все выше и выше. И когда казалось, что полет пройдет вхолостую, Тимура словно кто в грудь толкнул — сердце, подпрыгнув, начало гулко отстукивать ровные удары. Над Старой Руссой в холодно-бирюзовом небе отчетливо возник журавлиный клин. Только какие же в январе журавли?! Да и рисунок клина построже, поточнее птичьего.

Тяжелые самолеты безукоризненно четким строем шли к переднему краю.

«Бомбардировщики! Вот тебе и «частный случай»... Сколько ж их там?» Сосчитать не успел и поспешил доложить:

— Слева впереди вижу бомбардировщики!

— Засек,— спокойно отозвался Шутов.— Над Старой Руссой.

— К фронту идут, по-моему, тридцать «юнкерсов».

— Точно, тридцать.

— Они что — без прикрытия?

— Не может такого быть. Где-то поблизости висят и «мессеры».

— «Лапотников» надо перехватить. Твое решение, командир?

— Будем атаковать.

— Только так! — возгораясь боевым азартом, воскликнул Тимур.

— Следуй за мной!

Тридцать пикирующих бомбардировщиков Ю-87 монолитным клином продолжали подтягиваться к переднему краю. Два проворных «яка» метнулись навстречу грозно ревушей армаде и некоторое время оставались незамеченными — мчались они с небольшим превышением со стороны солнца и терялись в слепящих лучах и в холодном сиянии бирюзы. Когда же их обнаружили, было поздно.

— Тимур, атака!

Шутов пошел на снижение и прошил флагман длинными очередями из пулеметов и пушек. Тимур, не отставая, добавил — послал в него же точную и плотную пулеметно-пушечную строчку. Встречный удар оказался до того неожиданным и дерзким, что ответный огонь турелей со всех «юнкерсов» был беспорядочен и не достигал цели. Не обращая внимания на хаотичные прочерки разноцветных трасс, «яки» врезались в строй бомбардировщиков и, расчленив его, боевым разворотом зашли в тыл клина.

«Юнкерсы» выдерживали равнение до тех пор, пока

их флагман еще крепился и упрямо лез вперед. Но вот он содрогнулся, свалился на крыло и, разматывая мазутно-черный шлейф, загрел вниз. Без ведущего строгий и грозный клин «юнкеров» рассыпался. Вражеские бомбардировщики, потеряв ведущего, шарахнулись в разные стороны и беспорядочно заметались, но огненные струи двух истребителей настигали их, прошивая обшивку и дотягиваясь то к бензобакам, то к боевым отсекам. Спеша освободиться от опасного груза, «юнкеры» начали сбрасывать бомбы.

Большая часть бомбардировщиков, развернувшись, пошла назад, и лишь некоторые попытались сомкнуться и вести массированный огонь.

Сверху снижалось явно замешкавшееся и обескураженное прикрытие из восьми Me-109ф.

Шутов осмотрелся, оценил возможности, подумал: «Главное сделано — «лапотников» не допустили к нашим и вынудили их, кедровые шишки, отбомбиться по своим тылам... «Мессеров» многовато... Надо уходить» — и командовал:

— Тимур, за мной!

«Яки» проскочили линию фронта и, дав моторам полные обороты, потом форсаж, понеслись в сторону леса. Выходя из пологого пикирования, за ними устремилась четверка «мессершмиттов»; вторая половина конвоя осталась прикрывать уходящие в свой тыл «юнкеры». Однако, убедившись, что тем никто уже не угрожает, спешно развернулась и бросилась на подмогу первой четверке.

— Иван, сюда «мессеры»!

Шутов думал всего лишь секунду.

— Принимаем бой! — Последовал крутой разворот с набором высоты. — Атака!

— Понял!

Четверка «мессершмиттов», рассекая воздух, с иступленным ревом промчалась мимо и повторила маневр «яков».

— Тимур, не горячись! Выбирай цель и — атакуй!

— Понял!

— Прикрываю!

— Есть! — откликнулся Тимур и увидел, как над его фонарем мигнула синевато-розовая трасса, а следом черной тенью промелькнул «мессер».

«Вот она — моя цель!» И яростно потянул ручку на себя. «Як», став на дыбы, пошел вверх. «Мессер», пытаясь опередить его, тоже вздыбился и, вытягивая своего напарника, полез следом. В стороне «як» Шутова схватился с другой разъяренной парой. Тимур круто отвернул и с новым заходом оказался на встречном курсе с преследователями. Решение созрело мгновенно. Только лобовая атака может ликвидировать преимущество врага. Пришав к прицелу, он направил истребитель навстречу ведущему «мессеру». Перекрестие быстро заплывало темным пятном.

«Неужели не отвернет?.. Тогда конец обо...» Не успела мысль завершиться, в линзе на какой-то миг возникло темно-серое брюхо, и пулеметно-пушечный огонь пропорол дрогнувшего врага. «Як», едва не столкнувшись со вторым «мессером», пролетел мимо и, уходя в высоту, боевым разворотом пошел на сближение с двумя другими, осаждавшими истребитель Шутова. А подбитый «мессер», падая, чертил жирную копотную полосу, и несколько в стороне, за бело-зеленоватой кипенью Бологижского леса, опускался купол парашюта...

Помочь Ивану Шутову не удалось: подоспели оставшиеся «мессеры».

— Тимур, иду на перехват четверки!

Голос прозвучал надрывно, в интонации — и ожесточение, и непримиримость, и отчаяние. Положение осложнилось. Несколько минут иступленный бой шел в разных, быстро меняющихся плоскостях. И тем, кто наблюдал эту неравную схватку с земли — а за ней наблюдали штабные 182-й стрелковой дивизии и командиры старо-

русских партизан Глебов, Трусов и Лучин,— уже думалось, что неустрашимая пара «ястребков» неуловима и неуязвима. Даже ободряюще покрикивали:

— Давай, давай, молодцы!

— Бей по всем крестам!..

Но численное превосходство врага не замедлило сказаться. И вот — роковое:

— Тимур, мой «як» поврежден... теряет высоту... Уходи!

— Ваня, держись! Прикрываю!

— Уходи на солнце!.. Тимур, уходи-и!

— Под нами наши, постарайся оторваться и сесть, я прикрываю!

Над истребителем Шутова, хищно заметалась четверка «мессеров». Тимур в отчаянном рывке отскочил от своей разъяренной тройки и бросился наперерез подоспевшей подмоге, прикрывая поврежденный «як» своего командира. Истребитель Тимура, маневрируя, уходил, самоотверженно атаковал, и один из таких отчаянных бросков окончился новой победой: с близкого расстояния, почти в упор, Тимур поджег второй «мессер», который, чадая, поспешил удалиться и рухнул где-то за своей линией фронта. А машина Шутова, терявшая высоту, уходила все дальше и дальше, в сторону сплошного белого поля.

Поредевшая, но еще более озлобившаяся стая стервятников, считая, видимо, что с подбитым «яком» больше возиться не стоит, навалилась на его бесстрашного защитника.

Тимур оказался заблокированным. Резко набрав высоту, он тут же ринулся в атаку на ближайший «мессер» и, поймав его в перекрестие, нажал на гашетку, но... Но выстрелов не последовало. Пулеметы и пушки молчали.

Спина похолодела. «Кончились... Патроны и снаряды кончились... Надо прорываться...» В наушниках сквозь потрескивание и писк помех то ли эхом отозвался, то ли действительно возник далекий и надрывный голос

Шутова: «Уходи...» И совсем близкий: «Двухсотые», я — «Земля», уходите на солнце!»

На солнце!

«Як» развернулся и со стоном взмыл к пронзительно сиявшему светилу. Стая преследователей, рассекая перекрестным огнем воздух, не отставала. Прижатый перегрузкой к бронеспинке, Тимур успел еще подумать: «Иван уже сел... Он на земле... на нашей земле...» Ослепляя, прямо в глаза наплывал раскаленный шар солнца.

И вдруг — лопнул!

Разлетелся вдребезги...

Погас...

4

В негустой, занесенной снегом посадке, недалеко от Медведно, заместитель начальника штаба 57-й смешанной авиадивизии майор Простосердов, прибывший с автофургоном — рацией РАФ в район 182-й стрелковой дивизии для организации взаимодействия наземных войск с авиацией, стоял у машины. Провожая взглядом низко жавшийся к земле поврежденный «як», он держал в руке микрофон и по существу уже без надобности машинально повторял:

— «Двухсотые», я — «Земля», уходите на солнце!.. «Двухсотый», «Двести первый», я — «Земля», уходите на солнце!»

Подбитый Як-1 скрылся за слепящими глаза дальними сугробными наметами, а его напарник с полминуты, взмыв, круто забирал в вышину.

Нервничая, майор понимал, что наш самолет попал в тяжелое, а по существу в безвыходное положение — у него на хвосте висели «мессершмитты», и все же продолжал твердить то единственное, что могло еще быть полезным обездороженному, как он понял, пилоту: «На солнце!», не

подозревая, что тот его уже не слышит. Это майор понял в следующее мгновение, когда курс преследуемого истребителя резко изменился — описав в верхней точке круглую дугу, он вошел в пике.

«Сбит!» — защемило в груди у майора. А один из стервятников, продолжая полет за падающим самолетом, в каком-то диком исступлении все еще хлестал его огненными, злорадно стрекочущими струями.

Сбитый истребитель вспыхнул и врезался в глубокий снег поблизости от развернутой радиостанции. На оторванной и отброшенной в сторону плоскости металось, неистовствовало пламя.

Майор Простосердов и выскочившие из автофургона радисты бросились к разбитому самолету. Колпак у кабины был сорван, а летчик уткнулся в залитую кровью приборную доску. Не мешкая, извлекли его неподвижное тело и, унося, отбежали подальше. Они тяжело топали валенками, а следом на белом снегу распускались алые маки — почти такие же яркие, как в Качинской долине. О такой похожести наверняка бы подумал тот, кого они несли на руках; однако он об этом уже не подумает. И не только об этом. Вообще. Летчик был мертв.

Простосердов расстегнул и сбросил парашют, запустил руку за борт мехового комбинезона. Из кармана гимнастерки вынул комсомольский билет, развернул его и... побледнел.

— Кто? — спросил один из радистов.

От деревни Медведно бежали несколько человек. Простосердов, не ответив, снял с ремня у погибшего кобуру с пистолетом и кортик. Потом приказал:

— Распустить парашют! — Белый — белее полуденного снега — шелк хлынул из распахнувшегося ранца. — Погибшего героя завернуть в купол!

Радисты осторожно положили на спящий глаза шелк безжизненное тело и старательно обернули его этим невыносимо-белым саваном.

Подбежавшие военные назвались штабными 182-й стрелковой дивизии, а гражданские — местными партизанами. Сообщили, что они наблюдали воздушный бой и что в штаб доставлен захваченный фашистский летчик, который показал: он-де известный ас, а его эскадрилья на днях переброшена на аэродром Дно из Франции.

— И еще он говорит, — продолжал высокий партизан в заячьей шапке и дубленке, — что сегодняшней его вылет первый на восточном фронте и что его, должно быть, сбил известный русский ас.

— А чего это его волнует, кем он сбит?

— Просит подтвердить его предположение для успокоения, должно быть, профессионального самолюбия.

Простосердов жестко сказал:

— Можете передать развенчанному асу: сбил его мальчик, всего лишь выпускник авиашколы, которому не исполнилось еще и девятнадцати. — Держа на ладони пистолет, майор еще и еще раз про себя прочитал дарственную надпись и тихо закончил: — Товарищи, погиб Тимур Фрунзе — сын великого полководца.

Прибежавшие, еще тяжело дыша, взглянули на тело летчика, завернутое в парашютный шелк.

Головы обнажились. А майор Простосердов, сосредоточенный и подавленный, пошел к радиостанции. Ему предстояло передать в штаб скорбную радиограмму, текст которой, он знал, тягостным эхом отзовется в Кремле,

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1

Массивная дверь в кабинет маршала обычно открывалась легко, без усилий. Но сейчас офицер для поручений открывал ее с невероятным трудом, все еще раздумывая: «О чем доложить в первую очередь?» Было

два срочных для маршала сообщения. Правда, одно — устное, переданное по телефону, другое — телеграмма в черной папке.

— Что вы там топчетесь? — услышал он глуховатый голос.

Решительно вошел:

— Товарищ маршал, только что звонил генерал Поскребышев и сообщил: товарищ Сталин ждет вас у себя.

— Иду. — И взглянул на его беспокойные руки, на черную папку. — Еще что-нибудь есть?

— Вот... — Офицер, раскрыв папку, медленно положил ее перед ним. — Телеграмма.

Ворошилов был без очков и попытался короткий текст телеграммы прочитать, несколько откинувшись от стола. Сразу же встряхнул головой и торопливо вооружился очками. Лицо маршала, обычно здоровое, свежее, мгновенно помертвело. Он как-то вяло потянул очки. Они, соскользнув, ударились о край стола, отскочили на пол и, брызнув осколками, покатались по паркету.

Офицер вздрогнул, быстро нагнулся, подобрал оправу и осторожно положил ее на стол перед папкой.

Ворошилов невидящими глазами смотрел в пространство, в одну точку. Не переводя взгляда, спросил:

— Понимаете, что вы мне принесли? — Он оттолкнул черную папку, и она отползла по настольному стеклу.

Чувствуя в горле вязкий комок, офицер с усилием вымолвил:

— Да... понимаю. Большое горе.

Оторвав в откидном календаре лист минувшего дня с черной большой цифрой «19», маршал тронул очки и, удивленно оглядев их, отложил в сторону. Медленно написал несколько слов.

— Отправьте.

— Слушаюсь.

Захватив телеграмму, Ворошилов пошел непривычно грузным шагом...

Сталин сидел за рабочим столом и писал. Не отрываясь от дела, сказал:

— Вчера Жуков сетовал, что мы у него отобрали армию и перевели ее в резерв Ставки; даже попугивал — ударная группировка фронта ослабла. А сегодня... только что передали... — Ткнул карандашом в лист, что лежал на отлете. — Читай: Можайск, Руза, Дорохово, Верея освобождены.

Ворошилов машинально взял лист и, повертев его в руках, положил на место.

Сталин отложил карандаш, пристально глянул на маршала:

— Что с тобой? Нездоров?

Ворошилов протянул телеграмму. Сталин прочитал, набил трубку и закурил. Еще раз внимательно посмотрел на Ворошилова и с горечью промолвил:

— Сколько молодых жизней уносит эта тяжелая война!..

Потом в задумчивости поныхтел трубкой, встал и направился к длинному столу. Отбросил одну, другую карту, подтянул поближе третью. Сказал уже другим, недобрым голосом:

— Тридцать суток рвутся друг к другу навстречу и никак не соединятся. Что там — доты у них на пути?

Ворошилов подошел и, поняв, что Верховный рассматривает оперативную карту Северо-Западного фронта, заметил глухо:

— Жестокий мороз, заболоченная местность и нехватка боеприпасов похлеще дотов.

— Крепкий орешек... этот Буш. А надо! Надо этот орешек захватить в щелкун и — раздавить!

— Захватить захватим, все к тому идет. А раздавить... Впрочем, можно поехать и на месте разобраться.

Сталин вернулся к письменному столу.

— Разобраться... — запоздалым эхом откликнулся он, собирая какие-то бумаги в пачку. — Прошу, разберись-ка

сначала с этими слезными депешами. Тоже плачутся: мало боеприпасов. А один даже уверяет, что спланировал наступление с нормой расходования снарядов — один выстрел в сутки на орудие... Безобразие.

Ворошилов поверх бумаг положил телеграмму и пошел к себе. В приемной спросил:

— Отправили?

— Так точно, товарищ маршал.

— Поторопились... — И тут же написал вторую записку. — отошлите вслед.

— Будет исполнено.

— Соедините меня с квартирой.

Прошел в кабинет, положил пачку бумаг посредине стола, а телеграмму спрятал в карман кителя. Снял трубку:

— Лидия Ивановна... — Помедлил, слабо кашлянул. — Придет нарочный, передайте ему мои очки... Да, на столе в кабинете.

Поздним вечером того же дня Вера, уже одетая и обутая во все теплое, стояла в прихожей у телефона. Откинув на плечи пуховый платок, она плотно прижимала к уху трубку, слушала и чувствовала, что ноги слабнут, подкашиваются, еще мгновение — и она упадет. Пошатнувшись, она ухватила рукой за стену. Телефонная трубка, выскользнув, качнулась на шнуре. Из нее, слегка дребезжа мембраной, вырывался торопливый женский голос:

— Вера... Вера... Верочка... Ты поняла?.. Ты слушаешь меня?.. — Голос ослаб, надорвался приглушенным рыданием и смолк.

Вера со страхом смотрела на безвольно обвисшую трубку, из которой теперь, как ей казалось, сыпались на пол мелкими льдинками частые гудки. Привалившись к стене спиной, она попыталась вскинуть платок, но по-

холодевшие руки не слушались и не могли набросить его на белокурую голову.

Из комнаты вышла пожилая женщина.

— Ты уже собралась, дочка?.. Пстой, что с тобой?— Вера незрячим взглядом скользнула по невысокой, худенькой, во всем темном, фигурке. — Да на тебе лица нет! Ты нездорова? — вскрикнула женщина.

— Нет, нет... — заторопилась Вера, поспешно справляясь с платком. — Мне пора на дежурство.

— Какое там дежурство! — подбежала к ней женщина. — Давай-ка сбрасывай с себя эту овчину и валенки — и в постель!

Вера отвела ее руку:

— Нет, мама, я не больна... Я здорова... Это — совсем другое... Это... — И она не сдержала рыданий.

2

Светлое время кончилось, полеты прекратились. Но со стороны капониров продолжал долетать рев моторов — их периодически прогревали неумомимые трупы механики.

На своем КП сидел Московец, поникший, осунувшийся. Гибель Тимура Фрунзе надломил и в один день состарила его. Положив тяжелые руки на дощатый стол, он смотрел на спокойное пламя коптилки. Коптилка не коптила — удачно сработана из пущечной гильзы каким-то полковым умельцем.

Перед командиром полка стояли трое: комиссар эскадрильи Дмитриев, командир звена Шутов и отбывающий в полку наказание осужденный Домогалов. Всех он поочередно выслушал и тягостно молчал, медленно переваривая сказанное каждым из этих столь не похожих друг на друга людей.

Он их не вызывал.

Пришли сами, почти одновременно. Однако ни тот, ни

другой, ни тем более третий не стояли бы сейчас перед ним, если бы не трагедия, потрясшая не только полк, но и всю воздушную армию фронта.

Московец поднял ввалившиеся глаза. Оглядел каждого: высокий, средний и низенький, щупловатый. Диаграмма, да и только! Вскинул над столом тяжелую кисть и слабо махнул.

— Да вы садитесь. Чего выстроились по ранжиру?

Разошлись, расселись, кто на чем. Домогалов пристроился у выхода на патронном ящике.

Комиссар докладывал вторично. Вчера доложил, что приказание выполнено: с механиками Менковым, Лукьяненко, мотористом Аверченко и его, Московца, адъютантом он вывез из прифронтовой полосы тело погибшего лейтенанта Фрунзе и доставил в сколоченном на месте гробу в Крестцы. А сейчас доложил, что Лобачева — хозяйка дома, где обосновалось начальство БАО, привела в порядок и обрядила тело погибшего и что гроб уже увезен на Раменскую гору и установлен в землянке-клубе.

Шутов на попутных санях и машинах добрался до своего аэродрома и, узнав о гибели Тимура, чуть не потерял сознание. Усилием воли встряхнул себя и, прихрамывая, пошел докладывать Бате о воздушном бое с тридцатью Ю-87 и восемью Ме-109ф. Обо всем этом Московец уже знал из донесений наземных войск. Внове были только подробности, касающиеся самого Ивана Шутова. Поврежденная машина при посадке ударилась крылом о сугробные наметы. Вырванный из кабины, Шутов был отброшен в сторону, при падении повредил ногу и потерял пистолет.

— Искал-искал, но найти не смог... А вот часы с приборной доски снял... — непривычно запинаясь, выдавил из себя Шутов и протянул часы командиру полка.

Самолетные часы легли на стол, рядом с коптилкой, отбросив стеклом циферблата рыжий зайчик на низкий бревенчатый потолок.

Домоголов, не стесняясь Дмитриева и Шутова, сначала плакал. Он уже несколько раз эвакуировал под обстрелом вражеской пехоты с ничейной полосы оружие, боеприпасы, приборы и документы с подбитых самолетов. Однако его, Домоголова, «ни одна вражеская пуля не берет», и он не может «дальше так, бескровно, искупать свою вину» и просит доверить ему самолет — будет мстить и за своего командира и за Тимура.

— У кого есть курить?

Первым сорвался с ящика Домоголов и протянул пачку сигарет:

— У разведчиков разжился... Трофейные.

Московец неспешно размял тугую сигарету и прикурил от коптилки. Кисловатый дым пополз к дверям.

— Таким образом, — наконец проговорил Московец, — тебе, комиссар, с Захаренковым организовать похороны. Свяжись с политотделом дивизии. Ворошилов должен прибыть — телеграмму прислал.

Дмитриев быстро встал:

— Да, забыл сказать. Я ж из политотдела к вам. Только что получена вторая телеграмма от маршала: по не зависящим от него обстоятельствам прилететь на похороны не сможет. Пишет, чтоб хоронили без него. Приедет на могилу... позже.

Московец глубоко затыкнулся и долго выдыхал тоненькую струйку дыма.

— Одним словом, тебе с Захаренковым... как положено.

— Слушаюсь, Пимен Корнеевич.

— Теперь с тобой, земляк. Сиди, сиди... Ты что, ногу повредил?

— Пустяки, товарищ майор. Хоть сейчас в воздух! «Як» только вывезти и основательно подремонтировать надо.

— Повремени, повремени, — помахал на него сигаретой Московец. — Подремонтируйся сам как следует. Ма-

пину получишь другую. Насчет пистолета пиши объяснение. А теперь вот что: какие вещи остались на квартире у лейтенанта Фрунзе?

— Реглан перед вылетом он оставил у своего механика, а дома — один чемодан.

Московец выдвинул ящик и выложил на стол кобуру с пистолетом и кортик в чехле.

— Это — тоже его личное. Возьмешь и положишь в чемодан. Туда же и реглан, если втиснется. Переправим родственникам.

Шутов взял пистолет и кортик, нечаянно зацепив часы. Рыжий зайчик на потолке перескочил с одного бревна на другое. Помолчав, Московец вонзил остро вспыхнувший взгляд в Домоголова:

— Говоришь, вражеская пуля не берет? Она, друг ситный, даже таких отважных и сноровистых орлят, как Тимур, берет. А с машиной так поступим. Вывози с механиками поломанный «як» младшего лейтенанта, отремонтируй его и — летай. Мсти и за Елисеева, и за Тимура, и за всех наших павших. А главное — за себя, за то, что их, «рихтгофенцев», считал орлами, а себя курицей. Уразумел?

Домоголов вскочил, даже затрясся:

— Да я... да вы еще узнаете... Спасибо, Батя, за веру.

— Но-но, Батя... — проворчал Московец, раздавливая в пепельнице окурки. — У меня еще таких сынков, чтоб в трибунал попадали, не водилось. Ты ж не в счет. А верю потому, что не могу допустить, чтоб в такой тяжкий для фронта час летчик на земле отсиживался. Для чего тебя учили?

— Вот вы увидите... вы еще узнаете... — сбивчиво лопотал тот, размазывая рукавом по худому лицу слезы.

Шутов неприязненно глядел на него и не верил ему. Не верил ни слезам, ни перерождению. И еще огорчительно было сознавать, что подбитый «як» поручен неприятному ему человеку.

Измученный долгой дорогой и бессонницей, опустошенный от сознания, что Тимур погиб, спасая его, вернулся Иван Шутов домой. Хозяйка встретила постояльца опухшими от слез глазами.

— Ванюша, да что же такое творится на белом свете? Да когда ж оно кончится, лихое действо постылое?

Шутов стоял перед женщиной с опущенными руками. Сказал низким, застуженным голосом:

— Никогда, если мы сами не прикончим лиходеев.— И лицо его изломалось в страшной гримасе.— А мы их прикончим, непременно прикончим!

Прихрамывая, прошел в темную комнату. С минуту постоял, не зажигая света. Потом повернул выключатель.

Чемодан, настороженно поблескивая застежками, выглядывал из-под осиротевшей кровати. Опустился на колени, выдвинул, открыл крышку.

Поверх аккуратно сложенной коверкотовой гимнастерки с лейтенантскими петлицами лежал черный диск с красной круглой наклейкой. Шутов с минуту в каком-то замешательстве смотрел на траурное сочетание цветов патефонной пластинки и думал: «Странно... Зачем он ее привез сюда?» Повертел в руках и понял: «Орленок!»

Тяжело поднялся и вышел на хозяйскую половину. Молча шагнул к этажерке, осторожно снял ажурную салфетку крестецкой строчки, открыл и завел патефон. Прозвучавший голос певца затянул широко и задумчиво:

Орленок, орленок, взлети выше солнца
И стечи с высот огляди!
Навеки умолкли веселые хлопцы,
В живых я остался один...

Хозяйка замерла в дверях на кухню и слушала, подперев ладонью поддрагивающий подбородок.

Иван в чем пришел — еще не снял мехового комбинезона и шлемофона, — в том и попятился к выходу, пораженный знакомыми, но по-новому зазвучавшими сейчас словами песни.

— Что же я здесь? — забормотал он и, развернувшись, навалился плечом на дверь.

— Ванюша, куда ж ты... в такую морозливую ночь-то!

Он ее не слышал. Хромал в сенцах и клацал щеколдой, подгоняемый беспощадным голосом певца:

Орленок, орленок, мой верный товарищ,
Ты видишь, что я уцелел...

Безлюдную улицу омывало мертвенное лунное свечение. Снег сбойно поскрипывал под унтами, и этот звук неровных шагов как бы подгонял его, заставляя идти еще быстрее...

Клубная землянка БАОдохнула густым настоем хвои: венки, венки — от выхода и в мерцающую глубину. На столе в окаймлении поникших сосновых и еловых метелок — тесовый гроб, выкрашенный красной эмалью. В стороне, как свечи, тлели патронные светильники. У гроба, замерев, стояли сержанты Менков, Шустов, Аверченко, Лукьяненко. В глубине тихо переговаривались Захаренков и Дмитриев. Усенко сосредоточенно приметывал к рукаву шинели Дроздыхина траурную повязку.

Шутов шагнул к изголовью и замер. Почетный караул через каждые десять минут сменялся, а он, как стал, так и простоял до утра...

3

Летчиков хоронили рядом с аэродромом, на Ямском кладбище.

Мало кто из крестецких поселян знал, что по их улицам ходит, а с военного аэродрома вылетает на фронт сын легендарного полководца. А не вернулся летчик с задания — все улицы и улочки облетела горестная весть: погиб наш, крестецкий... сын Фрунзе.

И потянулся с рассветом 21 января народ на южную окраину Ямского кладбища, к свежей, выдолбленной в

промерзшем грунте могиле. Плотным полукольцом осадили поселяне замерший в суровом молчании строй летчиков. Кроме улетевшего на задание звена старшего лейтенанта Усенко и патрулей, охранявших небо над аэродромом и кладбищем, весь полк явился проводить в последний путь своего товарища. Пришли и соседи — истребители и штурмовики.

На снаряжных ящиках, покрытых алым плисом, стоял красный гроб. На крышке, как кусочек ясного неба, голубела околышем летная фуражка. Холодная хвоя венков, оплетенных черными, кумачовыми, белыми лентами, опоясала скорбный помост. Последний почетный караул у гроба несли Московец, Кулаков, Захаренков, Шутов.

В первом ряду стояли две девушки из БАО. Невысокая и худенькая поглядывала большими немигающими глазами из-под низко опавшего авиаторского шлема; у второй, круглолицей, с покусанными и припухшими губами, глаза тоже остановились и застыли. Обе они с недоумением смотрели на красный гроб и голубую полосу фуражки и еще никак не могли примириться с мыслью, что в нем лежит тот, кого одна из них называла Тимурой, а вторая страшилась при ком-нибудь вслух произнести его имя, чтобы не догадались по интонации о ее, только ее тайне.

Комиссар эскадрильи Дмитриев поднялся на снаряженный ящик и обвел взглядом сплошную массу людей. Мороз сковывал дыхание.

— Товарищи! — сказал Дмитриев негромко, но услышали его все. — Мы собрались, чтобы проводить нашего боевого товарища в последний путь...

Облачко пара вилось у задубленных морозом губ комиссара. Он говорил обычные в таких случаях слова, но они всеми воспринимались внове, как никогда не слышанные. После Дмитриева выступил Иван Шутов. Ломающимся голосом сказал всего лишь несколько слов:

— Прости, Тимур... В ту последнюю роковую минуту

я ничем не мог помочь тебе... Но я клянусь... Над твоей могилой клянусь: отомщу за тебя!

Выступили еще несколько человек. Потом Дмитриев вынул из кармана листок, и сухой шелест бумаги накалил тишину до предела.

— Дорогой Тимур, — снова заговорил комиссар. — Ты не слышал и не услышишь вчерашнего приказа по дивизии, но его слышали и услышат еще раз твои товарищи по оружию и все, кто пришел тебя проводить. Услышат и запомнят.

ПРИКАЗ

57-й смешанной авиационной дивизии № 010

20 января 1942 г.

Действующая армия

19 января 1942 года в воздушном бою с фашистскими бандитами пал смертью героя сын великого полководца Красной Армии Михаила Васильевича Фрунзе, летчик 161 ИАП, комсомолец лейтенант Фрунзе Тимур Михайлович.

Отважный истребитель, верный сын советского народа, он всю молодую энергию и страсть отдавал в боях с кровавым немецким фашизмом и с честью выполнил свой воинский долг.

Товарищи летчики, бойцы, командиры и политработники, смерть юного героя, впитавшего в себя все замечательные черты своего отца, великого полководца Рабоче-Крестьянской Красной Армии Фрунзе, зовет нас к мести.

Пусть же ненавидимые враги нашей Родины, немецко-фашистские изверги, понесут суровую и беспощадную кару советских летчиков.

Отомстим за смерть боевого товарища Тимура Фрунзе!

Смерть фашистским разбойникам, насильникам и убийцам!

Смерть немецким оккупантам!

Командир 57 САД

полковник
КАТИЧЕВ

Военком 57 САД
полковой комиссар
МОРЖЕРИН

Последние слова заглушил пронзительно-свистящий гул низко летевшего со стороны фронта истребителя. Промелькнув над верхушками сосен и плотной толпой людей, «як» стремительно взмыл вверх и, круто спикировав, зашел на посадку, зарулил почти у самого кладбища. Летчик, не снимая парашюта, спрыгнул с крыла, подтянул унты и быстро шапгал к свежей, еще открытой могиле. Однополчане узнали его издали — Усенко!

Он стремительно подошел к гробу, сорвал с головы шлем. Черные кудри сбились набок.

— Дорогой Тимур! Я только что вернулся с задания — сбил еще одного фашистского гада! Это мы — твои верные боевые друзья — открыли счет мести за тебя. Мы никогда тебя не забудем. Прощай...

Красный гроб подняли и понесли к мерзлому навалу свежей земли и зияющей могильной траншее. Но вскоре не стало ни гроба с фуражкой, ни свежей могилы, ни самой могилы, а вырос зеленый холм, увитый лентами.

Троекратный винтовочный залп распорол неподвижный, скованный стынью воздух.

Все окончено. Жизнь и война продолжались. Люди расходились жить, сражаться и побеждать.

Над холодным Ямским кладбищем нависла строгая тишина. И вдруг сдавленное рыдание оборвало эту ледяную тишину: у зеленого холма, уткнувшись в его студеные и колючие иглы, стояла девушка в шинели, а у ее ног, на снегу, лежал оброненный кисет с вышивкой: «Тимур, живи и побеждай!»

Иван Шутов оглянулся. Издали никого не заметил. Над пирамидой венков оседала прежняя тишина. Припадая на больную ногу, пошел дальше. Шагал через кладбище, мимо могил, напрямик. Он знал, куда ему сейчас нужно.

Полчаса спустя его встретило то особое безмолвие, какое рождают только зимние новгородские леса. Шутов не сбился — вышел точно, куда наметил выйти.

Вот она, та белая поляна. Никто с того дня сюда больше не забредал. Только их следы. А вон те, что оставлены вокруг заметенной фугасной воронки, — только его. Долго смотрел на них, словно надеялся, что тот, кто протоптал их, вот-вот выйдет из-за ближнего дерева и скажет: «Рухнула береза, но лес живет!» Потом подошел к белому столбу, достал из кармана комбинезона кортик и ниже «хеншеля» вырезал одного «юнкера» и двух «мессеров». Стоя, нашел его следы и, не суетясь, стал на них. Вынул пистолет с перламутровой рукоятью, прочитал надпись и трижды выстрелил.

КП генерала Куцевалова по-фронтовому строг и прост. Боевой день командующего начинался с просмотра поступивших за ночь донесений, сводок, телеграмм и других служебных бумаг.

Генерал внес с собой в натопленный блиндаж пресный запах морозного аэродромного утра и шорох задубевшей кожи своей амуниции. Еще не раздеваясь, подошел к столу и раскрыл подготовленную папку. Сверху лежал заполненный бланк наградного листа. Бегло прочитал, задумался и, присев, снова внимательно перечитал текст:

«...Используя всю огневую мощь самолета в этом неравном бою, лейтенант Фрунзе погиб смертью героя.

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими оккупантами, за проявленное при этом мужество и героизм летчик 161-го истребительного авиаполка лейтенант Фрунзе Тимур Михайлович достоин награждения орденом Красного Знамени».

Ниже стояли подписи командира и военкома 57-й смешанной авиадивизии.

Куцевалов раздумчиво обмакнул в чернильницу перо: «Орден Красного Знамени — высокая и почетная боевая награда, однако же справедливость требует действия этого

качинского орленка оценить выше: летчик-истребитель не только сбил вражеские самолеты, но и, жертвуя собой, до последнего патрона и снаряда защищал жизнь своего командира. Вы ж сами, товарищи начальники из пятьдесят седьмой, точно определили его подвиг: погиб смертью героя!» И генерал в пустующей графе, где требовалось вписать армейское заключение, четко вывел:

«Достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

ЭПИЛОГ

Наступил февраль. Морозы не сдавались.

По накатанной дороге со стороны Валдая на Крестцы мчалась группа машин: впереди — крытый грузовик с подразделением охраны, в центре — белоснежная эмка, а замыкающими — несколько «козликов» с представителями штаба и политуправления фронта. В эмке на заднем сиденье подавленно помалкивал маршал, прибывший из Ставки на Северо-Западный фронт выяснить причины затянувшегося окружения 16-й армии Буша. Покончив с делами в штабе фронта, маршал пожелал выехать в Крестцы. Сказал и помрачнел.

Все поняли, что потянуло его туда.

За всю дорогу он не проронил ни одного слова. Можно было подумать, что ему нездоровится — папаха низко натянута на уши, каракулевый воротник поднят, руки засунуты в рукава.

О приезде Ворошилова в Крестецкий гарнизон уже знали. Командование воздушной армии и смешанной авиадивизии встретило его у двухэтажного штабного особняка. Поправив папаху и опустив воротник бекеши, он вышел, выслушал рапорт, осмотрелся. Рядом, в городском саду, белели заснеженные деревья. Маршалу предложили отдохнуть в специально для него подготовленной комнате.

— На могилу Тимура, — тихо попросил он.

И опять помчались машины, только теперь в сторону Ямского кладбища. На подъеме эмка неожиданно забуксовала. Ворошилов с минуту вслушивался в надрывный стон мотора и вышел.

В подернутой морозной дымкой вышине барражировали «яки» и «лавочкины».

— Пойдемте пешком, — нетерпеливо сказал Ворошилов.

Сопровождающий генерал с сомнением посмотрел на его легкие хромовые сапоги. Они явно не годились для крестецких морозов. Осторожно предложил:

— Может, в кабине грузовика? Он возьмет подъем.

Полуторка подкатила, водитель распахнул дверцу. Ворошилов вскочил на подножку, залез в кабину.

— Трогай, солдат...

Грузовик с ходу вымахнул на взгорье и вскоре подкатил к Ямскому кладбищу.

На могиле Тимура Фрунзе возвышалась выкрашенная под серый мрамор дощатая пирамидка со звездой и взлетающим самолетом, пониже — рамка с портретом и надписью. Портрет Тимура увеличили с миниатюрной фотографии комсомольского билета. Совсем юный, с изумленно распахнутыми глазами и виноватой улыбкой в уголках губ, он смотрел на своего Климента Ефремовича и, казалось, хотел успокоить его: «Не надо плакать... иначе я не мог».

По щекам маршала катились слезы, на ресницах подрагивал иней.

— Прощай, сынок... прощай, Тимур...

К могиле подходили вернувшиеся с задания летчики, свободные от дежурства механики. Стояли все молча, неподвижно. И вдруг от своих товарищей отделился сержант Лукьяненко и решительно двинулся к Ворошилову, держа в руке трепещущий лист бумаги. Ему преградил путь штабной генерал:

— В чем дело?

— Вот... мы тут... Одним словом, мы — несколько механиков — решили подать рапорт на имя Маршала Советского Союза: хотим переучиваться на летчиков-истребителей, чтобы в небе мстить за нашего Тимура!

— Давай сюда, — сказал генерал и спрятал рапорт в планшет.

...Желание механиков 161-го истребительного авиаполка было удовлетворено. Они были откомандированы в летное училище, а потом летали и мстили за Тимура в небе. И не только они. Мстил весь полк, продолжавший громить под Старой Руссой настырных стервятников «Рихтгофена», обеспечивая окружение демянской группировки врага.

И окружили!

И пусть этот первый котел был еще ненадежным — его солдаты Буша ценой огромных потерь пробили у Рамушево, образовав узкий коридор в свой тыл. Но котел то был! А тот рамушевский коридор сами же бушевцы нарекли «коридором смерти».

Позже научились выковывать непробиваемые котлы. От Сталинграда до Берлина на славу поработали фронтовые мастера по окружению отступающих войск противника! Но и тогда многие из этих мастеров падали, сраженные на земле и, как Тимур, в небе.

Всегда ли ты, юный читатель, помнишь, что та величайшая Победа пришла потому, что погиб герой этой повести Тимур Фрунзе, погибли его школьные товарищи Юрий Клок, Вадим Климентьев, братья-близнецы Воздвиженские, погибли многие его однокашники по спецшколе и крылатой Каче, в том числе Малинин и Раскатов, Рыжов и Котомкин-Сгуров, Олег Баранцевич и Володя Микоян, погиб его первый авиационный наставник лейтенант Коршунов, погибли его фронтовые однопольчанине — командир эскадрильи Кулаков, санинструктор Тоня и самый близкий боевой друг Иван Шутов, переживший своего спасителя только на два месяца с небольшим...

Двадцать миллионов советских сердец остановилось во имя того майского дня, когда прозвучал последний выстрел, а над чудовищным зданием, в стенах которого зародилась безумная идея похода на Восток, взвилось багряное полотнище возмездия и торжества — стяг Победы.

И всех, кто дошел до этих мрачных стен, народ назвал победителями. Но и те, кто, не дойдя до Берлина, пали, остались в народной памяти непобежденными. О них всегда помнили, их имена зачисляли навечно в списки частей, с которыми они шли и героически побеждали.

Зачислят приказом министра Вооруженных Сил Союза ССР навечно в списки 1-й эскадрильи истребительного авиаполка и Героя Советского Союза лейтенанта Фрунзе Тимура Михайловича. На торжественных поверках передовой командир звена той эскадрильи Филипченко Анатолий Васильевич, кому судьба уготовила совершить космический подвиг и стать дважды Героем Советского Союза, на вызов «Герой Советского Союза лейтенант Фрунзе Тимур Михайлович!» звучно ответит: «Герой Советского Союза лейтенант Фрунзе Тимур Михайлович пал смертью храбрых в бою за свободу и независимость нашей Родины!»

И Большая Садовая улица в Крестцах, и многие другие улицы в других городах, а также дома культуры, школы, пионерские дружины и отряды будут названы именем Тимура Фрунзе, а в Старой Руссе в честь его подвига воздвигнут памятник.

Но все это будет потом.

А в тот триумфальный майский день 1945 года, когда на потрясенных стенах рейхстага победители оставляли свои знаменитые автографы, память о павших героях читалась ими трогательно просто — расписывались за себя и за тех, кто остался навсегда алыми звездами у фронтовых дорог...

Стройная девушка в ладно сидящей гимнастерке и щеголевато сбитой набок пилотке подошла к рейхстагу, оглядела стены и, покачав головой, проговорила огорченно:

— Куры клюнуть негде — все исписано.

Но все же отыскала свободный кусочек стены и написалась угольком. А потом глянула вверх, где свободного места было побольше, нагнулась и подобрала еще один уголек.

— Ребята! — окликнула она двух сержантов, проходивших мимо. — Поднимите меня!

Те поняли. Скрестив руки и позванивая густым набором орденов и медалей, они высоко вознесли ее над полководьем солдатских имен, чувств и дум, и она на широком свободном месте старательно и крупно вывела: «ТИМУРА».

Спрыгнув, отошла подальше, оглядела надпись критически, потом удовлетворенно кивнула:

— Видно... Далеко видно!
Май ликовал над миром.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Пролог	5
Глава первая	28
Глава вторая	52
Глава третья	65
Глава четвертая	85
Глава пятая	92
Глава шестая	110
Глава седьмая	127
Глава восьмая	148
Глава девятая	163
Глава десятая	182
Глава одиннадцатая	195
Глава двенадцатая	215
Глава тринадцатая	250
Глава четырнадцатая	288
Глава пятнадцатая	314
Эпилог	328

Александров В. Е.

А46 Тимур — сын Фрунзе: Повесть. — М.: Воениздат, 1979. — 333 с. — (Библиотека юного патриота).

В пер.: 60 к.

В книге создается обаятельный образ отважного летчика-исстребителя Тимура Фрунзе, сына легендарного полководца гражданской войны. Читатель встречается с юным патриотом и в семье К. Е. Ворошилова, где он воспитывался после смерти родителей, и в Качинской авиационной школе, и во время жестокой схватки с врагом в небе войны.

А 70302-155
068(02)-79 130-79

ББК 84Р7

Р2

Виктор Евгеньевич Александров
ТИМУР — СЫН ФРУНЗЕ
Повесть

Редактор *И. В. Черных*
Художник *В. Г. Карабут*
Художественный редактор *Г. В. Гречиго*
Технический редактор *Ю. Н. Чистякова*
Корректор *Г. В. Казнина*

ИБ № 1018

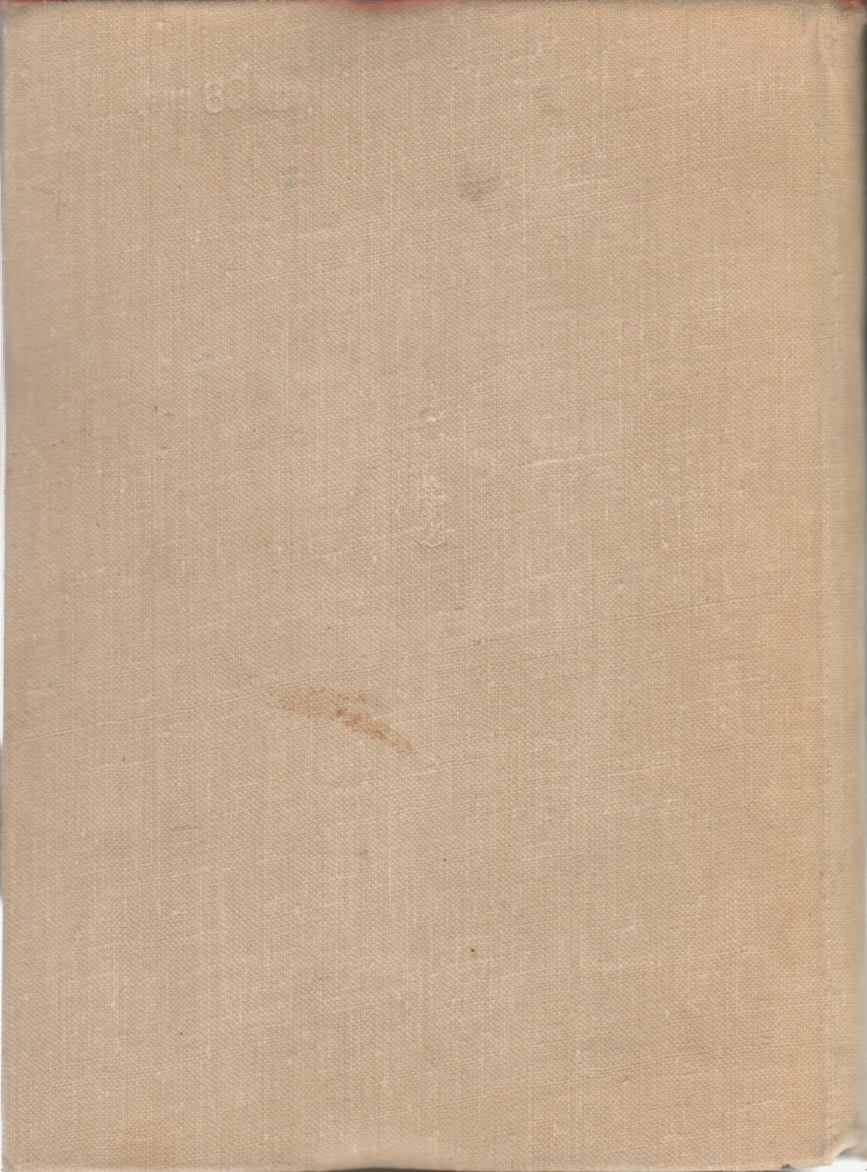
Сдано в набор 21.12.78. Подписано в печать 29.03.79. Г-22197.
Формат 70×108/32. Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная новая. Высокая печать.
Печ. л. 10¹/₂. Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 15,343
Тираж 100 000 экз. Изд. № 4/4615. Зак. 915. Цена 60 к.

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Военное издательство просит присылать отзывы об
этой книге по адресу:

Москва, К-160.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY